

СМЕНА

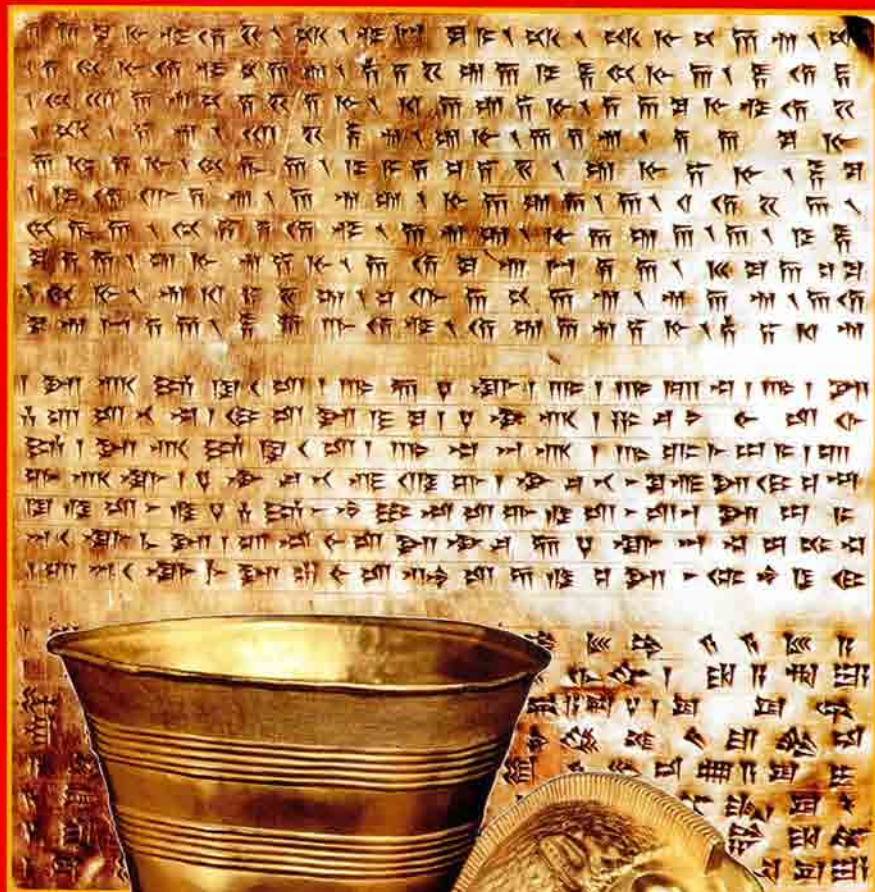
ноябрь 11 05

22 Диковинный рукотворец

150 Департамент нежности

32 Ее узнали после смерти

Персеполь

стр. 4-9

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил Кизиллов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башнеев Максим
Вартамян Галина
Исмагилова Олеся
Калинина Людмила
Ним Александр
Молчанова Надежда
Подольян Кирилл
Подорванова Светлана
Силанова Марина
Фоминова Светлана
Чейшвили Владимир

2005
ноябрь (1693)

Сдано в набор 15.09.2005.
Подписано к печати 15.10.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 11837
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg.№ 014832.

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский

полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2005.

наследие веков

Игорь Опарин
4 Персеполи

Ирина Опимах
10 Альфред Сислей

издалека

Любовь Русева
**22 Главный механикус
 Отечества**

детектив

Эд Макбейн
32 Сэди после смерти

love story

Майя Орлова
110 Классический вариант

▼ стр. 10

стр. 160 ▶

стр. 177 ▶

стр. 142 ▶

звезды мирового экрана

Владимир Нислов

128 Эксцентрик из клана
Копполы

◀ стр. 152

▼ стр. 128

молодой бульвар

Евгения Белокурская

138 Творцы с образованием
Максим Башкеев

142 Правнуки Тимура, или
От скаута к следопыту
Кирилл Сорокин

147 Вечно молодой

Денис Логинов

150 Департамент нежности
Елена Воробьева

152 Не упустить свой шанс
Екатерина Постникова

156 Не плачь, девчонка,
пойдут дожди...

Екатерина Макарова

160 Волшебное слово
"нет", или Как избежать
"гражданского брака"

Просто Кир

164 Старый конь
борозды не испортит
Ольга Быстрых

168 Все, что касается...
"Зверей"

Алена Захарова

173 Заводной спорт

Алла Пустынова

177 Обратите внимание!
Впереди светофор!

Евгения Гордиенко

182 Карлсон, который
ест на крыше

Иосиф Гольман

ЕХАЛ ГРЕКА ЧЕРЕЗ РЕКУ

Преуспевающий бизнесмен Егор Греков окончательно запутался в своих отношениях с женщинами. Но в тот момент, когда он решил сделать окончательный выбор, в его жизнь неожиданно ворвалось прошлое...

Рекс Стаут

УБЕЙ СЕЙЧАС, ЗАПЛАТИШЬ ПОСЛЕ

Вас ждет встреча с великим сыщиком Ниро Вульфом, который со своим неизменным помощником Арчи Гудвином раскрывает очередное убийство.

Персеполь

В Иране, примерно в восьмидесяти километрах от Шираза, возвышаются колонны Персеполя, древней столицы империи Ахеменидов, грандиозного города, основанного персидским царем Дарием, вошедшим в историю как Дарий Великий. Дарий был действительно велик — вступив на престол в 521 году до н.э., он одержал верх над девятью другими претендентами, жестоко расправившись с соперниками, и стал вторым по могуществу в подлунном мире — после всемогущего бога Ахура-мазды.

Путь к власти был непрост — будущему властителю, честолюбивому, амбициозному сыну парфянского сатрапа Гистаспа, отпрыску боковой ветви царского рода Ахеменидов пришлось организовать заговор, в котором участвовали шесть аристократических семейств, и свергнуть незаконно захватившего престол мага (магами в Персии называли жрецов) Гаумату. А чтобы закрепить свое положение — умный Дарий понимал, что все в мире так непрочное! — он женился на Атоссе, дочери его предшественника царя Кира II Великого. В руках Дария оказалась огромная империя — ее земли протянулись от Египта до Индии. Персии под-

чинались Мидия и Лидия, Кария и Ликия, греческие города на западном побережье Малой Азии, Месопотамия, Сирия, Палестина, Финикия, Бактрия. Завоеванные персами государства продолжали существовать, но уже под персидским управлением, которое отнюдь не отличалось мягкостью. Неудивительно, что империю непрерывно потрясали восстания. Дарий со своей армией их систематически подавлял, а потом шумно праздновал очередную победу. В 517 году до н.э. он повелел увековечить его грандиозные свершения на благо единства великой империи в знаменитой Бехистунской надписи, высеченной на Бехистунской скале

на трех языках — древнеперсидском, вавилонском и эламском.

Скульпторы выбрали отвесный участок скалы и вытесали на нем огромный ровный прямоугольник. От нижней стороны его до земли — 50 метров, потому этот монумент можно разглядывать только издалека. На каменном полотне вырубили несколько фигур в человеческий рост и среди них — фигуру Дария, она, как и должно быть, крупнее остальных. Дарий поднял руку к крылатому богу, а ногой попирает своего главного врага Гаумату, который скорчился от боли и унижения. За спиной Дария стоят его придворные, в их руках — луки и копья. Лицом к царю выстроились его вра-

ги, руки их связаны. Остальная часть стены занята надписями на трех языках, в которых и рассказывается о свершениях персидского властителя. А кроме того, тут было и предупреждение всем, кто осмелится повредить сей монумент — такого смельчака ждала неминуемая смерть.

И Бехистунский монумент сохранился до наших дней — даже время испугалось Дария и не тронуло памятник его величию. А надписи, высеченные на скале, помогли найти ключ к расшифровке клинописных текстов, но это было гораздо позже, когда ни Дария, ни его империи уже давно не существовало, и лишь у античных историков можно найти сведения о былой мощи государства Ахеменидов...

Нескончаемые восстания подтолкнули Дария, жестокого, но и мудрого правителя огромной страны, к государственной реформе — он разделил все государство на двадцать административных единиц, сатрапий, и поручил управ-

лять ими сатрапам — представителям персидской и мидийской знати. Сатрапы, получив определенную самостоятельность, всячески благодарили своего царя. Более того, Дарий разрешил покоренным им народам сохранять свою культуру, язык, поклоняться своим богам — как сейчас говорят, проявил высочайшую толерантность. Но этим его деяния не ограничились — он ввел единую монету — золотой дарик, проложил так называемые царские пути, на которых встали почтовые станции (самый известный путь — Царская дорога, соединявшая лидийский город Сарды с Сузами) и ввел единый официальный язык — арамейский, поскольку на нем уже давно говорили во многих его сатрапиях. При Дарии был построен и прототип Суэцкого канала — канал, соединявший Нил и Красное море! А еще Дарий много внимания уделял судебной системе — неуклонно следил за соблюдением законов в империи, а те судьи, что грубо нарушали закон или брали взятки, подвергались страшному наказанию — с них заживо сдирали кожу и натягивали ее на судейские стулья — на устрашение коллегам и преемникам. Весьма эффективное средство для поддержания законности в стране!

Столицей Персии в те времена были Сузы. Большой и богатый город, Сузы все-таки уступали по пышности и роскоши Фивам и Вавилону, а Дарию так хотелось, чтобы его столица соответствовала мощи его империи. И он велит (примерно в 518 году до н.э.) построить новый город — Парсу. Уже потом греки назвали его "Городом персов" — Персеполем. Подходящее место нашли в пятидесяти километрах от нынешнего Шираза — от реки Рахмед к реке Пульвар спускаются величественные террасы, вот на них и стали строить. В ахеменидской Персии трудилось множество ремесленников, художников и строителей со всего мира. А чтобы они не убежали, их жестоко калечили — отрубали ноги, левые руки, уши и т.д. Древнегереческие исто-

рики рассказывают, что когда Александр Македонский подошел к Персеполю, он увидел у дороги толпу изувеченных резчиков, скульпторов и художников. Только греческих мастеров оказалось в Персеполе более восьмисот! А ведь на строительстве города работали и египтяне, и мидийцы, и иудеи, и армяне — все те, по ком прошла тяжелая пятой персидская армия. Такие царские нравы в империи Дария Великого. Власти не нужны были творческие озарения этих изуродованных мастеров — от них требовалось одно: четко и неукоснительно выполнять волю правителя по увековечиванию его могущества и власти. Вот почему Персеполь, его стены и лестницы украшают довольно однообразные, но весьма внушительные барельефы, на которых изображены колонны одинаковых воинов, во главе которых — Он, Царь царей. На одной из лестниц — 23 барельефа, где представлены целые отряды поданных царя. Город делился на две части — в одной стояли кирпичные сооружения, служившие личным потребностям царя, в другой — каменные здания, дворец Дария, Парадный зал и другие.

Покои для царской семьи, гарем, и другие здания также украшают барельефы со сценками из повседневной жизни — вот царские слуги подают полотенца и благовония своим господам, вот они

опахалами отгоняют мух и создают прохладу, несут пышные яства. Однако сердце Персеполя — конечно же, Ападана, грандиозный зал приемов. Это квадратный зал, столъ огромный, что в нем могли поместиться десять тысяч человек! В основании здания — квадрат со стороной 61 м. Высота достигала высоты семиэтажного здания — 18 метров, крышу поддерживали семьдесят две колонны, стоявшие в шесть рядов. Персепольские колонны существенно отличались от греческих и египетских — это были прямые каменные столбы, выроставшие из мягких, широких оснований и заканчивавшиеся капителями в форме львиных или бычьих фигур. Колонны занимали все пространство зала, подобно лесу.

Археологи до сих пор не могут найти ответ на простой вопрос — а где же должен был стоять трон царя? Зал имеет абсолютно симметричную форму! Некоторые ученые даже полагают, что зал — никакой не зал приемов, а место, куда свозились награбленные со всего мира сокровища персидских владык.

В Персеполе отмечали самый главный праздник персов — Новый год. И тогда представляли всех покоренных народов подносили к ногам царя в знак верности жертвенные и почетные дары. Иноземцам посещать Персеполь запрещалось — может, еще и поэтому греки называли его только городом персов?

Дарий не достроил Персеполь — он умер в 486 году до н.э. во время подготовки военного похода на Египет. Дело продолжили его сын Ксеркс и Артаксеркс, о чем на стенах города свидетельствуют соответствующие надписи. Не удовлетворившись уже существовавшей Ападаной, они пристроили второй зал, который нес все ту же идею могущества персидских царей.

В 480 году до н.э. воины Ксеркса, решившего, что его империи очень не хватает Греции, вошли в Афины, разграбили храмы Акрополя и сожгли дотла столицу Эллады. Однако эллины покорить не удалось — персидский флот был раз-

бит при Саламине, и Ксеркс отступил, но победы греческой армии не смогли унять боль потерь, и память об афинском пожаре стала незаживающей раной в сердце каждого грека. Эта рана не зарубцевалась и спустя полтора века, когда армия Александра Македонского выступила против тогдашнего персидского царя Дария III и всей империи Ахеменидов — по-прежнему упорядоченной и построенной на жестком управлении, но уже терявшей свое былое могущество. Греческие историки пишут, что Александр, встретив в Персеполе искалеченных греческих художников, решил, что этот город, уродующий своих строителей, не имеет права на существование, и именно тогда решил его уничтожить.

Существует легенда о том, как, войдя в Персеполь, Александр-победитель персидских царей устроил пир. На этом пире праздновала очередное свершение Александра и афинянка Фаида, возлюбленная Птолема. И вот, когда уже было выпито и съедено немало, Фаида, схватив факел, потребовала сжечь Персеполь — сжечь его, как когда-то персы безжалостно сожгли ее родной город Афины. И тогда Александр, якобы, проникнувшись общим настроением своих подданных, первым бросил факел в каменный лес тронного зала Ападаны. Красивая история, но, скорее всего, легенда. Иначе почему Александр повелел за несколько дней до пожара вывезти все сокровища персидских царей в Сузы (кстати, для этого, как пишет Плутарх, ему понадобилось 10000 мулов и 5000 повозок!), а затем отдал город в руки своих солдат, которые разграбили то, что еще там оставалось? Когда начался пожар, в городе практически уже никого и ничего не было — он уже был мертв.

К утру все кончилось — лишь кое-где тлели угли. Обвалились крыши, сгорели деревянные стены, остался лишь лес каменных колонн и каменные барельефы, на которых и сейчас по-прежнему, как

тысячелетия назад, уходят в вечность армии персидских царей.

Греческие историки рассказывают, что Дарий III, умиравший от смертельной раны, нанесенной ему его же сатрапом, в страшных мучениях, смог найти среди людей, которые его окружали в последние минуты жизни, лишь одну пару глаз, в которых светилась сочувствие — это были глаза Александра Македонского, настигшего наконец своего кровного врага. И, не доверяя более после страшного предательства своим приближенным, именно к нему обратился Дарий с просьбой позаботиться о его любимой жене и детях. Растроганный Александр прикрыл тело Дария своим плащом и приказал похоронить его в Персеполе, превратившемся в пепелище.

Так умер последний из Ахеменидов, так закончилась эра великих персидских властителей.

В эпоху Возрождения в Европе резко вырос интерес к античности и, в частности, к фигуре Александра Македонского. В исторических трудах греческих ученых рассказывалось о покоренных им народах и странах, и там, конечно же, была и история великолепной столицы персидских властителей Персеполя. В XV веке появились первые рассказы о путешествиях европейцев в Персию, а потом последовали и другие заметки о том, что осталось на месте древней столицы.

Первые раскопки в Персеполе произвели в 1878 году, под руководством правителя провинции Фарс, и конечно же, не с целью научной, а скорее, чтобы найти какие-то ценности. Было нанято более 600 рабочих, которые обнаружили несколько интересных вещей, но никаких более-менее научных описаний их не сделали. Один из руководителей работ по имени Форсат, очень заинтересовавшись раскопками, выпустил книгу "Памятники Персии", в которой дал план руин и несколько рисунков.

Настоящая археологическая история Персеполя началась в 1924 году,

когда правительство Персии пригласило вести раскопки в Персеполе немецкого археолога Эрнста Херцфилда. Именно ему и его коллеге Эриху Шмидту мы обязаны тем, что нам теперь известно о древней столице Ахеменидов. (Шмидт приехал на раскопки в 1935 году с бипланом, который ему подарила его небедная жена специально для археологических целей. Обзор местности с воздуха очень помог археологам.) Они наняли тысячи местных крестьян, которые трудились от зари до удара вечернего гонга, означавшего, что рабочий день закончен. В короткие перерывы на обед они, выпив козьего молока с хлебом и сыром, набирались сил для следующего рывка. Позже раскопки продолжили иранские и итальянские археологи. И постепенно, по мере того, как освобождались от вековых напастований здания и храмы Персеполя, перед учеными открывалось былое великолепие столицы персидских правителей, гибель которой в огне ознаменовала не только закат империи Ахеменидов, но и закат целой цивилизации Востока, цивилизации, породившей пирамиды Египта и великие города прошлого Ниневию и Вавилон, цивилизации, павшей под ударами небольшой, но быстрой и мобильной армии гениального античного полководца Александра Македонского. "Тогда погибла вся средневосточная культура, для которой прошли времена творческих порывов", — писал английский археолог Мортимер Уиллер. Наступала новая эпоха, породившая новые империи и новых властителей...

Прошли тысячелетия, человечество пережило страшные трагедии, безумные войны, но, как и столетия назад, взирает на мир с высеченных в камне рельефов в окружении своих сатрапов и воинов гордый Дарий, и стоит каменный лес колонн его Персеполя — как вечное напоминание о том, что даже самым могущественным империям, рано или поздно, приходит конец. ■

Альфред Сислей

Один из основателей импрессионизма, художник, стоящий в ряду лучших пейзажистов мира, Альфред Сислей известен широкой публике гораздо меньше своих знаменитых друзей-импрессионистов. И это совсем незаслуженно. Его картины, в которых звучит тихая, но ясная и удивительно душевная мелодия, в которых воплотился дух провинциальной Франции, по праву вошли в сокровищницу мирового искусства.

Наводнение в Пуэ-Марли. 1873

Альфред Сислей родился в английской семье, переселившейся во Францию отнюдь не из любви к этой стране, а исключительно из соображений коммерческих. Отец художника Уильям Сислей и мать Фелиция были кузенами и происходили из старинного купеческого рода, связанного с Францией давними отношениями — и деловыми, и вполне лирического свойства. Деду художника нравились не только парижские товары, которые он возил продавать на родину, но и парижские дамы, среди которых мистер Сислей нашел себе ту, что стала его женой. Вот и Уильям продолжал дело отца, а в 1830-х годах окончательно осел в Париже. Поначалу он служил управляющим складами одной торговой компании, а потом, скопив необходимую сумму, открыл собственное дело. Все у Сислеев складывалось неплохо — фирма приносила немалый доход, и можно было рожать детей, что Фелиция исправно делала. 30 октября 1839 года в семействе родился четвертый ребенок — мальчик, которого назвали Альфредом. Уильям Сислей с уважением относился к французам, но все-таки считал, что настоящее образование можно получить только в Англии. И Альфред, достигнув 18 лет, уезжает на родину — учиться. Послушный — пока — представлениям отца о его будущем, он служит в одной из лондонских торговых фирм. Но очень быстро Альфред понимает, что коммерция — не для него. Его влечет совсем иное, и это иное так далеко от того, чем занимается его отец! В Лондоне Альфред увидел полотна выдающихся английских художников Тернера, Констебля. Он будет художником, решает юноша и возвращается в Париж. Родителям, как это им ни трудно, приходится смириться с тем, что Альфред не продолжит дело отца. Более того, отец назначает ему денежное содержание, дабы мальчик мог учиться живописи, и благодарный сын поступает в Школу изящных искусств, в мастерскую известного парижского художника Шарля Глейра. Случилось это в сентябре 1862 года. Но еще раньше он уже ездил писать этюды в Барбизон. В регистрационном журнале мсье Ганна, держателя знаменитой гостиницы, приюте пейзажистов, художников-барбизонцев, записано: "Сислей, эсквайр, двадцати двух лет". Сислея принимали как англичанина, да он и чувствовал себя англичанином.

В мастерской Глейра уже занимались молодые Клод Моне и Пьер-Огюст Ренуар. Вместе с Сислеем учеником старого мастера стал Фредерик Базиль, приехавший в Париж изучать медицину и увлекшийся живописью, да так, что полностью поменял все свои планы на будущее. Что за человек был этот Глейр, первый учитель Сислея и других будущих основоположников импрессионизма? Моне рассказывал о своей первой встрече с маэстро так: "С воодушевлением я целую неделю работал над этюдом обнаженного натурщика. На следующий понедельник (обычно Глейр исправлял этюды по понедельникам) Глейр подошел ко мне и, основательно устроившись на моем стуле, внимательно осмотрел мою работу. Затем повернулся с удовлетворенным видом, склонил набок свою важную голову и сказал: "Неплохо! Совсем неплохо сделана эта вещь, но слишком точно передан характер модели. Перед вами коренастый человек, вы и рисуете его коренастым. У него огромные ноги, вы передаете их такими, как они есть. Все это очень уродливо. Запомните, молодой человек, когда рисуете натуру, всегда нужно помнить об античности..." Вот такое своеобразное понимание реализма было у учителя будущих импрессионистов.

Но при этом Глейр — добрейшей души человек, и помня о своей нищей юности, не брал с учеников плату за уроки и оставался довольным, если они хотя бы возмещали затраты на аренду помещения, бумагу, карандаши и краски. Картины мастера, что и говорить, были скучны и неинтересны — и по сюжету, и по исполнению, но он знал ремесло, считался неплохим рисовальщиком и смог научить всему, что умел сам, своих учеников. Абсолютный бесребреник, он равнодушно относился к мирским благам и жил, как рассказывал Ипполит Тэн, "в квартирке, как жалкий мазила,

Баржи на канале Сан-Мартен. 1870.

мастерской ему служил пыльный чердак, а спальней — темная клетушка". Но, по видимому, Глейр был очень неглупым человеком, недаром вечерами в его квартиру заходили такие люди, как Мериме, Флобер, Берлиоз, Мюссе, Милле — цвет парижской богемы! Видно, было в этом весьма посредственном художнике нечто, что привлекало к нему столь достойных людей. Позднее Ренуар признавался, что научился ремеслу художника у Глейра, а Базиль писал в письме к родителям, что Глейра все очень любят.

Клод Моне — старший в компании учеников Глейра — ему уже исполнилось целых двадцать пять лет, и за его спиной были два года в Алжире и знакомство с Писсарро. Неудивительно, что он стал лидером. Однажды весной он вытащил своих друзей из Парижа в Шайи, деревушку неподалеку от Барбизона, и все четверо пишут там с натуры. Академизм, который проповедовал Глейр (учитель любил классическую красоту и не терпел в искусстве грубой прозы жизни, которая была так хорошо знакома ему благодаря богатому житейскому опыту), не мог увлечь молодых художников, их школой стали окрестности Парижа. Очаровательные пейзажи Фонтенбло, Аржантейля, Онфлера и Шайо навсегда вошли в душу Сислея, природа французской провинции — постоянная тема его работ.

В 1863 году четверка приятелей покинула мастерскую Глейра, путившись в самостоятельное плавание по морям безбрежного океана искусства.

Сислей, благодаря деньгам отца, — самый обеспеченный среди своих нищих друзей. Когда у них нет денег на кров или пары су на обед, он предоставляет им и пристанище, и кусок хлеба. Ренуар частенько пользуется добротой друга. И пишет его портреты. На них — хорошо одетый, очень милый молодой человек с умным,

тонким лицом. Он не отличался сильным характером — Ренуар говорил о своем друге, что тот “очаровательное существо, не способное возразить даже женщине”, любил поиграть в карты и бильярд, приятен в любой компании, но больше всего он любил искусство и был бесконечно ему предан.

Зимы Сислей проводил в Париже, но как только приходила весна, отправлялся за город. Неделями он плывал в лодке вдоль Сены вместе с Ренуаром, неустанно пытаясь запечатлеть на холсте тончайшие переходы — дрожание воздуха, мерцание света, полутона красок, создавая поэтичнейшие картины жизни природы. И тут Сис-

лей ощущал себя верным последователем великого французского пейзажиста Камилля Коро (1796-1875), призывавшего своих учеников: "Никогда не теряйте первого впечатления, которое вас взволновало!", который стремился открыть в природе то, что не замечено другими, а потом передать это на своих полотнах, чтобы поделиться с людьми радо-

стью познания нового, радостью встречи с красотой.

В 1866 году две работы Сислея приняты в Салон — но это оказалось случайностью. Больше работы Сислея и его друзей, Писсарро, Ренуара и других, посетители Салона, официального, насквозь академического, не увидят. Золя писал в одном из своих писем: "Все на свете отвергнуто, жюри закрыло двери перед всеми, кто ищет новых путей". И тогда молодые ниспровергатели официального искусства организовали свой Салон — Салон отверженных, Салон независимых, где и выставляются картины, которые ныне считаются классикой миро-

Мост у Хамптон-Харта. 1874.

вой живописи. Но тогда все выглядело совсем иначе. Публика и критики не восприняли новое искусство — они приходили на выставку, лишь чтобы посмеяться.

Однако художники не падают духом. После работы у мольберта они собираются в небольшом кафе "Гербуа" на улице Клиши и ведут жаркие споры. Каких только блестящих людей ни принимал в своем заведении владелец кафе мсье Огюст Гербуа, весьма энергичный и предприимчивый господин, навсегда вошедший в историю искусства благодаря завсегдатаям своего заведения! Тут и художники — Ренуар, Писсарро, Моне, Сислей, Сезанн, Фантен-Латур, Уистлер, литераторы и писатели — Зо-

ля, Астрюк, Пруст, и многие другие. И всех их волнуют пути развития искусства. Как жить дальше, стоит ли снова пытаться выставляться в Салоне, как изображать на полотне свет, тени, как найти необходимый оттенок? Как выжить, если денег нет? Как найти покупателя для своих картин?

В "Гербуа" собираются очень разные люди, но их всех отличает преданность искусству и желание искать свои собственные пути в творчестве. И вместе им было легче противостоять ударам судьбы, которые обрушиваются на юных и уже не очень юных творцов новой живописи. А все новое дается не просто и требует непрерывной работы. И вот уже Моне, Сислей и Писсарро, чтобы доказать, что тень получает дополнительную окраску, зависящую от того, какие предметы находятся рядом, покидают теплое и уютное заведение мсье Гербуа и выходят на улицу — пишут зимние пейзажи. И тени на снегу на их полотнах совсем не серые, а в ясный день — прозрачно-синие, перед закатом — оранжевые и розово-фиолетовые. А весной, когда стало тепло, они шли к Сене — мсье Гербуа прекрасно знал берега реки, и именно благодаря ему будущие импрессионисты открыли множество очаровательных, живописных местечек.

В середине 1860-х годов Альфред познакомился с натурщицей Эжени Лескузе. Ренуар вспоминал об Эжени как об очень чувственной, но весьма благовоспитанной девице. Роман развивался стремительно и неудержимо. Вот они, на картине их друга Ренуара, которая так и называется — "Альфред Сислей с женой": господин в сюртуке, в перчатках и с цветком в петлице, нежно склонился к очаровательной брюнетке в бело-оранжевом туалете, которая обеими руками прижимает к себе локоть любимого. Надо отметить, Сислей и его избранница кажутся весьма respectable парой. Однако женой (законной) Эжени тогда ему не была. И так, молодые люди стали жить вместе. А уже в 1867 году у них родился сын Пьер. А потом у мальчика появилась сестричка Жанна. Отец Альфреда, Уильям Сислей, был оскорблен таким, абсолютно недостойным, с его точки зрения, поведением сына. Сойтись с натурщицей, жить в незаконном браке, да еще рожать детей! Разозлившись, он решает лишить сына денежного содержания. Сислей с семьей оказался на краю нищеты — ведь картины его никто пока не покупает, а ничего иного он делать не умеет, а главное — не хочет! Эжени, не избалованная богатством и преуспеванием, стала настоящей подругой художника. "Когда у меня опускались руки, — вспоминал Сислей, — моя добрая и отважная Эжени всегда старалась поддержать меня, говоря: "Нужно сражаться до последнего". И они сражались, сражались вместе, другого выхода у них не было.

Лето 1870 года резко изменило привычный ход вещей. Грянула Франко-прусская война и разметала заведателя кафе "Гербуа" в разные стороны. Ренуара зачислили в кирасиры и отправили в Бордо объезжать лошадей. Дега, утверждавший, что никогда не слышал, как стреляют пушки, попал в артиллерию. Моне, не подлежавший призыву, уехал с семьей в Гавр, Сезанн отправился в Марсель. А Базиль записался в полк зуавов, которым приходилось выполнять самые опасные задания. 28 ноября он погиб под Бон-ля Роланд, не дожив нескольких дней до дня рождения — ему должно было исполниться двадцать девять лет. Это было огромным ударом для всех, кто его знал. Фредерик Базиль, рано сложившийся как художник, человек выдающегося дарования, не успел услышать слово "импрессионизм", но его работы стали истинными шедеврами раннего периода этого течения.

Французская армия, неподготовленная, под руководством бездарного командования, терпела поражение за поражением. 2 сентября Наполеон III сдался в плен, армия капитулировала. И тогда парижские рабочие провозгласили республику, и социалист Гамбетта призвал французов спасти честь нации или умереть. Но "Правительство национальной обороны", решив, что немецкая оккупация лучше революции,

открыло пруссакам дорогу на Париж. 17 сентября началась осада города. Правительство переместилось в Бордо, а парижане, испуганные жестокостью бошей, бежали кто куда. Оставшиеся в городе голодали — ели кошек, собак и крыс. Наконец, 28 января 1871 года город капитулировал, а в конце февраля Тьер подписал с Бисмарком договор, по которому к Германии отходили Эльзас и Лотарингия, а, кроме того, Франция должна была выплатить огромную контрибуцию. События развивались все с большей скоростью, и вот народ Франции, не желавший терпеть на своей земле ни оккупантов, ни продажное правительство, восстал. Началась революция — Парижская коммуна. Коммунары решительно перестраивали прежнюю систему управления страной, многие художники, друзья Сислея — Коро, Домье, Дега и Моне — входили во вновь созданные правительственные структуры. Но дни Парижской коммуны были на исходе, и правительство Тьера уже подтягивало свои войска к Парижу, и хотя коммунары защищались до последней капли крови, исход был предreshен. 28 мая 1871 года Парижская коммуна пала.

Для всей семьи Сислея война и последующие драматические события имели катастрофические последствия — во-первых, наступление прусских войск заставило Альфреда бежать из французской столицы, оставив в Париже все имущество, включая и картины (которые бесследно пропали — именно поэтому раннее творчество Сислея известно мало, сохранились всего лишь 17 картин, которые ему удалось продать до войны), а кроме того, война оказалась беспощадной и к отцу художника — Уильям Сислей был разорен, разорен окончательно и бесповоротно. Надежды Альфреда на наследство лопнули, как мыльный пузырь.

Вернувшись во Францию, Сислей с семьей поселился в Вуазене, под Лувесьеном. Это недалеко от Парижа, но жить здесь гораздо дешевле, чем в столице. И Вуазен расположен на берегу Сены. Каждое утро он выходит с мольбертом на бе-

рег и пишет, пишет эту негромкую красоту. Зимой и осенью, в холодные дождливые дни он остается дома и работает, сидя у окна в мастерской. Летом 1874 года он снова — в третий и последний раз — побывал на родине, в Англии, где написал серию замечательных пейзажей Хэмптон-Корта. После возвращения во Францию Сислей с семейством перебрался в Марли, где написал еще одну серию картин, возможно, лучших в его творчестве, а темой этих полотен стало страшное наводнение 1873 года. Знаменитое полотно "Наводнение в Пор-Морли", ныне считающееся одним из лучших пейзажей во французской живописи, было выставлено на Второй выставке импрессионистов в 1876 году, где вызвало настоящий гнев критиков. "Господин Сислей хотел изобразить наводнение. Если бы мне сказали, что избранный им сюжет представляет собой праздничный стол, на тридцать кувертов, я бы мог согласиться с этим. Эта картина неопишима! Архиненормальна!" — писали парижские газеты. Теперь трудно понять, чем была вызвана такая реакция — картина так выразительна, так блестяще написана! А какое тут небо — напряженное, энергичное, таящее в себе скрытую силу и угрозу всему, созданному человеком на Земле...Изображению неба, как и воды, Сислей вообще всегда уделял большое внимание — оно на его картинах создает глубину, движение всей композиции, несет эмоциональный заряд, настроение.

Сислей старался активно участвовать в художественной жизни, но ему не всегда хватало пробивной силы и дерзости, в избытке присутствовавших у его более решительных друзей. В 1874 году состоялась выставка, на которой он показал шесть своих работ, которые не вызвали никакого интереса со стороны публики и критиков, писавших, в основном, о Моне и Писсарро. "Анонимное общество художников", сколоченное для проведения этой выставки, задолжа-

Дорога в Лувьсьене. 1873.

ло более трех тысяч франков, и был найден единственный возможный выход — устроить распродажу картин с аукциона. Картины всех участвовавших в выставке художников выставили для обозрения, что дало возможность известному критику Альберу Вольфу написать в газете "Фигаро" следующую сентенцию: "Эти картины производят такое впечатление, какое производит кошка, разгуливающая по клавишам пианино, или обезьяна, случайно завладевшая коробкой красок". Распродажа прошла в атмосфере безумного скандала — публика свистела и выла, предлагая суммы, меньше цены рам. Холсты Ренуара стоили дешевле ста франков, а полотна Сислея часто не дотягивали и до пятидесяти! Но были там и люди, принявшие и полюбившие импрессионистов, и среди них замечательные меценаты, настоящие и бескорыстные ценители живописи Виктор Шоке, Гюстав Кайботт и Поль Дюран-Рюэль, сыгравшие огромную роль в жизни этих нищих гениев. Именно Дюран-Рюэль, сын Мари-Фортюне Дюрана, владельца известнейшей в Париже галереи на улице Мира, рядом с Вандомской площадью, первым начал покупать понемногу работы Моне, Писсарро и Сислея, хотя ему не удавалось перепродать ни одной из этих картин. Многие считали его сумасшедшим — и действительно, какой нормальный человек станет вкладывать деньги в то, из чего нельзя извлечь выгоду. Однако мнение его ценилось в мире искусства необычайно высоко — если уж Дюран-Рюэль обратил внимание на того или иного художника, значит, в нем действительно что-то есть, и, пожалуй, стоит посмотреть его работы. Благодаря именно таким людям, бескорыстным и обладающим высоким художественным вкусом и невероятным чутьем на настоящее, и выживало новое искусство, сохраняя себя для будущего. Среди первых собирателей работ импрессионистов был и Жан Батист Фор, известный парижский оперный певец, обладатель красивого и сильного баритона. Он приобрел около 60 картин Сислея, часто покупая их не потому, что они уж так ему нравились, а просто чтобы помочь художнику расплатиться с долгами.

В 1879 году умер Уильям Сислей. Разорение, крах дела его жизни сильно подорвал здоровье этого сильного, мужественного и цельного человека. Вот он, на портрете Ренуара — умное, тонкое лицо, пронизательный взгляд. Смерть отца стала страшным ударом для Сислея. После этого из его картин ушло ощущение радости бытия, света, надежды.

В 1880 году Альфред переехал в Море-сюр-Луэн, где и прожил до последних дней. Тихий городок рядом с лесом Фонтенбло, на реке Луэн вблизи ее впадения в Сену имел в те времена население менее двух тысяч человек, но зато история его была древней, а окрестности — необыкновенно живописны. Художники уже давно оценили и полюбили этот милый, провинциальный Море — его писали и Руссо, и Моне, и Писсарро, а в XX веке его изображал Пикабия. Море-сюр-Луэн, прославленный благодаря многим славным именам, стал городом Сислея — именно Альфреду Сислею удалось в полной мере запечатлеть красоту Море, тишину его улиц, мостов, зеленых берегов и старинных церквей.

Конечно же, отъезд в Море-сюр-Луэн в некотором роде был добровольным изгнанием. Сислей устал переживать публичные порки, постоянные неудачи. Особенно обижало то, что его друзьям, в отличие от него, Сислея, постепенно удавалось завоевывать признание публики и критиков, которые привыкали к языку их живописи. Галерейщики начали покупать картины импрессионистов, в газетах появились хвалебные статьи, а в 1881 году, когда министром изящных искусств стал старый друг и ценитель импрессионистов Антонен Пруст, Эдуарда Мане, самого старого и заслуженного, даже представили к награде — вручили орден Почетного легиона. Правда, награда нашла героя несколько поздно — художника мучили

страшные боли в ноге, а через год он слег, начался паралич, и в 1883 году Мане умер, прожив на свете чуть больше пятидесяти лет. Ближайший друг Сислея Клод Моне женился на вдове богатого коллекционера Гошеде и прочно забыл о том, что такое нужда. Пожалуй, особенно горько Сислей наблюдал успехи Моне — на фоне его работ, ярких, необычных, картины Сислея казались почти академическими, хотя это было совсем не так, и знатоки живописи это прекрасно понимали. Не приурочен успех и известности Сислею и персональная выставка, которую устроил Дюран-Рюэль в Париже и Лондоне.

После серии неудачных выставок Сислей решает порвать со своими бывшими друзьями и сподвижниками. "Я устал от этой жизни-прозябания, которую претерпеваю столь долго", — признавался он критику Т. Дюре, одному из немногих, кто понимал прелесть его работ. Его охватила глубокая депрессия — жить без признания страшно тяжело, ведь художник творит не только для себя, но и для людей, ему необходимо понимание, ему необходимо, чтобы его ценили! С этого момента он перестает участвовать в выставках импрессионистов.

Но жизнь продолжается. В Море у Сислея появилось много знакомых, его навещают местные молодые художники, которые воспринимают его как мэтра. И работает Сислей по-прежнему много.

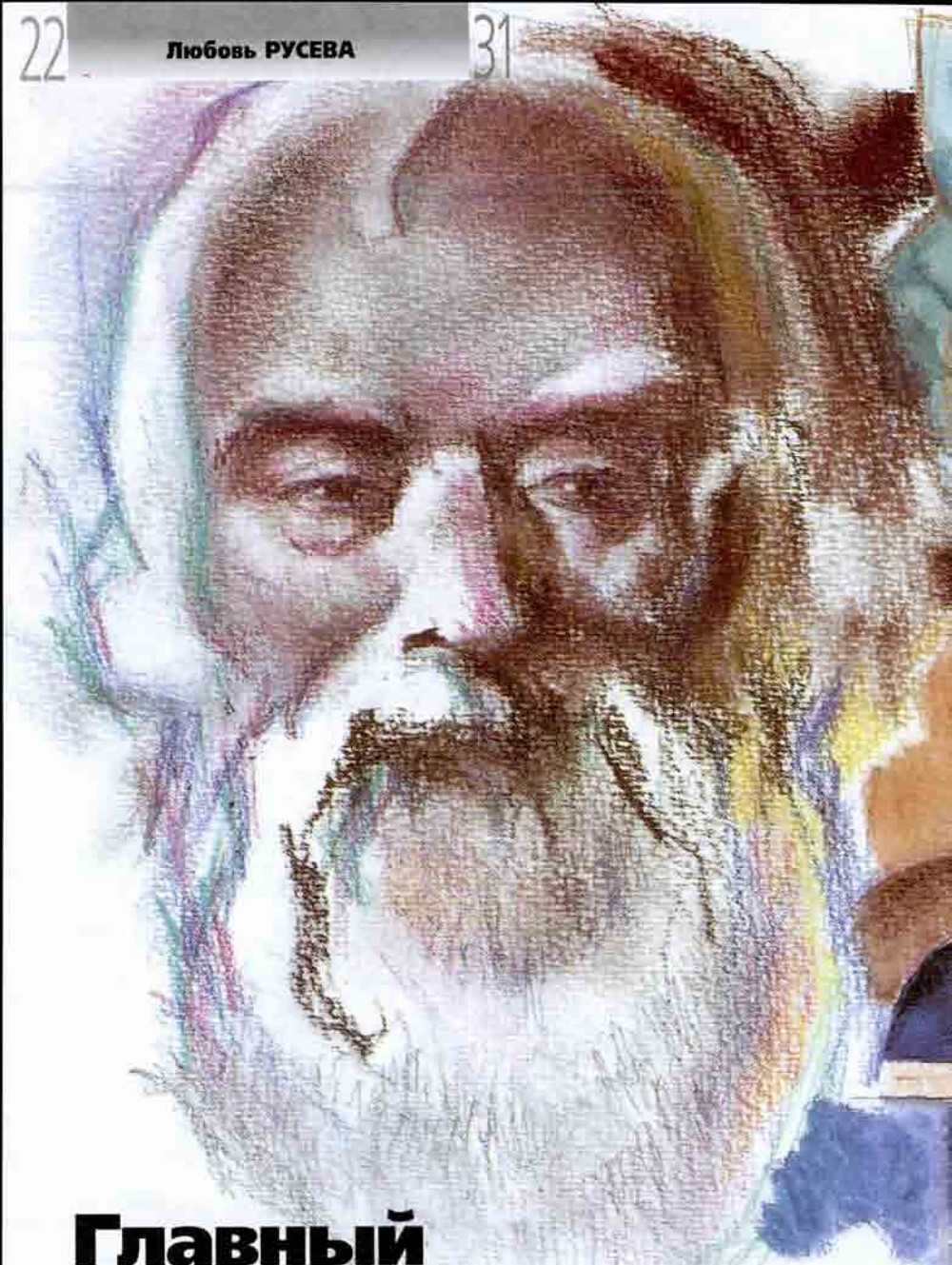
В 1897 году он проводит лето в Корнуолле и Уэльсе. Наконец, после стольких лет, прожитых вместе, невзгод, безденежья, нужды он официально оформляет свои отношения с Эжени — отныне они законные супруги, и их дети — его законные наследники. Однако Эжени недолго наслаждалась статусом мадам Сислей — очень скоро она заболела раком горла. Бедная женщина страшно мучилась, и Сислей даже забыл о холстах и красках, отдавая все силы и время уходу за женой. Он не оставлял ее ни на минуту. До самой смерти Эжени он был с ней, при этом прекрасно понимая, что та же страшная болезнь, коварный и не знающий пощады рак поселился и в его теле... В 1899 году, сразу после похорон жены, он написал письмо Моне, в котором пригласил старого друга в гости. Встреча двух художников, создателей нового направления в мировой живописи, была горькой, но такой необходимой им обоим. Перед лицом смерти они забыли все то, что омрачало их отношения — зависть, непонимание... Альфред, сказав Моне, что умирает, попросил позаботиться о его детях, Пьере и Жанне.

Сислею оставалось жить всего неделю. Он умер 22 января 1899 года. Его похоронили рядом с женой, на местном кладбище. А на могилу положили тяжелый, поросший мхом камень, специально привезенный из леса Фонтенбло, где Сислей провел столько счастливых часов, пытаясь запечатлеть на полотне красоту столь быстротечной жизни.

Клод Моне выполнил обещания, данные другу перед смертью. Он устроил распродажу картин Сислея и полотен, пожертвованных его друзьями в пользу детей художника. А в 1911 году на деньги, собранные французскими художниками, в Море установили памятник Сислею работы скульптора Эжена Тивье.

После смерти Сислея прошло совсем немного времени, и творчество художника было оценено по достоинству. Цены на его полотна растут с каждым годом, их приобрели и приобретают самые известные музеи и частные собрания.

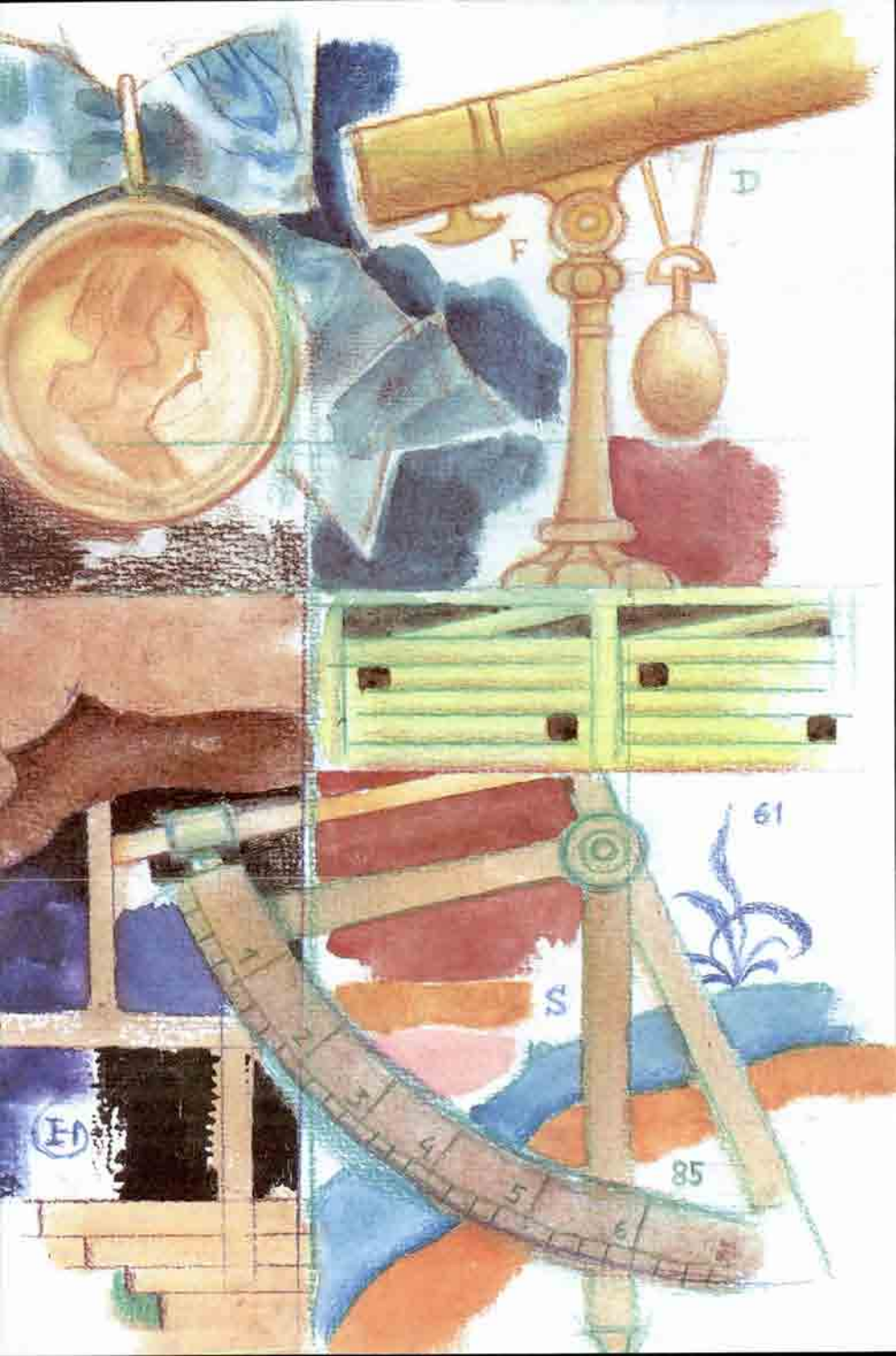
Еще в 1978 году критик Т. Дюре заметил, что "природа у Сислея производит на зрителя радостное, улыбающееся впечатление". Тогда так думали немногие, теперь же это способны оценить все, кому доведется встретиться с полными вкуса, тонкости и удивительной гармонии пейзажами замечательного французского мастера, прожившего свою жизнь достойно, всегда, даже в самые трудные моменты жизни, оставаясь верным искусству и своему призванию.

Главный механикус Отечества

иллюстрация **Геннадия Новожилова**

Ученые и вельможи, ожидавшие выхода графа Орлова в его приемной, бросали недоуменные взгляды на странную пару. Что понадобилось этим бородачам в русских кафтанах от директора Академии наук? Тот, что помоложе, явно нервничал. "И что за прихоть такая явиться мне сюда? — волновался Кулибин. — Как меня встретит граф? Что с того, что в Нижнем он был милостив ко мне? Два года миновало, его сиятельство забыл, небось, о моем существовании. Да и что ему во мне, в мужике-самоучке!..."

Появление Орлова прервало его размышления. Поздоровавшись со всеми, Григорий Григорьевич сразу увидел "мужика-самоучку".

— Добро пожаловать, Иван Петрович! Долго же ты собирался к нам в Питер! Показывай же скорей, что наработал за это время: если много, то прощаю твою медлительность.

Директор Академии не скрывал восторга при осмотре. Последнее, что протянул графу нижегородец, были часы в форме гусиного яйца среднего размера. По истечении каждого часа растворялись царские двери, за которыми находился великолепный чертог — Гроб Господень, по сторонам входа, заваленного камнем, стоят два воина с копьями. С небес спускается Ангел, отваливает камень, а стража падает ниц. С появлением двух жен-мироносиц трижды звучало Христос Воскресе, и двери затворялись. Все это ежечасно повторялось с 8 утра до 16, в остальное же время звучало: "Воскресе Иисус от гроба". Ровно в полдень часы исполняли кантату, сочиненную Кулибиным на прибытие Екатерины в Нижний Новгород.

— Тебе следует представиться государыне и лично поднести ей величеству свои произведения, — сказал на прощание граф. — Я дам знать, когда можно будет приехать во дворец.

Долгожданная аудиенция состоялась 1 апреля 1769 года.

Императрица вошла в зал в сопровождении Орлова и Потемкина.

— Очень рада вас видеть, Иван Петрович! Кончили вы ваши знаменитые часы?

"Я подал ей часы, — писал своему ученику Пятерикову Кулибин. — Она внимательно их рассматривала и с удовольствием слушала музыку, которую они играли... Затем императрица долго говорила со мной о моей страсти к механике и к науке вообще... Наконец, она обратилась к Михаилу Андреевичу, говорила с ним о хлебной торговле на Волге и, допустив нас к руке, милостиво прибавила:

— Благодарю вас, господин Костромин, за благородное участие, которое вы приняли в судьбе Кулибина. Я не забуду вам этого.

Тут уж я не выдержал: куда девалась моя твердость! Выражение благодарности человеку, которому я был бесконечно обязан, но которому никогда не в состоянии был отплатить за его доброту ко мне, так глубоко тронули меня, что слезы брызнули из моих глаз, забыв все преподанные мне наставления, как держать себя во дворце, я шептал в волнении: "Матушка моя! Солнце мое красное!" Государыня ласково взглянула на меня своими чудными глазами и, проговорив: "завтра вы узнаете мою волю", — удалилась...".

Часовых дел мастер

10 апреля 1735 года у нижегородского мещанина Петра Кулибина, что мукой торговал на нижнем базаре, родился сын Иван. Радуетя отец наследнику — будет кому дело передать. Малец рос смысленный — не чета другим: науке у дьячка вмиг выучился. Глазом моргнуть не успели, как Ванька и букварь знал, и часовник, и псалтирь. К тому же ловко выучился выкладывать на счетах. Да только закручинился отец, как только посадил мальчика в лавку.

— Наказал меня Бог сыном, не будет из него проку, — пожаловался Кулибин знакомому купцу и в сердцах швырнул на прилавок игрушечную мельницу.

— Гляди ж ты! Ну прям настоящая! — восторженно рассматривал произведение Вани купец. — Отдай ее мне, порадую своих гостинцем.

— Бери, — удрученно махнул тот рукой. — От сих безделушек один убыток. И ломаю их, и секу его, а он сызнава за свое.

Да и как не сетовать?! Другим рядовичам в глаза стыдно смотреть. У тех сыновья и в лавки народ бойко заывают, и товар ловко отвешивают, и покупателей живо рассчитывают, а Ванька? Не успеет отец отвернуться, как тот вмиг оказывался в темном углу лабаза да за кулями с мукой деревяшки стругать: то замысловатые флюгера, то толчеи, то мельницы...

За одно дело, правда, отец не стал пороть Ваньку, даже спасибо сказал. Любил глава семьи рыбой полакомиться. В саду у него пруд был, куда иной раз рыбу запускали, но из-за стоячей воды та скоро "засыпала", и придумал Иван хитрую штуку. На соседней горе плотины соорудил, собрал в водоем ключевую воду, да по вырытому канальчику в пруд кулибинский направил, излишек же воды через шлюзы (им же сооруженные) выпускал. Хорошо в проточной воде рыбе, не засыпает более, тучнеть начала да плодиться.

Что ни говори, а сын у Кулибина чудной, не от мира сего. Ну сколько можно глупить на времячислительный снаряд, что на Строгановской колокольне?! Но Иван никак в толк не мог взять: почему стрелки движутся да как устроены куранты. А ведь ему стоит только посмотреть на какой-либо механизм, и он изготовит такой же. Нет, чтобы разгадать секрет заморской премудрости, буква недостаточна. Надобны другие книжки. Денежек подкопил да купил "Краткое руководство к познанию простых и сложных машин, сочиненное для российского юношества" академика Крафта, затем и "Приемы циркуля или линейки, или Избраннейшее начало в математических искусствах" Вольфа. Долго бы еще мучиться ему, только зашел он как-то к соседу и замер: у того на стене часы деревянные. Добрый человек одолжил их ему. Вот и сидит ночами чужак, разбирает, собирает... и понял, в чем секрет, сделал-таки часы, да только они не пошли. И не мудрено: колесики с зубьями ножом вырезал. Инструменты да станки особые нужны, да где их взять, когда в Нижнем и мастеров-то нет, у кого часы имелись, те чинить их везли в столицы.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. В ту пору ратуша имела тяжбное дело, которое решалось в Первопрестольной. Кого поверенным послать? Меж посадских грамотных мало. Думали, гадали да вспомнили о Кулибине. В Белокаменной рядович познакомился с часовщиком. Лобков позволил Ивану приходить, когда тому вздумается, смотреть, как чинит, секретами делился. Уезжая в Нижний, просил, было, Кулибин продать ему резальную колесную машину и токарный лучковый станок, да денег таких у него нет, зато у Лобкова хламом валялись испорченные инструменты. Дома он их починил и сделал-таки деревянные часы с кукушкой. Колесики завертелись, стрелки пошли, птичка закуковала. Нижегородцы верить чуду отказываются: такие немецкие хитрости могут быть только в Москве да Петербурге. Иван с выгодой продал времячислительный снаряд да купил еще инструменты и книжки по физике, математике, химии, механике.

Заказчики появились, но Иван отказывал всем — медные задумал делать. Сделал три штуки, продал и купил на вырученные деньги старые испорченные карманные часы... Так и постигал он шаг за шагом мастерство: разберет, секрет поймет, сделает такие же, потом гораздо лучше. Где ж ему заказы брать, отвалил желающих. Да беда в том, что к тому времени Кулибин семьей обзавелся, а чем ее кормить?

— Эх, брат Иван, — качают головами друзья, — лучше бы тебе торговать мукой, чем связываться с часами. Разве это промысел?! На то немцы есть, а нашему брату бородачу таким делом заниматься не приходится.

Бог не только наделяет талантами человека, но и помогает тому, кто даром своим дорожит. У губернатора генерал-поручика Аршеневского испортились дивные английские столовые часы "с репетицией". В Москву их Яков Семенович не послал, велел вынести в кладовку, где всякий хлам, но камердинер отнес их Кулибину. Механизм мудреный, починить сложно. Отказаться? — семья голодает. Взгля. Через несколько дней Аршеневский поразился: часы — как новые, вычищенные, на прежнем месте стоят и идут! Приказал позвать мастера... Нижний опять заговорил о Кулибине, заказами самоучку завалили так, что не успевал он справляться. Пришлось помощника взять. Так и появился у Кулибина ученик Иван Пятериков.

Разнеслось вдруг по городу, будто государыня в Нижний собирается. Вот бы сделать небывалые часы для поднесения императрице! И засел за рисунки мастер, но где взять средства и, главное, время? Чтобы задуманное осуществить, уйдет несколько лет только на изготовление нужных инструментов, а сами детальки выточить, а собрать? В октябре 1764 года Кулибин поделился своей задумкой с давнишним приятелем его покойного отца черноморским купцом Костроминим. По нутру пришлось Михаилу Андреевичу, поверил он в талант Ивана. Вызвался купец помочь, но поставил несколько условий. Иван должен отказаться от всех заказов, пока не сделает часы, жить с семьей и учеником он должен у него, дабы нижегородцы ему не докучали. Костромин все это время содержит Кулибина, покупает нужные инструменты и материалы. И последнее условие: "волшебное художество" они преподнесут императрице вместе.

Иван Петрович согласился, механику пришлось стать и слесарем, и столяром, и лепщиком, и литейщиком. Дело пошло, но одно не учел Костромин: как оградить самородка от других заморских диковин. Привезли из Петербурга электрическую машину, ну как самому такую же не сделать?! Нелегко далась она ему, и секрет разгадал, а не получается. Порой руки от отчаяния опускались, но не успокоился, пока не сделал, сам отлил для машины стекло, сам отполировал. Можно к часам возвращаться.

К 1766 году принадлежности к часам были готовы, осталось только собрать. Но тут на глаза ему попался другой неизвестный инструмент — микроскоп. Как тут устоять? С этой диковинкой сладить оказалось труднее. Чтобы отполировать увеличительные стекла, нужно придумать особенную полировальную машину. Сделал. Еще больше мук стоил самоучке телескоп. Для него нужно зеркало, но не простое, а из особого сплава, который изобрели в Англии и держали в глубокой тайне. Ну, тайна — удел ученых, а мы люди простые, разберемся, что к чему. И разобрался, к тому же для общей пользы не стал хранить секрет сплава, а всем сообщил. Телескоп получился не хуже заморского.

20 мая 1767 года галеры императрицы и ее свиты стояли под стенами Нижнего, а "волшебное художество" не собрано. Тем не менее, губернатор сразу же представил Кулибина графу Орлову. Григорий Григорьевич, с детства увлекавшийся механикой и занимавшийся различными опытами, восторженно встретил самородка, и 22 мая рядовича приняла Екатерина. Кулибин представил электрическую машину, телескоп, микроскоп, детали часов, оду на приезд государыни в Нижний и кантату, сочиненную им же. (Иван Петрович прекрасно играл на гусле и самостоятельно выучился игре на "клавикордах".) Екатерина чрезвычайно была довольна всем увиденным.

— Это первая электрическая машина, сделанная в России, и я горжусь тем, что она сделана русским. Как будут готовы часы, приезжайте в Петербург.

Главный механикус Отечества

На следующий же день после аудиенции в Зимнем дворце Кулибин узнал волю императрицы: все его творения поместить и хранить в Кунсткамере, за часы выдать мастеру тысячу рублей и столько же Костромину "за благородное и великодушное

вспомоществование дарованиям Кулибина". Кроме того, Михаил Андреевич получил в дар богатую серебряную кружку с золотым портретом государыни и надписью: "Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссийская, жалует сию кружку Михаилу, Андрееву сыну Костромину за добродетель его, оказанную над механиком Иваном, Петровым сыном, Кулибиным, 1769 года апреля 1 дня".

Кулибина причислили к Академии наук, в обязанности его входило "иметь главное смотрение над механическими и оптическими мастерскими, чтобы все работы с успехом и порядочно производимы были, и делать нескрывтое показание академическим художникам во всем том, в чем он сам искусен". За выучку каждого из академических художников Кулибину обещано вознаграждение в 100 и более рублей.

В мастерских, которые возглавил самоучка, насчитывалось шесть отделений: инструментальное, столярное, токарное, барометрическое, оптическое и пуансонное. Даже во снах он не видел такого разнообразия и количества станков, оборудования, инструментов. Рыба попала в воду. Под руководством Кулибина в мастерских изготавливали точные часы, барометры, термометры, ватерпасы, микроскопы, телескопы и подзорные трубы, различные акустические приборы, готовальни, астролябии... Многое по уровню и качеству превосходило европейские аналоги. Конструкторские разработки самоучки (и в малом, и в большом) поражали воображение.

"Что сказать еще о себе, мой старый товарищ? Работаю я много и усердно; но положение мое среди гордых академиков далеко не приятное, и лишь усиленным трудом я заглушаю горе, которое причиняют они мне беспрестанно своими насмешками и презрительным обращением со мной, бедным самоучкой. До сих пор, друг мой, я думал, что чем ученее человек, тем он лучше, а теперь вижу, что не один ум нужно развивать человеку, но и сердце. Ну, довольно, до следующего письма; это и так вышло длинно. Пиши. Да хранит тебя Бог! Иван Кулибин".

В 1772 году "Санкт-Петербургские Ведомости" сообщили, что Королевская академия наук в Лондоне "назначила дать знатное награждение тому, кто сделает лучшую модель такому мосту, который бы состоял из одной дуги или свода без свай, и утверждён бы был концами своими только на берегах реки". Кулибин, мечтавший построить мост через Неву, взялся за разрешение этой задачи. Проверить результаты вычисления взялся знаменитый математик Эйлер и нашел их совершенно правильными.

Деревянный дугообразный мост длиной в 140 сажен должен был выдерживать давление 55 тысяч пудов. Состоял он из 12908 деревянных брусков и 55150 железных винтов и скоб. Все части подкрепляли друг друга, но в то же время каждую деталь можно вынуть для починки или замены, не разрушая общей конструкции. Рисунок и модель моста Иван Петрович показал Потемкину. Екатерина повелела выдать мастеру тысячу рублей на изготовление модели моста (в десятую часть). В течение четырех лет работы над десятикратно уменьшенной конструкцией Кулибин много колкостей наслушался, его стали называть плотником. Но на все обиды и чинимые препятствия Иван Петрович обычно ронял: "Бог с ними", и продолжал трудиться. Весною 1776 года мост почти готов. В день его Ангела в маленькой квартирке, расположенной на верхнем этаже здания Академии наук, собрались семья и друзья. Неожиданно при-
был Потемкин.

— Я приехал посмотреть твой мост, Иван Петрович, покажи мне его.

Светлейший с большим любопытством рассматривал модель.

— А что говорят ваши ученые?

— Господин Эйлер одобрил мое сочинение о вычислении тяжестей.

— А другие?

— Другие, ваша светлость, забавляются на мой счет.

Потемкин улыбнулся и оглянулся на стоявшую внизу свиту.

— Ты где живешь?

— Здесь, в академии.

— Пойдем к тебе, я посмотрю твои работы... Что это, у тебя гости? — удивился вельможа, входя в скромное жилище.

— Сегодня я именинник, ваша светлость. Это мои родные и знакомые.

— А что же ты меня не позвал к себе на именины? А ну подай мне вина!

Весть о необыкновенном происшествии — визите гордого недоступного Потемкина к "мужику" — моментально облетела столицу. А академики и знать бросились поздравлять "плотника" с днем его Ангела.

Испытания модели Кулибина вызвали интерес, и 27 декабря в академическом дворе, кроме ученых, присутствовало немало зрителей. Незадолго до этого ученым мужам представили свои работы известные инженеры: генерал Герард и швейцарец Альдон, но их конструкции не выдержали расчетной тяжести. На что же может надеяться мужик-самоучка, к которому так благоволил императрица и Потемкин? Пока рабочие укладывали на мост пригтовленное железо, блистательная публика составлялась в колкостях. Легчайший скрип или стук вызывали восторг и поток острот в адрес "плотника".

Последние полтонны рабочие укладывали в тишине: видно, арсенал острот исчерпан. Наконец и те уложены — мост стоит. Молчавший все время Кулибин велел рабочим:

— Кладите остальное железо.

Рядович огляделся: во дворе оставалось несколько тысяч кирпичей.

— Кладите и кирпич.

Класть больше нечего, Кулибин стоит на перегруженном мосту.

— Господа, прошу вас взойти.

Кулибин попросил рабочих присоединиться. Молча, всем скопом, несколько раз прошлись по четырнадцатисаженной конструкции. Стоит! Величайший математик XVIII столетия Леонард Эйлер, сияя, тряс его руку.

— От всего сердца поздравляю вас, господин Кулибин, с желаемым успехом, которого, признаюсь, несмотря на правильность исчислений ваших, я не надеялся видеть на практике. Теперь вам остается исполнить пророчество моего почтенного товарища и построить нам лестницу на небо!

После трехнедельных испытаний академики написали императрице всеподданнейший доклад о возможности построить по проекту Кулибина мост через Неву на 140 сажень, который легко выдержит 55 тысяч пудов. Екатерина пожаловала отечественному механику 2000 рублей. За это изобретение Кулибина наградили большой золотой медалью. Вскоре вся Европа заговорила о необыкновенных способностях русского самородка. К сожалению, в неведении оставалась Великобритания, там так и не узнали, что поставленная ими задача решена, а самоучке гордость не позволяла напомнить Королевской академии об обещанной награде. Изобретение Кулибина легло на основу распространенной системы мостов, получившей, почему-то, название "американской". Впрочем, творение Кулибина не исключение: "американские горки", например, в прошлые века назывались "русскими", поскольку изобретены и популярны были на Руси-матушке.

В 1782 году Екатерина повелела генерал-прокурору князю Вяземскому и членам адмиралтейства освидетельствовать новое изобретение Кулибина — судно, которое ходит "противу воды, помощью той же воды, без всякой посторонней силы". В ту пору и в помине не было ни пароходов, ни коноводных машин. Движение корабля против ветра и течения без парусов и весел считалось чудом. Ученые не верили в такую возможность, а простолюдины заговорили о том, что Кулибину помогает нечистая си-

ла. Испытания назначены на 8 ноября, когда порывистый ветер гнал невские волны к финскому заливу. Оба берега реки загрохотали народ, в глубокой тишине судно с грузом в четыре тонны двинулось от Васильевского острова вверх по Неве против сильного ветра и высоких волн. Когда же оно пошло так быстро, что двухвесельный ялик едва поспевал за ним, грянуло "Ура!". Кулибин сам управлял машиной. Проплывая мимо Зимнего дворца, он увидел у окна Екатерину, окруженную блистательным двором, она махала ему белым платком. За изобретение государыня приказала выдать автору 5000 рублей. Императрица хотела тотчас внедрить в волжское судоходство самоходные корабли, но Кулибин, желая усовершенствовать машину, просил не спешить. Война же диктовала свои условия, и главный механикус Отечества смог вернуться к любимому детищу только в 1801 году после отставки. Александр I выделил ему на это средства.

Три года Иван Петрович работал в Нижнем Новгороде, и 28 сентября 1804 года состоялись испытания. Губернатор, чиновники, местные купцы взошли на самоходное судно, народ стекался на берега Волги поглазеть на творение колдуна. Нагруженный корабль шел против течения со скоростью 410 сажен в час. Все единогласно признали изобретение чрезвычайно важным и обещающим большие выгоды государству. Об успешном испытании доложили министру. И, как водится у нас, началась длительная переписка, закончившаяся спустя три года предписанием: сдать машинное судно на сохранение нижегородской ратуше, которая вскоре продала его с публичного торга — на дрова!

Диковинный рукотворец

В один из самых темных осенних вечеров 1779 года, когда облака заволокли все небо, и фонари тускло освещали улицы Петербурга, вдруг вспыхнул на Васильевском острове большой огненный шар, который ярко осветил и английскую набережную, где легко можно было даже читать книгу. Пораженный вестью народ устремился к Неве. Вскоре разнеслась весть, что "небесное знамение" — новое чудодейство колдуна. Кулибин изобрел фонарь, который увеличивал свет свечи в 500 и более раз. Устройство заключалось в вогнутом круге, сделанном из множества зеркальных кусочков, перед которым помещалась обыкновенная свеча. Через несколько дней после переполоха Иван Петрович направил фонарь на Красное село, расположенное в 30 верстах от столицы, приказал зажечь свечу ровно в 9 вечера, а сам с приятелями ждал на тамошней колокольне. В назначенное время в темноте вспыхнула светлая точка красного цвета.

Фонарями Кулибина освещали длинные коридоры, большие мастерские, корабли, использовали в качестве маяков. Известный мореход и промышленник морского зверя в Камчатке, устроитель русской Америки Григорий Иванович Шелехов, взял с собой в дальнее плавание это изобретение, благодаря которому покорил остров Кытак.

"Сначала дикие жители острова смотрели на нас весьма неприязненно и даже нападали; от этого у нас с островитянами происходили часто драки и сражения, что и мешало сильно торговым сношениям. Потом я узнал, что дикие поклоняются солнцу, и вздумал употребить хитрость. Мне пришло однажды в голову уверить островитян, что я сам пользуюсь особенным покровительством их бога, и чтобы сильнее убедить их в этом, прибавил, что, по моей просьбе, их бог сам явится ночью свидетельствовать о своей ко мне милости. Назначено было время для призвания божества, и я съехал на берег, а на корабле приказал в условленный час поднять фонарь на вершину мачты. Когда собрались жители Кытак и их старшины, то я снова повторил им, что их бог меня очень любит и по моей просьбе немедленно явится пред их глазами. Дики потребовали, чтоб я подтвердил свои слова доказательством. Тогда я стал призы-

вать солнце, обращаясь к кораблю, стоявшему в отдалении и невидимому за темно-тою. Вдруг среди окружавшей нас тьмы явился сильный, блестящий свет фонаря и дикие приняли его за появление солнца. Все островитяне со старшинами криками и кривляньями стали молиться явившемуся светилу и все были уверены, что это действительно было их божество; но я сказал диким, что это еще не само солнце, а только его внук, посланный, чтоб запретить их драки с русскими и внушить им желание к миру. Дикие поверили и помирились”.

В начале 90-х годов артиллерийский поручик Непейцын, которому при штурме Очакова оторвало ядром ногу выше колена, в шутку попросил:

— Вот вы, Иван Петрович, много чудес на своем веку наделали, а сделайте-ка мне ногу.

— Попробуем.

Через три месяца Непейцын удивил весь Петербург: ходит без палок, даже танцует на балах. “Искусственная нога” из тонкого металла обложена пробкой и обтянута замшей, посредством “шалнеров” сгибалась в колене и “плюсне”. Офицер без помощи рук свободно надевал обувь. Нога, как настоящая. Но если обещавшее большие выгоды государству судно продало на дрова, то это изобретение и вовсе сочли бесполезным. Во время войны Кулибин предоставил несколько типов протезов, и чиновники от науки и медицины написали целые рассуждения о бесполезности искусственной ноги. Зато какой-то француз вывез одну из ног и представил ее Наполеону. Тот заказал “изобретателю” для своих раненых офицеров тысячи ног по 1 200 франков за каждую. Так очередное гениальное изобретение русского самоучки приписано иностранцу.

Иногда, правда, Иван Петрович был сам виноват в том, что авторство не закреплялось за ним. Изобрел он самокатку: колесо впереди, два сзади. Два человека удобно сидят, один сзади стоит на приделанных пружинных башмаках. Попеременно поднимают и опускают то одну ногу, то другую, приводил в действие механизм. Самокатка (пробораз велосипеда) очень быстро двигалась. Вместо того, чтобы сразу заявить в Академию наук о своем изобретении, Кулибин катал по Петербургу своих друзей, а когда, наконец, собирался все честь по чести оформить, то прочел в зарубежной прессе сообщение об испытании подобной самокатки за границей.

Украшение сограждан

16 января 1775 года высочайшим указом Кулибина и все его семейство исключили из подушного оклада. Когда же Екатерина узнала, что корабли, отправленные в кругосветное плавание, снабжены всеми нужными инструментами работы Кулибина, то затруднялась в выборе награды. Незадолго перед тем Григорий Григорьевич Орлов уговаривал Кулибина надеть немецкое платье и сбрить бороду, которая считалась в то время признаком невежества и мешала получать чины и другие почести.

— Почестей я не ишу, ваша светлость, и для них бороды не обрею.

Ну и чем награждать Кулибина? Наконец, императрица придумала. 5 мая 1778 года механику приказано прибыть в Царское Село. Здесь в присутствии всего блестящего двора Екатерина собственноручно возложила на своего любимца золотую медаль на Андреевской ленте. На медали две фигуры, олицетворяющие науки и художества, надевали на Кулибина лавровый венок. Одна надпись гласила: “Академия наук механику Ивану Кулибину”, а другая — “Достоиную”.

— Я всегда уважала вас, господин Кулибин, за ваши полезные труды, — изрекла императрица. — Но теперь еще более уважаю за то почтение к обычаям предков, которые вы имеете. Поверьте мне, что хотя вы и бороду носите, но я буду уметь жаловать вам приличные награды, вместо чинов и титулов.

Во всей России подобная награда была третьей, эта медаль давала право на беспрепятственный проезд ко двору наравне с высшими чинами. Отныне Кулибин обязан был присутствовать на всех торжествах. В 1780 году в Петергофе состоялся великолепный праздник с маскарадом и иллюминацией. Иван Петрович явился без маски, одетый в богатый русский кафтан, какой носили в старину бояре. Это позабавило царедворцев, вызвало насмешки. Но вдруг в толпе услышали: "Где мой Кулибин?" Публика почтительно расступается перед венценосной парой. Екатерина, одетая в великолепное русское платье, залитое золотом и бриллиантами, шла в сопровождении капюцина. Это был император Иосиф II. Капюцин вежливо поклонился нижегородскому рядовичу и, взяв его за руку, сказал по-французски:

— Я очень счастлив, что вижу вас, господин Кулибин. Давно уже слышал о вас и ваших произведениях и очень удивлялся им, когда сам увидел их в Кунсткамере. Я убедился, что в наше время вы единственный механик. Я от души уважаю вас и, поверьте, что эти слова так же искренни, как велики ваши произведения. Я очень рад, что имел случай познакомиться с таким необыкновенным человеком, как вы.

Кулибин должен был являться не только на приемы императрицы, но и присутствовать на праздниках у Потемкина, который его любил. Сколько же гадости на них мог услышать в свой адрес Иван Петрович, если бы понимал французский язык. Но однажды у Светлейшего присутствовал и Александр Васильевич Суворов. Прямолинейному фельдмаршалу не по нраву пришлось пошлые колкости в адрес русского самородка. Вдруг он сделал несколько шагов и отвесил поклон.

— Вашей милости!

Кому кланяется Суворов? Еще несколько шагов — опять поклон.

— Вашей чести!

Подошел к Кулибину и в пояс поклонился.

— Вашей мудрости мое почтение!

Обращаясь к механику по имени отчеству, он спросил его о здоровье. И, окинув собрание выразительным взглядом, громко заявил:

— Помилуй Бог! Много ума! Он нам изобретет ковер-самолет!

— Вашему сиятельству такой ковер не нужен. Вы и без него всегда летаете к победам.

К выходкам против себя Иван Петрович относился снисходительно. Как-то один фронт попросил одолжить ему его платье для маскарада.

— С удовольствием, — спокойно ответил Кулибин, поглаживая седую окладистую бороду, — только сначала доживите до моих лет.

В летнем саду к Ивану Петровичу подошел шутник под благословение, вроде как принял его за попа.

— Не моя неделя, — громко ответил Кулибин.

Этот замечательный человек окончил свой жизненный путь нищим, прожив 83 года. 30 июня 1818 года Иван Петрович Кулибин скончался. Чтобы похоронить мужа, жене пришлось заложить последние часы его работы. Помогли и друзья, в особенности его ученик Иван Иванович Пятеников.

На памятнике великому нижегородскому рядовичу было выдолблено: "Верный сын Церкви и Отечества, добрый отец семейства, друг добродетели, утешитель несчастных, красота сограждан, посвятивший России шестьдесят лет полезных изобретений, удостоенный благоволения Царей земных. О, да сподобится он на небеси милости Царя Царей!"

¹ Отрывки письма цитируются по книге И. Ремезова "Механик-самоучка Иван Петрович Кулибин", 1864 г.

Сэди после смерти

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

Глава 1

Сначала детектив Стив Карелла подумал, что ослышался. Во всяком случае, совсем не такие слова ожидаешь услышать от овдовевшего мужа, когда его жена лежит с распоротым животом на полу спальни. Собеседник Кареллы — в пальто, узкополой шляпе и перчатках — стоял у ночного столика с телефоном. Это был высокий худощавый мужчина с ухоженными седыми усами. В его холодных голубых глазах не было и намека на боль или сострадание. Чтобы окончательно убедиться, что Карелла понял его правильно, он повторил свою последнюю фразу, на этот раз более выразительно:

- Я очень рад, что она мертва.
- Сэр, — резко произнес Карелла, — мне кажется, излишне предупреждать вас...
- Совершенно верно, — перебил его хозяин квартиры, — вам ни о чем не нужно меня предупреждать. Я адвокат по уголовным делам. Мне отлично известны мои права, и я полностью отдаю себе отчет, что все, сказанное мной по доброй воле, в

дальнейшем может быть использовано против меня. Повторяю еще раз — моя жена была самой настоящей сукой, и я очень рад, что кто-то ее прикончил.

Карелла кивнул и открыл свой блокнот.

— Полицию вызвали вы?

— Да.

— В таком случае, вы и есть Джеральд Флетчер?

— Совершенно верно.

— Мистер Флетчер, как звали вашу жену?

— Сара. Сара Флетчер.

— Расскажите, пожалуйста, что здесь произошло?

— Я вернулся домой... примерно минут пятнадцать назад. Voшел в прихожую, окликнул жену, но она не отозвалась. Я обнаружил ее мертвой на полу в спальне и сразу же позвонил в полицию.

— Комната была в таком же состоянии?

— Да.

— Надеюсь, вы ничего не трогали?

— Ничего. После звонка я не сходил с этого места.

— Кто-нибудь еще был в квартире?

— Ни души. Кроме моей жены, естественно.

— Значит, вы утверждаете, что пришли домой примерно пятнадцать минут назад...

— Что-то вроде этого. Можете уточнить у лифтера.

Карелла посмотрел на часы.

— Получается так, что вы пришли домой в половине одиннадцатого или около того.

— Да.

— А в полицию вы позвонили в... — Карелла заглянул в блокнот, — в двадцать два тридцать. Это верно?

— Я не смотрел на часы, но, по-моему, это достаточно точно.

— Так, у меня здесь написано, что вызов принят в...

— Да, в двадцать два тридцать.

— Это ваш чемодан в прихожей?

— Да.

— Вы куда-то ездили и только что вернулись?

— Да, уезжал на три дня на Западное побережье.

— Куда?

— В Лос-Анджелес.

— С какой целью?

— Моему коллеге понадобилась помощь в подготовке документов для процесса, который он ведет.

— Когда прибыл ваш самолет?

— В двадцать один сорок пять. Я получил багаж, взял такси и поехал прямо домой.

— И приехали сюда примерно в половине одиннадцатого, верно?

— Да верно, верно! В третий раз верно!

— Простите, сэр?

— Вы уже в третий раз у меня это спрашиваете. Если у вас на этот счет остались какие-то сомнения, то позвольте еще раз повторить, что я приехал домой в двадцать два тридцать, обнаружил, что моя жена мертва, и в двадцать два тридцать четыре позвонил в полицию!

- Да, сэр, я все понял.
- Как ваша фамилия? — неожиданно спросил Флетчер.
- Карелла. Детектив Стив Карелла.
- Я это запомню.
- Пожалуйста.

Пока Карелла беседовал с Флетчером, следствие уже делало первые шаги. Полицейский фотограф расхаживал вокруг трупа, щелкая фотоаппаратом со вспышкой.

Монохен и Монро — детективы из отдела убийств, — озираясь по сторонам, ворчали по поводу того, что их вытащили из дома холодной декабрьской ночью за две недели до Рождества.

Детектив Берт Клинг допрашивал в вестибюле лифтера и швейцара, пытаясь установить, во сколько именно мистер Джеральд Флетчер подъехал на такси к подъезду своего шикарного многоквартирного дома на Сильвермайн-Овал, поднялся к себе на лифте и обнаружил, что его жена Сара Флетчер распластана на полу спальни наподобие амебы.

Тем временем Маршалл Дэвис, техник из полицейской лаборатории, осматривал кухню квартиры Флетчера, дожидаясь, когда медэксперт объявит, что женщина мертва, и выскажет предположение о наиболее вероятной причине смерти.

Хотя Дэвис был новичком в лаборатории, ему нельзя было отказать в наблюдательности, и первое, на что он обратил внимание, войдя на кухню, было широко распахнутое окно. Следовало заметить, что для декабрьской ночи, когда на улице всего 12 по Фаренгейту, это было не совсем обычно. Дэвис перегнулся через подоконник и выглянул в окно. Рядом с ним проходила пожарная лестница. Он не мог удержаться от предположения, что кто-то, — скорее всего, убийца, — вскарабкался по пожарной лестнице, влез в окно кухни, после чего вошел в спальню и разделался там с этой дамочкой.

Поскольку на подоконнике остался один грязный след ботинка, на полу у раковины виднелся второй, а еще несколько, постепенно теряя четкость, вели к двери гостиной, Дэвис пришел к выводу, что именно так все и произошло.

Медэксперт все еще возился у тела с таким видом, словно для вынесения окончательного решения ему надо было посоветоваться с начальством.

Дэвис решил подвести итоги. Сначала он сфотографировал следы ботинка по подоконнику и на полу, а затем вылез на пожарную лестницу и посыпал дактилоскопическим порошком нижний край рамы, за который взломщик обязательно должен был схватиться, открывая окно. Подумав, на всякий случай, проделал то же самое и со ступеньками пожарной лестницы.

Так что теперь, если только медэксперт закончил осмотр несчастной, и на ноже сохранились отпечатки пальцев, с помощью Маршалла Дэвиса ребята из 87-го участка смогут решить половину проблемы.

Он чувствовал себя великолепно...

Детектив Берт Клинг, напротив, чувствовал себя просто отвратительно.

Он продолжал убеждать себя в том, что его нынешнее состояние никак не связано с разорванной три недели назад Синтией Форрест помолвкой. Хотя, если говорить откровенно, она с самого начала производила впечатление какой-то ненастоящей. И, естественно, никто не в силах уничтожить то, чего никогда не существовало.

Допрашиваемый лифтер оказался не одним из тех умных и проницательных молодых людей, для которых эта работа — лишь очередная ступенька по дороге наверх,

а престарелым олухом, который был не в состоянии запомнить даже свое имя. В который раз повторялась эта надоевшая и утомительная процедура.

— Вы знаете мистера Флетчера в лицо? — начал допрос Клинг.

— Да, конечно, — ответил лифтер.

— Опишите, как он выглядит.

— Слушайте, он называет меня Максом и...

— Я понимаю, Макс, но дело в том...

— ... он говорит "Привет, Макс", "Как дела, Макс?", а я отвечаю: "Привет, мистер Флетчер, отличный сегодня денек, как по-вашему?"

— Будьте добры, опишите его.

— Очень приятный и симпатичный человек.

— Какого цвета у него глаза?

— Карие? Голубые? Что-то вроде этого.

— Понятно. Какого он роста?

— Высокого.

— Выше вас?

— Да.

— Выше меня?

— Нет. Мистер Флетчер примерно вашего роста.

— Какого цвета у него волосы?

— Белого.

— Белые волосы? Вы хотите сказать — седые?

— Вот-вот, что-то в этом роде.

— Так все-таки какие, Макс? Постарайтесь вспомнить поточнее.

— Говорю вам, вроде бы, белые... седые, то есть. Спросите лучше у Фила, уж он-то знает. Он вообще потрясающе запоминает время, даты и все такое.

Филом звали швейцара, и у него действительно оказалась отличная память на "время, даты и все такое". Это был болтливый одинокий старик, очень обрадовавшийся возможности поучаствовать в "документальном фильме" про полицейских и воров. Клиngu никогда бы не удалось убедить Фила в том, что это самое настоящее расследование, в котором фигурирует мертвая женщина и убийца, и что у полиции есть желание призвать негодяя к ответу.

— Да-а, — сказал Фил, — жуткие вещи творятся в этом городе, жуткие. Когда я был мальчишкой, такого не было. Я родился в Саут-Сайд, в таком квартале, что если ты ходил в ботинках, все считали тебя чистоплюем. И еще мы все время воевали с бандой италяшек. Швыряли на них с крыш всякий хлам. Кирпичи, яйца, куски железа, а один раз даже тостер — клянусь богом, однажды мы скинули на них старый тостер моей мамы. И он — бац! — угодил одному из них прямо по башке. Прямо скажем, не самое подходящее место, — им от этого хоть бы хны. Ничего им от этого не делается. Но что я хочу сказать — все равно, так плохо, как сейчас, не было. Вы заходите в лифт, а там сидит тип, свихнувшийся от наркотиков. Он сует вам под нос пистолет и говорит, что вышибет вам мозги, если вы не отдадите ему все деньги. Или же попробуйте прогуляться по улице, как стемнеет, без добермана на поводке. Посмотрим, далеко ли вы уйдете. Эти наркоманы учуют вас за квартал и нападут из подворотни. В нашем доме было уже много ограблений, и все это дело рук наркоманов. Они залезают в дом через чердак, понимаете? Мы чинили замок на чердачной двери раз сто, и все без толку! Что им эти замки? Только починишь — бац! — и снова дверь нараспашку. А бывает, влезают в окна по пожарным лестницам — кто их остановит? Приходишь на работу, и первое, что узнаешь, — обчистили чью-нибудь квартиру! И считайте, что вам крупно

повезло, если они не стянули вашу вставную челюсть из стакана. Не знаю, куда катится город! Позор, да и только!

— А как насчет мистера Флетчера? — напомнил Клинг.

— Насчет мистера Флетчера? Уважаемый человек, адвокат. Он приходит домой, и что видит? Что его жена лежит на полу мертвая, и скорее всего ее убил какой-нибудь псих-наркоман. Разве это жизнь? Кому это нужно, если уже нельзя спокойно войти даже в собственную спальню? Черт знает что такое!

— В котором часу мистер Флетчер приехал сегодня домой? — перебил его Клинг.

— Около половины одиннадцатого, — ответил Фил.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Знаете, какая у меня память? В нашем доме в квартире 12-С живет миссис Горовиц. У нее нет будильника. А может, и есть, да только она разучилась его заводить после смерти мужа. И каждый вечер она мне звонит, чтобы узнать точное время, и просит передать дневному швейцару, чтобы тот позвонил ей утром во столько-то и разбудил ее. И вот сегодня вечером она позвонила и спрашивает: "Фил, скажите, пожалуйста, который час?" Я посмотрел на часы и ответил: "Десять тридцать, миссис Горовиц". Как раз в этот момент у дома остановилось такси, и оттуда вышел мистер Флетчер. Миссис Горовиц попросила передать дневному швейцару, чтобы он разбудил ее в семь тридцать. Я пообещал, что передам, а потом поспешил помочь мистеру Флетчеру внести вещи. Поэтому я точно запомнил, в котором часу он приехал.

— Скажите, мистер Флетчер сразу поднялся вверх?

— Конечно. Куда еще? Не придет же он гулять по этому району в такое время.

— Ну что ж, большое спасибо, — кивнул Клинг.

— Не за что. — Фил пожал плечами. — Когда-нибудь здесь произойдет еще что-нибудь в этом роде.

Они стояли, окружив Флетчера с трех сторон, и его ответы повергали всех в изумление. Углами этого треугольника были лейтенант Бернс и детективы Карелла и Майер. Флетчер сидел на стуле, сложив руки на груди. Он по-прежнему был одет в пальто, шляпу и перчатки, словно с минуты на минуту ожидал, что его отпустят, и он снова окажется на улице, где царил лютый мороз. Допрос проходил в маленькой комнатке без окон, а табличка на двери из матового стекла гласила: "Для снятия показаний". Комната была "шикарно" обставлена — длинный дубовый стол образца года этак 1919-го, два стула с прямыми спинками и зеркало в раме, расположенное на стене. Это было так называемое "одно-стороннее" зеркало: стоя по одну сторону от него, можно было видеть собственное отражение, а находясь по другую — обозревать всю комнату, оставаясь при этом невидимым. Что ж, иногда блюстители закона вынуждены идти на разные уловки.

Полицейские, окружавшие Джеральда Флетчера, были удивлены, но отнюдь не шокированы его откровенностью, если не сказать — грубой прямоотой.

— Я ее на дух не выносил, — заявил он.

Майер удивленно вскинул брови и посмотрел на Бернса, которыйотреагировал точно так же, посмотрев, в свою очередь, на Кареллу. Карелла стоял напротив зеркала. Оттуда на него смотрел высокий мускулистый человек с прямыми каштановыми волосами и карими глазами. На его лице было написано то же самое выражение, что и у Бернса с Майером.

— Мистер Флетчер, — сказал Бернс, — насколько мне известно, вас ознакомили с вашими правами...

— Я знал их задолго до того, как вы меня с ними ознакомили, — хмуро ответил Флетчер.

— И, как я понимаю, вы согласились отвечать на наши вопросы без адвоката...

— Я сам адвокат.

— Я хотел сказать...

— Прекрасно знаю, что вы хотели сказать. Да, я согласен отвечать на любые ваши вопросы без адвоката.

— И все-таки, мне кажется, следует напомнить вам о том, что была убита женщина...

— Да, да, да!.. Моя обожаемая, замечательная женушка, — язвительно проговорил Флетчер.

— ... что является очень серьезным преступлением...

— Которое среди прочих правонарушений карается строже всего, — закончил Флетчер.

— Совершенно верно, — кивнул Бернс. Это был голубоглазый крепыш с телосложением бейсболиста из команды "Техасские викинги" и легкой сединой на висках. Кого-кого, а уж Бернса никак нельзя было назвать стеснительным, но тем не менее в присутствии Флетчера он чувствовал себя как-то скованно.

— Ну ладно, — пожал он плечами. — Если вы сами понимаете, что делаете, то давайте начнем. Мы вас предупредили.

— Что верно, то верно, предупредили. И не раз. Не представляю только — зачем? Лично я не чувствую себя в опасности. Да, мою жену убили. Кто-то прирезал эту сучку, но не я.

— Мистер Флетчер, мне очень жаль, но ваши заверения пока что не развеяли наших сомнений, — сказал Карелла. — Откуда нам знать, что это не вы ее зарезали?

— Во-первых, — начал Флетчер, — на кухне было открыто окно, а окно спальни разбито — налицо все следы взлома и поспешного бегства. Дверцы буфета распахнуты...

— Вы очень наблюдательный человек, — неожиданно вмешался Майер. — Заметили все это за те четыре минуты, которые вам понадобились, чтобы войти в квартиру, осмотреться и позвонить в полицию?

— Моя работа и заключается в том, чтобы быть наблюдательным, — огрызнулся Флетчер. — Мне за это деньги платят. Но ответ на ваш вопрос будет отрицательным. Я заметил все это уже после разговора с детективом Кареллой, когда он звонил по телефону вашему лейтенанту. Могу также добавить, что живу в этой квартире уже двенадцать лет, и не требуется особой наблюдательности, чтобы заметить, что окно на кухне открыто, а в спальне — разбито. И уж вовсе не надо быть великим сыщиком, чтобы понять, что мое фамильное серебро украдено, тем более, что на полу спальни валялось несколько серебряных ложек, ножей и половник для супа. Кстати, вы не осматривали переулок под окном? Очень может статься, что ваш убийца все еще там валяется.

— Но ведь ваша квартира находится на втором этаже, — возразил Майер.

— Потому я и говорю, что он все еще может быть там. — Флетчер усмехнулся. — Со сломанной ногой или разбитым черепом.

— За все время, что я работаю в полиции, — заметил Майер, — ни разу не встречал преступника, который бы выпрыгнул со второго этажа.

— У этого преступника были очень веские основания для таких рискованных действий, — тут же возразил Флетчер. — Представьте, он натывается на нее в квартире, которую считал пустой, и убивает. Вдруг он слышит, что кто-то открывает входную дверь, и понимает, что не сможет покинуть квартиру тем же путем, каким вошел —

кухня слишком близко от входа. Тогда он решает, что лучше рискнуть сломать ногу, чем угодить за решетку до конца жизни... Как по-вашему, подходит это к тем преступникам, которых вы знали?

— Я знал многих преступников, — невозмутимо продолжал Майер, — и некоторые из них слишком хорошо к себе относились, чтобы пойти на такое. А что вы можете сказать про нож, мистер Флетчер? Вы когда-нибудь раньше его видели?

— Никогда.

— Значит, это не ваш нож? — уточнил Карелла.

— Нет.

— Когда вы вошли в спальню, ваша жена что-нибудь говорила?

— Когда я вошел в спальню, моя жена была мертва.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— Достаточно, мистер Флетчер! — резко бросил Бернс. — Будьте любезны, подождите снаружи.

— Пожалуйста. — Флетчер встал и вышел из комнаты.

Некоторое время все трое молчали, а потом Бернс спросил:

— Что вы думаете?

— Я считаю, что это его работа, — сказал Карелла.

— Почему ты так решил?

— Давайте еще раз проверим.

— Ради Бога, давай проверяй.

— Я считаю, что он вполне мог это сделать.

— Даже несмотря на то, что в квартире есть следы ограбления?

— Именно поэтому.

— Объясни, Стив.

— Он мог прийти домой, увидеть, что его жена ранена, — но не смертельно! — и добить ее тем же ножом. В отчете экспертизы говорится, что, скорее всего, смерть наступила в результате проникающего ножевого ранения брюшной аорты и болевого шока, или и того, и другого. У Флетчера было целых четыре минуты, а на такое дело ему бы хватило и четырех секунд.

— Вполне возможно, — согласился Майер.

— А может быть, мне просто не нравится этот сукин сын, — добавил Карелла.

— Давайте посмотрим, что скажет лаборатория, — подвел итог Бернс.

На раме кухонного окна, на серебряной ручке буфета и на некоторых предметах серебряного сервиза, разбросанных на полу у разбитого окна спальни, остались четкие отпечатки пальцев. Но куда более важным было то, что несколько отпечатков хорошо сохранились и на рукоятке ножа. Все они совпадали, а, следовательно, принадлежали одному человеку.

Джеральд Флетчер любезно позволил полиции получить набор его "пальчиков", который затем сравнили с присланным Маршаллом Дэвисом из полицейской лаборатории. Отпечатки на оконной раме, на ручке ящика буфета, на столовом серебре и на рукоятке ножа не соответствовали отпечаткам пальцев адвоката.

Впрочем, это еще ничего не доказывало, поскольку, убивая свою жену, он запросто мог надеть перчатки.

Глава 2

В понедельник утром небо над рекой Харб было голубым и безоблачным. По дорожкам Сильвермайн-парка, не желая пропускать такой необычайно яс-

ный декабрьский день, гуляли молодые мамы с колясками. Воздух был чистым и прохладным, ярко светило солнце, и почему-то возникало ощущение, что улицы, выходящие к реке, должны были выглядеть в начале века точно так же.

В квартире на втором этаже дома N 721 по Сильвермайн-Овал лишь начерченный мелом силуэт на полу напоминал о том, что вчера вечером здесь лежала мертвая женщина. Обойдя рисунок, Карелла и Клинг подошли к разбитому окну. Ребята из лаборатории аккуратно собрали и упаковали осколки стекла, поскольку, выпрыгивая из окна, взломщик мог оставить на них капли крови или обрывки одежды. Карелла посмотрел сквозь неровное отверстие на узкую асфальтовую дорожку. Расстояние от окна до соседнего дома не превышало четырех метров. Чисто теоретически, взломщик мог перепрыгнуть через дорожку, уцепиться за подоконник и залезть в одну из квартир. Но тогда бы это подразумевало предварительную подготовку и расчет, а уж если человек собирается совершить подобный прыжок, то не будет в панике и спешке выбивать закрытые окна. Конечно, квартиру в доме напротив надо проверить обязательно, но все же казалось наиболее вероятным, что взломщик спрыгнул вниз на асфальт.

— Высоко падать, — заметил Клинг, глядя вниз через плечо Кареллы.

— Как по-твоему, сколько здесь?

— Футов тридцать, не меньше.

— Тогда он почти наверняка должен был сломать ногу.

— А, может, этот парень акробат.

— Ты думаешь, он протаранил окно головой?

— А как же еще?

— Ну... он мог сначала разбить стекло, а уж потом сигануть вниз.

— Если он знал, что может вляпаться во что-то серьезное, то почему не открыл окно заранее?

Они внимательно осмотрели раму и шпингалет.

— Ничего, если я потрогаю? — спросил Клинг.

— Конечно. Его уже осматривали.

Клинг взялся за рукоятки рамы и потянул ее вверх.

— Тугая, — пожаловался он.

— Попробуй еще разок.

Клинг рванул ручки сильнее.

— Не идет.

— Может, закрашена?

— Наверное, он тоже пробовал открыть окно, а когда не получилось, высадил стекло.

— Да, — согласился Карелла. — Он очень спешил. Флетчер открывал входную дверь, а может, уже вошел в квартиру.

— И тогда этот тип взмахнул сумкой и...

— Какой сумкой?

— Как какой? Должна же у него была быть сумка или еще что-нибудь, чтобы куда-то складывать награбленное.

— Да, наверное. Хотя лично мне кажется, что он не слишком-то опытный вор.

— То есть?

— Он полез сюда без перчаток, оставил отпечатки по всей квартире. Почти наверняка он в этом деле новичок.

— Даже если и так, то у него была сумка. И, скорее всего, ею он и разбил окно. Кстати, это сразу объясняет, почему на полу были разбросаны серебряные

ножи и вилки. Когда он понял, что окно просто так не открыть, то разбил стекло сумкой, и при этом оттуда вывалилось кое-что из добычи.

— Очень может быть, — согласился Карелла.

— А потом он пролез в эту дырку и спрыгнул вниз "солдатиком", — продолжал развивать свою теорию Клинг. — Это имеет больше смысла, чем прыгать "рыбкой", правда? Хотя вообще-то, Стив, сначала он почти наверняка бросил сумку.

— Если она у него была.

— Любой громилы идет на дело с сумкой. Даже новичок.

— Г-м, возможно.

— Ну хорошо, если у него была сумка, то он сначала должен был бросить ее вниз и только потом вылезти из окна и повиснуть на подоконнике, прежде чем спрыгнуть, понимаешь? Чтобы ему оставалось лететь вниз как можно меньше.

— Не знаю, Берт, было ли у него столько времени. К тому моменту Флетчер уже должен был войти в квартиру и направляться в спальню.

— А кстати, Флетчер ничего не говорил о звоне стекла?

— Не помню. По-моему, его никто об этом и не спрашивал.

— Надо спросить.

— Зачем? Какая разница, слышал он...

— Не знаю, — пожал плечами Клинг. — Но если вор все еще находился в квартире, когда вошел Флетчер...

— То что?

— Ну, мне кажется, что получается именно так.

— Тогда он должен был находиться в квартире и услышать, как открывается дверь. В противном случае, у него хватило бы времени, чтобы спокойно подойти к окну кухни, вылезти наружу и спуститься по пожарной лестнице — тем же путем, каким он и вошел.

— Да, верно, — задумчиво произнес Клинг. — Флетчеру еще повезло. Этот парень мог запросто и его прирезать.

— Знаешь что, давай-ка осмотрим переулок за домом, — предложил Карелла.

Женщина, случайно выглянувшая из окна цокольного этажа, увидела двух плечистых мужчин в длиннополых плащах и без шляп, расхаживающих взад-вперед по дорожке у задней стены дома. У одного из них были каштановые волосы и слегка раскосые глаза, придававшие ему некоторое сходство с китайцем. Второй — высокий румяный блондин — был моложе, но даже это не делало его менее подозрительным. Мадам без колебаний подошла к телефону и позвонила в полицию.

Карелла и Клинг, не подозревавшие, что кто-то подглядывает за ними в щель жалюзи, к тому моменту закончили обследовать асфальтовую дорожку между домами и теперь рассматривали окна квартиры Флетчера.

— Все-таки падать отсюда порядочно, — заметил Клинг.

— А отсюда, когда смотришь, кажется еще выше.

— Как ты думаешь, где он приземлился?

— Наверное, как раз там, где мы стоим, а может быть, чуть левее. — Карелла, наморщив лоб, оглядывался по сторонам. — Что же получается? Человек падает с высоты в двадцать футов на асфальт, ничего себе не ломает, встает, отряхивается и поминай как звали? — Он сделал паузу и покачал головой. — Я считаю, он должен был на какое-то время задержаться. Хотя бы для того, чтобы перевести дыхание.

— И что?

— А если бы Флетчер выглянул из окна?

— Чего ради?

— Если твоя жена лежит на полу вся в крови, а в комнате разбито окно, то уж, наверное, ты подбежишь к окну и выглянешь наружу. Вдруг тебе удастся увидеть убийцу?

— Нет, он торопился позвонить в полицию.

— Зачем?

— Господи, Стив, но это же естественно. Если Флетчер невиновен, то он бы позаботился о своем алиби. Он звонит в полицию и остается в квартире...

— Знаешь, а мне по-прежнему кажется, что это его работа, — сказал Карелла.

— На твоём месте я бы не стал так раздувать это дело, — перебил его Клинг. — Лично я бы с большим удовольствием двинул мистера Флетчера под зад коленом, но не забывай, что нам надо найти парня, который оставил свои отпечатки. Согласен?

Карелла вздохнул.

— Согласен.

— Нет, серьезно, Стив, давай все-таки придерживаться фактов. Если на рукоятке ножа отпечатки этого парня, а нож все еще в жертве...

— ... то муж жертвы понимает, какая прекрасная возможность ему предоставлена, — подхватил Карелла. — Жена почти мертва, в квартире разгром и явные следы ограбления. Почему бы ему не довершить начатое? Ведь все равно подумают на взломщика.

— Докажи, — предложил Клинг.

— Не могу, — покачал головой Карелла. — До тех пор, пока мы не поймем взломщика...

— Ну так давай ловить. Как по-твоему, куда он мог смыться после того, как выпрыгнул из окна?

— Есть только две возможности. Либо в ту дверь, которая ведет в подвал, либо перепрыгнул через ограду в дальнем конце переулка.

— Ну, а куда бы на его месте смылся ты?

— Грохнись я с такой высоты, сразу бы приполз домой и поплакался мамочке.

— Лично я выбираю дверь подвала. После такого падения напрочь отобьет охоту скакать через заборы.

— Да уж, радости мало.

Неожиданно дверь подвала распахнулась. На пороге стоял здоровенный красно-мордый патрульный, целясь в них из револьвера 38-го калибра.

— А ну-ка, ребята, быстро выкладывайте, что вы тут делаете? — рявкнул он.

— Ого! — Карелла рассмеялся. — Мы все время на посту!

Пока Карелла и Клинг доказывали патрульному, что они сами полицейские, Маршалл Дэвис, закончив свои исследования, позвонил в 87-й участок и попросил к телефону сотрудника, занимающегося делом Флетчера. Поскольку оба детектива, ведущие расследование, отсутствовали, трубку взял Майер.

— Как дела? — спросил он. — Откопал что-нибудь интересное?

— По-моему, появилась довольно любопытная информация о нашем подозреваемом, — сказал Дэвис.

— Я должен что-нибудь записать?

— Не думаю. Насколько хорошо ты знаком с этим делом?

— Ну, скажем так — я в курсе.

— Тогда ты должен знать, что в квартире было полно отпечатков пальцев.

— Да, мы только что послали запрос в картотеку.

— Может быть, вам повезет, — с сомнением произнес Дэвис.

— Может быть, — согласился Майер.

— А тебе известно, что на кухне остались следы ботинок?

— Нет, я этого не знал.

— Ну так вот, очень четкий след на кухонной раковине, скорее всего, оставленный, когда он влезал в окно, и еще несколько следов похуже — они ведут из кухни в гостиную. У меня есть отличные фотографии плюс несколько увеличенных снимков подошвы ботинка — для сравнительных тестов, если позже появится такая необходимость.

— Отлично.

— Но главное то, — продолжал Дэвис, — что по этим снимкам можно получить представление о его походке. Судя по всему, это был мужчина, и он шел нормальным шагом — ни быстро, ни медленно.

— Как ты это определил? — удивился Майер.

— Когда человек идет медленно, расстояние между его следами обычно не превышает двадцати семи дюймов. Если он бежит, то следы отстают друг от друга дюймов на сорок. Расстояние в тридцать пять дюймов соответствует быстрой ходьбе.

— А что в нашем случае?

— Тридцать два дюйма. Он шел довольно быстро, но и не особенно спешил. Цепочка следов прямая и без изломов.

— Что это означает?

— Ну, представь себе линию следов, оставленную нашим подозреваемым. Как правило, эта линия проходит вдоль внутреннего края отпечатков каблук. Толстяки и беременные женщины чаще всего оставляют неровную линию, потому что обычно ходят, слегка расставляя ноги... чтобы легче удерживать равновесие.

— Но эта линия была нормальной? — спросил Майер.

— Верно, — подтвердил Дэвис.

— Значит, наш клиент ни толстяк, ни беременная.

— Совершенно очевидно, что это мужчина. Размер и фасон обуви, то, как он ставит ногу... в общем, это не вызывает сомнений. Так или иначе, но мы не считали эти сведения ценными или какими-то крайне важными, пока не обработали всю информацию целиком.

— И что у вас получилось?

— Окно в спальне было разбито, и детективы из отдела убийств...

— Монохен и Монро?

— Да. У них возникло предположение, что преступник мог выпрыгнуть из окна в переулок. Я подумал, что стоит туда спуститься и посмотреть. Вдруг найдутся еще какие-нибудь следы.

— Ну и как, нашел?

— Да, у меня есть несколько фотографий того места, где он приземлился. Удалось проследить, куда он затем направился. Следы ведут к двери в подвал. Однако это еще не самое главное.

— А что же самое главное? — терпеливо спросил Майер.

— Он повредил ногу. И на мой взгляд, довольно основательно.

— С чего ты взял?

— Его походка после падения резко изменилась по сравнению с той, которую мы наблюдали на кухне. Разумеется, следы те же самые, нет никаких сомнений, что их оставил один и тот же человек. Но по тому, как он передвигался, видно, что основная нагрузка приходилась на левую ногу и притягивалась правая. Точнее, четких следов правой ноги вообще не осталось, только царапины на земле там, где край подошвы волокли по земле. Я бы посоветовал тому, кто расследует это дело, расослать

предупреждения всем городским врачам. Если этот тип не сломал ногу, то я готов съесть все фотографии.

Когда Карелла и Клинг в сопровождении краснолицего патрульного поднялись из подвала в вестибюль и направились к выходу, их кто-то окликнул. Обернувшись, они увидели высокую темноволосую девушку, которая стояла, прислонившись к стене и глубоко засунув руки в карманы зеленого пальто.

— Простите, вы детективы? — нерешительно спросила она.

— Да, — кивнул Карелла.

— Слушайте, ребята, вы уж меня извините, — смущенно проговорил патрульный. — Меня только недавно перевели в этот участок, и я еще не знаю всех в лицо...

— Да брось ты, все в порядке, — успокоил его Клинг.

— Управляющий сказал мне, что в доме полиция, — продолжала девушка, переводя свои карие глаза с одного детектива на другого, как бы спрашивая, кто из них отзовется первым.

— Чем мы можем вам помочь, мисс? — улыбнулся Карелла.

— Вчера вечером я видела в подвале человека в окровавленной одежде.

Карелла быстро посмотрел на Клинга, потом снова на девушку.

— В котором часу?

— Примерно без четверти одиннадцать.

— А что вы делали в подвале?

— Стирала, — с удивлением ответила она. — Там стоят стиральные машины. Да, простите, я не представилась — меня зовут Нора Симонов. Я живу в этом доме.

— Ну ладно, ребята, пока, — уже от двери сказал патрульный. — Извините, если что не так, о'кей?

— О'кей, о'кей. — Клинг помахал ему рукой.

— Я живу на пятом этаже, — добавила Нора. — Квартира 5-А.

— Расскажите, что вы видели, — попросил Карелла.

— Я сидела у стиральной машины и смотрела, как одежда крутится в барабане. Знаете, порой это просто завораживает. — Она быстро улыбнулась. — Вдруг дверь, выходящая на задний двор, распахнулась. Понимаете, какую дверь я имею в виду?

Карелла кивнул.

— Этот человек спустился по лестнице. По-моему, он меня даже не заметил. Дело в том, что стиральные машины стоят чуть в стороне. Он направился прямо к лестнице в дальнем конце подвала, которая выходит на улицу. В подвале две лестницы — одна ведет в вестибюль, другая — на улицу. Он поднялся по той, что выходит на улицу.

— Вы узнали его?

— То есть?

— Он живет в вашем доме? Или где-нибудь по соседству?

— Нет. До вчерашнего вечера я его никогда не видела.

— Вы сможете его описать?

— Конечно. На вид ему двадцать один — двадцать два года, высокий, примерно вашего роста и телосложения... ну, может быть, чуть пониже — пять футов десять-одиннадцать дюймов. Каштановые волосы...

Клиг уже торопливо строчил в своем блокноте.

— Вы не заметили, какого цвета у него глаза? — спросил он.

— К сожалению, нет.

— А цвет кожи?

— Белый.

- Как он был одет?
- В темные брюки, высокие кроссовки и поплиновую куртку-ветровку. Передняя часть куртки и рукав были в крови.
- Какой рукав?
- Правый.
- У него была шапка?
- Нет.
- А в руках у него ничего не было?
- Да, маленькая красная сумка, похожая на те, что дают авиапассажирам.
- Не заметили каких-нибудь шрамов, татуировок, родимых пятен?
- Точно сказать не могу, он был слишком далеко. И, несмотря ни на что, он шел довольно быстро.
- Что значит "несмотря ни на что"? — быстро спросил Карелла.
- Он хромал на правую ногу. Мне показалось, что он сильно ранен.
- Вы бы узнали его, если бы увидели еще раз?
- В ту же минуту, — не задумываясь, ответила Нора.

Разумеется, первое, что им пришло в голову, это опознание по фотографии. Кроме того, не исключалась возможность того, что Бюро идентификации даст положительный ответ по поводу отпечатков пальцев преступника, посланных туда из участка. Все очень надеялись, что, может быть, хотя бы на этот раз дело окажется простым и легким — из Бюро идентификации пришлют копию досье на известного рецидивиста, они без помех его арестуют, приведут в участок, организуют опознание, и Нора Симонов сразу же подтвердит, что именно этого человека она и видела вчера в 22.45 в подвале своего дома в перепачканной кровью одежде.

Но, увы, из Бюро пришел ответ, из которого явствовало, что отпечатков пальцев, соответствующих найденным в квартире Флетчера, в картотеке не имеется.

Повздыхав, Карелла и Клинг пришли к выводу, что им опять попалося трудное дело, и поступили так, как им советовал Маршалл Дэвис. Они разослали всем городским врачам бюллетень с просьбой сообщить о пациенте, обратившемся к кому-нибудь из них по поводу перелома или растяжения связок и отвечающем следующему описанию: белый, чуть старше двадцати, ростом 5 футов 10-11 дюймов, весом около 180 фунтов, каштановые волосы, одет в темные брюки, высокие кроссовки и поплиновую куртку-ветровку, передняя часть и правый рукав которой испачканы кровью.

И словно в доказательство тому, что полицейские, как и все остальные, тоже могут ошибаться, вышло так, что дело вправду оказалось простым и легким.

В 16.37 того же дня, когда Карелла уже собирался домой, в участок позвонил врач из Риверхеда.

— Это доктор Мендельсон. Я только что получил ваш бюллетень и хочу сообщить, что оказывал медицинскую помощь человеку, к которому подходит ваше описание.

— Где находится ваш кабинет, доктор Мендельсон? — поспешно спросил Карелла.

— В Риверхеде. Довер-Плейнс-авеню, 3461.

— Когда вы оказывали помощь этому человеку?

— Сегодня рано утром. По понедельникам я принимаю с утра, так как днем дежурю в больнице.

— Что установил ваш осмотр?

— Сильное растяжение лодыжки.

— Но не перелом?

— Нет. У него сильно распухла нога. Сначала я думал, что у него действительно перелом, но потом мы сделали рентген, и оказалось, что это только сильное растяжение. Я наложил тугую повязку и посоветовал пациенту какое-то время оставаться в постели.

— Он назвал свое имя?

— Да. Могу вам продиктовать.

— Будьте любезны, сэр.

— Его зовут Ральф Корвин.

— А адрес?

— Вудсайд-авеню, 894.

— Это в Риверхеде?

— Да.

— Спасибо, доктор, — сказал Карелла.

— Не за что, — ответил тот и положил трубку.

Из верхнего ящика стола Карелла достал телефонную книгу Риверхеда и быстро нашел нужный раздел. Он не надеялся найти там имя Ральфа Корвина. Нужно быть полным идиотом, чтобы залезть в чужую квартиру без перчаток, зарезать женщину, а потом назвать свое имя врачу, который лечил травму, полученную во время бегства с места преступления.

Однако, судя по всему, Ральф Корвин был как раз из таких.

Его имя и адрес значились в телефонной книге и совпадали с теми, что он назвал доктору.

Они высадили дверь без стука и с револьверами наизготовку ворвались в квартиру.

На кровати лежал человек в нижнем белье с повязкой на правой ноге. Простыни и одеяло были испачканы. В тесной жаркой комнате стоял невыносимый запах рвоты.

— Ральф Корвин? — спросил Карелла.

— Да, — прохрипел человек на кровати. Лицо его было искажено от боли, глаза остекленели.

— Полиция.

— Что вам от меня нужно?

— Мы хотим вас кое о чем спросить. Одевайтесь, Корвин.

— Нечего тут спрашивать, — пробормотал Корвин и уткнулся лицом в подушку. — Я убил ее.

Глава 3

Ральф Корвин сделал свое признание в присутствии двух детективов из 87-го участка, полицейского стенографиста, помощника районного прокурора и адвоката, предоставленного ему городскими властями. Допрос вел представитель прокуратуры.

Вопрос: Назовите, пожалуйста, ваше имя.

Ответ: Ральф Корвин.

В: Где вы живете, мистер Корвин?

О: Вудсайд-авеню, 894. Это в Риверхеде.

В: Расскажите о событиях, имевших место в воскресенье вечером двенадцатого декабря. Короче говоря, мистер Корвин, что вы делали прошлым вечером?

О: С чего мне начать?

В: Вы заходили в дом 721 по Сильвермайн-Овал?

О: Да.

В: Как вы проникли в дом?

О: Сначала я с улицы спустился в подвал. С той стороны, где стоят мусорные баки. Через подвал прошел в другой конец здания и вышел на задний двор. А потом вскарабкался по пожарной лестнице.

В: В котором часу это было?

О: Приблизительно в десять вечера.

В: Значит, в десять?

О: Да, в десять.

В: Что вы дальше делали?

О: Залез в квартиру.

В: В какую квартиру?

О: В ту, что на втором этаже. Ее окна выходят на задний двор.

В: С какой целью вы проникли в эту квартиру?

О: Чтобы обчистить ее.

В: Ограбить?

О: Ну да.

В: А до этого вы когда-нибудь были в этом доме?

О: Нет. До этого я ни разу не делал ничего подобного. Ни-ког-да. Да, я наркоман, но до этого я за всю свою жизнь ни у кого ничего не украл. И никому не причинил зла. Я бы и сейчас не пошел воровать, если бы моя девушка меня не бросила. Я был в абсолютно безвыходном положении. Обычно она давала мне деньги. Сколько было нужно, столько и давала. Но в пятницу она меня бросила. Взяла и ушла.

В: Как зовут вашу девушку?

О: Зачем ее втягивать в это дело? Она здесь совершенно ни при чем. Она не сделала мне ничего плохого, и я не держу на нее зла... хотя она ушла от меня. Она всегда хорошо ко мне относилась. Я не хочу называть ее имя, она не имеет к этому никакого отношения.

В: Вы сказали, что до этого никогда не бывали в этом доме?

О: Никогда.

В: Почему тогда вы выбрали именно эту квартиру?

О: Просто это была первая квартира, где не горел свет. Я как увидел, так сразу подумал, что никого нет дома.

В: Как вы попали в квартиру?

О: Окно кухни было чуть-чуть приоткрыто, совсем чуть-чуть. Я подsunул пальцы под раму и приподнял ее.

В: Вы были в перчатках?

О: Нет.

В: Почему?

О: У меня нет перчаток. Перчатки денег стоят, а я наркоман.

В: А вы не боялись, что оставите отпечатки пальцев?

О: Я думал, что это все липа. Что такое бывает только в кино, понимаете?

В: Что вы делали после того, как открыли окно?

О: Встал на раковину и спрыгнул на пол.

В: А потом?

О: У меня с собой был маленький фонарик. Я осветил вокруг и прошел из кухни в гостиную.

В: Взгляните, пожалуйста, на фотографию.

О: Да?

В: Узнаете эту комнату?

О: Не знаю, там было темно. Наверное. Точно не могу сказать.

В: Что вы делали в гостиной?

О: Вытащил из буфета все их столовое серебро и сложил его в сумку авиакомпании. В прошлом месяце я летал в Чикаго на похороны отца и купил эту маленькую сумку в самолете. Моя девушка дала мне денег на билет. Она отличная девушка, даже не представляю, почему она меня бросила. Знаете, если бы не это, я бы ни за что сейчас не влип в эту историю. Да я за всю жизнь ничего не украл, ни разу, клянусь Богом. И никого пальцем не тронул. Даже не знаю, что это на меня нашло. Должно быть, сильно перепугался. Это единственное, что приходит в голову.

В: Куда вы направились, когда вышли из гостиной?

О: Я искал спальню.

В: Со включенным фонариком?

О: Да. Это очень маленький фонарик, такие называют "фонарик-карандаш". Совсем крошечная штука, знаете такие? Чтобы хоть какой-то свет давал.

В: Зачем вам понадобилась спальня?

О: Я подумал, что именно там люди обычно оставляют часы, кольца и тому подобное. Хотел прихватить любые драгоценности, что попадутся мне на глаза, а потом смыться. Я ведь не профессионал, просто меня уже по-настоящему ломало, и мне позарез были нужны деньги на укол.

В: Вы нашли спальню?

О: Да, нашел.

В: Что было дальше?

О: В постели оказалась женщина. Понимаете, было всего пол-одиннадцатого. Мне и в голову не пришло, что кто-то так рано может лечь спать. Я думал, что в квартире никого нет.

В: Но в постели была женщина...

О: Да. И едва я вошел, она включила свет.

В: А что сделали вы?

О: У меня в кармане был нож, и я достал его.

В: Зачем?

О: Хотел ее напугать.

В: Посмотрите, пожалуйста, на этот нож.

О: Да, это мой.

В: Именно этот нож вы и вытащили из кармана?

О: Да.

В: Эта женщина вам что-нибудь говорила?

О: Да. Это было даже смешно. То есть, когда я сейчас об этом вспоминаю, мне это кажется смешным, а тогда я сам перепугался до смерти. Это было похоже на кино, понимаете? Совсем как в фильме. Она смотрит на меня и говорит: "Что вы здесь делаете?" Смех да и только, вам не кажется?

В: А вы?

О: Я сказал, что если она не будет поднимать шум, то я ей ничего не сделаю.

В: Продолжайте.

О: Она вскочила с постели. То есть не вскочила, а откинула одеяло и опустила ноги на пол, понимаете? Села. Я сначала даже не понял, что она делает, а потом гляжу — тянется к телефону. Надо быть просто сумасшедшим, верно я говорю? У нее в спальне человек с ножом, а она хватается за телефон.

В: А вы?

- О: Схватил ее за руку, оттащил от телефона и стянул с постели. И снова сказал, что никто не причинит ей вреда, что я сию же минуту ухожу, и пусть она успокоится.
- В: Так и сказали?
- О: Как?
- В: Вы просили ее успокоиться?
- О: Не помню точно, что именно я ей сказал, но что-то в этом духе — чтобы она успокоилась, потому что было видно, что у нее начинается истерика.
- В: Посмотрите на эту фотографию. Вы были в этой спальне?
- О: Да, вот ночной столик с телефоном, а в это окно я выскочил из квартиры. Это та самая комната.
- В: Что произошло потом?
- О: Она начала кричать.
- В: Как вы на это отреагировали?
- О: Приказал ей сейчас же замолчать. Я сам в тот момент запаниковал, а она вопила громко, во весь голос.
- В: Она замолчала?
- О: Нет.
- В: Что вы тогда сделали?
- О: Ударил ее ножом.
- В: Куда?
- О: Не помню. У меня это вышло чисто машинально. Она кричала, и я испугался, что весь дом сбежится. Я просто... ткнул ее ножом. Я был очень напуган.
- В: Вы ударили ее в грудь?
- О: Нет.
- В: А куда?
- О: В живот. Куда-то в область живота.
- В: Сколько раз?
- О: Один. Она... она попятилась от меня, я никогда не забуду, как она на меня смотрела. А потом она... упала на пол.
- В: Посмотрите на эту фотографию.
- О: О Господи!
- В: Эту женщину вы ударили ножом?
- О: О Господи... Господи... я никак не думал... Боже мой!
- В: Это та женщина?
- О: Да. Да, это она.
- В: Что случилось потом?
- О: Можно попросить стакан воды?
- В: Принесите ему воды. Итак, вы ударили ее ножом, и она упала на пол. Что произошло потом?
- О: Потом...
- В: Да.
- О: Потом я услышал, как кто-то отпирает входную дверь. А потом кто-то вошел.
- В: В квартиру?
- О: Да. И позвал ее.
- В: От входной двери?
- О: Наверное. Откуда-то из другого конца квартиры.
- В: Этот человек позвал ее по имени?
- О: Да. Он крикнул: "Сара!", а когда не услышал ответа, снова крикнул: "Сара! Я приехал!"
- В: Так-так, продолжайте.

О: Я понял, что попался. Я не мог уйти тем же путем, каким пробрался в квартиру, потому что хозяин вернулся домой. Поэтому я пробежал мимо женщины — она лежала на полу... Господи, ужас какой... и попробовал открыть окно, но раму заклинило. Тогда я разбил стекло сумкой и... я не знал, что делать... ведь это был второй этаж, я не знал, как мне выбраться. Первым делом я выбросил из окна сумку — что бы ни случилось, но мне позарез были нужны деньги на дозу, — а потом протиснулся сквозь разбитое стекло — при этом я порезался — и уцепился за подоконник. Мне было очень страшно прыгать, но в конце концов я решился, другого выхода все равно не было.

В: Продолжайте, пожалуйста.

О: Мне показалось, что я летел целую милю. Едва я ударился об асфальт, как сразу понял, что здорово повредил себе ногу. Попробовал встать и тут же упал. Лодыжка жутко болела, да еще и руку о стекло располосовал. Я провалялся в этом переулке минут пятнадцать, не меньше, только встану и снова падаю. Наконец мне удалось встать и выбраться оттуда.

В: И куда вы скрылись?

О: Прошел через подвал и поднялся на улицу. Короче говоря, точно так же, как и вошел.

В: Куда вы после этого отправились?

О: Поехал на метро в Риверхед, домой. Как вошел, сразу включил радио, чтобы узнать, не передавали ли что-нибудь про то... что я сделал. Но ничего не было. Я попытался заснуть, но нога очень болела, и мне было необходимо кольнуть. Утром я пошел к доктору Мендельсону, потому что мне казалось, что речь идет о моей жизни. Если я не смогу ходить, как же я тогда куплю наркотики?

В: Когда вы пришли к доктору Мендельсону?

О: Рано утром. Часов в девять.

В: Он ваш семейный врач?

О: Я до этого в глаза его не видел. Я живу в двух шагах от его приемной, прямо за углом. Я только потому к нему и пошел, что это рядом. Он перебинтовал мне лодыжку, но лучше не стало. Я так и не могу ходить, совсем как калека. Я попросил выписать мне счет и сказал, что заплачу сразу, как только у меня появятся деньги. Потому что я и назвал свои настоящие имя и адрес. Я и не собирался его обманывать. Я знаю, что поступил плохо, но... я не плохой человек.

В: Когда вы узнали, что миссис Флетчер умерла?

О: По дороге домой от доктора купил газету, и там про это было написано. Тогда-то я и понял, что убил ее.

В: А до этого вы не знали?

О: Я не знал, насколько это было серьезно.

Глава 4

Во вторник 14 декабря — в первый из двух выходных Кареллы — ему домой позвонил Джеральд Флетчер. Карелла был очень удивлен, поскольку его номер не значился в телефонном справочнике Риверхеда, и он знал, что никто в участке не дал бы его домашний телефон постороннему.

— Мистер Флетчер, а как вы узнали мой номер?

— У меня есть приятель в прокуратуре.

— Г-м... ну ладно. Что вам от меня нужно? — не слишком любезно спросил Карелла.

— Извините, что побеспокоил вас дома...

— Да, это мой выходной, — подтвердил Карелла, отлично сознавая, что его слова звучат грубо.

— Я хотел извиниться за вчерашнее.

— Ах, вот оно что...

— Знаю, что вел себя отвратительно. Вам, полицейским, надо было выполнять свою работу, а я... ни в коей мере этому не способствовал. Я пытался понять причину такого поведения с моей стороны, и единственное, что приходит в голову, так это то, что я, видимо, был в шоке. Я не любил свою жену, это правда, но когда нашел ее мертвой... да еще в таком виде... наверное, у меня не такие крепкие нервы, как мне казалось. Извините, если доставил вам какие-то неприятности.

— Никаких неприятностей не было, — заверил его Карелла. — Вам, конечно, сообщили, что...

— Да, вы поймали убийцу.

— Да.

— Это была быстрая и достойная восхищения работа, детектив Карелла. И я чувствую себя еще более неловко от того, что вел себя так по-идиотски.

— Ну... — промямлил Карелла, и оба замолчали.

— Пожалуйста, примите мои извинения, — наконец сказал Флетчер.

— Да, разумеется, — смутился Карелла.

— Я подумал — может быть, вы свободны сегодня во время ленча?

— Вообще-то, я собирался пройтись по магазинам за рождественскими подарками. Мы с женой вчера составили список, и я...

— А в центр вы не поедете?

— Да, но...

— Может быть, вам удастся совместить и то, и другое?

— Послушайте, мистер Флетчер, я понимаю, что вы чувствуете себя неловко из-за вчерашнего, но вы уже извинились, и, поверьте, этого вполне достаточно. Очень любезно с вашей стороны, что вы позвонили, решиться на это было нелегко...

— Почему бы нам не встретиться в час дня в "Золотом льве"? — предложил Флетчер. — Беготня за рождественскими подарками утомит кого угодно. Небольшая передышка вам не повредит.

— А... где находится "Золотой лев"?

— На углу Джунипер и Хай-стрит.

— Так это в центре? Рядом с Уголовным судом?

— Совершенно верно. Значит, вы знаете, где он...

— Да, знаю. О'кей.

— Отлично. Буду ждать.

Карелла и сам не понимал, что в тот день погнало его в полицейскую лабораторию к Сэму Гроссману. Он подумал, что все равно направляется в ресторан, расположенный неподалеку от суда и от полицейского управления. Но Карелла не смог бы объяснить, почему он, так и не купив куклу для своей дочери Эйприл, поспешил в лабораторию, чтобы успеть туда до встречи с Флетчером.

Когда Карелла вошел, Гроссман сидел, прильнув к окулярам микроскопа. Не поднимая головы, он проговорил:

— Садись, Стив, я сейчас закончу. — И продолжал вертеть настройку объектива, время от времени делая пометки в блокноте. Наконец оторвался от микроскопа и протянул Карелле руку. — Ну, выкладывай, что привело тебя на восьмой круг ада?

— Откуда ты узнал, что это я?

— Что-что? — переспросил Гроссман.

— Я вошел в комнату, а ты, не поднимая головы, сказал: "Садись, Стив, я сейчас закончу". Как ты определил, что это я?

— Ага, — с загадочным видом произнес Гроссман.

— Нет, серьезно, Сэм, у меня из-за этого уже шарики за ролики заехали.

— Ну что ж, вообще-то, это довольно просто. — Гроссман улыбнулся. — Обрати внимание, сейчас без двадцати пяти час. Минуя зенит, солнце осветило окна лаборатории, и его лучи, преломившись в оконных стеклах, слегка коснулись моих часов и отразились от них под углом, который нам ничего не стоит вычислить. Кроме того, образец на предметном стекле этого микроскопа крайне светочувствительный, а это означает, что даже малейшее отражение любых лучей, — каких угодно, — гамма-лучей, ультрафиолетовых, инфракрасных — способно вызвать легко заметные изменения на предметном стекле даже за то короткое время, что я его осматривал. Добавь к этому температуру воздуха, которая, насколько мне известно, десять градусов ниже нуля, уровень загрязненности воздуха — совершенно недопустимый, что, впрочем, характерно для нашего города, — и ты сам поймешь, что этого вполне достаточно, чтобы мгновенно определить, кто пришел.

— Да? — с сомнением спросил Карелла.

— Точно тебе говорю. Впрочем, есть еще один важный фактор, и мы должны учитывать и его, если хотим иметь полное представление об этом процессе. Ты хотел знать, как я определил, что это именно ты вошел в лабораторию и подходишь к столу? Начнем с того, что я услышал, как открывается дверь...

— Да, но как ты узнал, что это я?

— О, это важнейший элемент, позволивший мне прийти к неизбежному заключению, что это...

— Да-да, что это?

— Маршалл Дэвис заметил тебя в коридоре и за полминуты до того, как ты вошел, заглянул ко мне и сказал, что идет Карелла.

— Сукин ты сын! — воскликнул Карелла и расхохотался.

— Кстати, как вам, ребята, понравилась его работа?

— Отлично.

— Фактически, он преподнес вам этого типа на блюдецке.

— Без вопросов.

— Полицейская лаборатория наносит новый удар! — Гроссман рассмеялся. — Скоро мы сможем обходиться вообще без вас.

— Знаю. Потому-то и пришел проситься к тебе на работу.

— Почти вовремя. Нет, а, кроме шуток, зачем ты пришел? Очередное крупное дело, которое мы должны расколоть в рекордный срок?

— Я пришел поблагодарить тебя.

— За что? — Гроссман удивленно уставился на Кареллу.

— Я почти раскрыл это дело. А те данные, что ты нам прислал, очень помогли и позволили быстро задержать этого Корвина. Я хотел тебя поблагодарить, вот и все.

— Что значит — "почти раскрыл это дело"?

— Я думаю, что ее убил муж.

— Почему?

— Не могу объяснить. — Карелла пожал плечами и, помолчав, добавил: — Сэм, я по-прежнему уверен, что это сделал Флетчер.

— И поэтому ты сегодня встречаешься с ним в "Золотом льве"? — насмешливо спросил Гроссман.

— Черт бы тебя побрал! А это ты откуда знаешь? — изумился Карелла.

— Ага! — Гроссман ухмыльнулся. — Он звонил тебе из кабинета Ролли Шабрье. А немного погодя я разговоривал с Ролли, и он...

— До свидания, сэр, — поспешно перебил его Карелла. — Для одного дня это уже слишком.

Большинство полицейских нечасто балует себя посещением таких ресторанов, как "Золотой лев". Обычно они завтракают в какой-нибудь забегаловке неподалеку от участка или перехватывают сэндвич с кофе прямо за своим рабочим столом. Но в свободное время, развлекая своих жен и подружек, они, как правило, ходят в рестораны, где все знают, что они полицейские, и демонстративно протестуют, когда хозяин говорит: "Сэр, это за счет заведения". Однако в итоге щедрое предложение чаще всего принимается, и вы не найдете ни одного полицейского, который посчитал бы эту практику бесчестной. Получая мизерную зарплату, они перегружены работой, которая заключается в том, чтобы защитить граждан и их имущество от посягательств преступников. И если кто-то из этих граждан может позволить себе сделать жизнь полицейского более терпимой, то зачем же обижать этих людей отказом от бесплатного угощения, предложенного, можно сказать, от чистого сердца?

До этого Карелле никогда не приходилось бывать в "Золотом льве". Один взгляд на меню, выставленное в окне у входа, мог отпугнуть кого угодно — обед обошелся бы ему в месячную зарплату.

Зал представлял собой точную копию гостиной старинного английского постоялого двора. Сводчатый потолок поддерживали огромные дубовые балки. На столах, покрытых белоснежными накрахмаленными скатертями, поблескивали тяжелые серебряные столовые приборы. Белые, грубо оштукатуренные стены были увешаны портретами дам и джентльменов Елизаветинской эпохи с белыми кружевными воротниками и манжетами, в роскошных бархатных плащах и накидках. Их нарядные костюмы, освещенные свечами, яркими цветными пятнами выделялись в строгой обстановке ресторана.

Столик Джеральда Флетчера находился в дальнем углу зала. При появлении Кареллы Флетчер встал и протянул ему руку.

— Рад, что вы смогли прийти. Садитесь, пожалуйста.

Карелла пожал руку и сел. Он чувствовал себя крайне скованно, но не мог сказать, почему — то ли из-за обстановки в зале, то ли из-за человека, который его сюда пригласил.

— Выпьете что-нибудь? — предложил Флетчер.

— А вы сами будете?

— Да.

— Тогда мне шотландского с содовой, — попросил Карелла, хотя у него не было привычки пить за ленчем — ни во время работы, ни в выходные. Единственный раз в году он позволял себе это в Рождество, когда садился с семьей за праздничный стол.

Флетчер небрежно махнул официанту.

— Вы когда-нибудь бывали здесь раньше? — спросил он Кареллу.

— Нет, ни разу.

— А мне казалось, что вы могли сюда захаживать. Это же в двух шагах от суда, а вам приходится проводить там много времени, так ведь?

— Да, и довольно часто, — согласился Карелла.

— Будьте любезны, — сказал Флетчер подошедшему официанту, — шотландско-го с содовой джентльмену, а мне — чистого.

— Слушаюсь, мистер Флетчер, — ответил тот и отправился выполнять заказ.

— Не могу даже выразить, насколько меня поразила та скорость, с которой ваши люди произвели арест, — продолжал Флетчер.

Карелла пожал плечами.

— Нам очень помогла полицейская лаборатория.

— Просто невероятно... Я говорю о неосторожности этого человека. А потом я узнал от Ролли... — Флетчер загнулся и быстро взглянул на Кареллу, — от Ролли Шабрье из прокуратуры... Кажется, вы его знаете?

— Да, знаю.

— Это он дал мне ваш домашний телефон. Надеюсь, вы на него не в обиде?

— Нет-нет, все в порядке.

— Сегодня утром я звонил вам из его кабинета. Представляете, так совпало, что он ведет дело против Корвина.

— Шотландское с содовой, — возвестил официант, ставя стакан перед Кареллой. Второй стакан он поставил перед Флетчером. — Мистер Флетчер, не желаете взглянуть на меню?

— Немного погодя, — ответил тот.

— Да, сэр. — Официант кивнул и отошел.

Флетчер поднял свой стакан.

— За обвинительный приговор.

Карелла последовал его примеру.

— Не думаю, чтобы у Ролли возникли какие-то трудности во время процесса. На мой взгляд, дело элементарное.

Оба сделали по глотку, и Флетчер, промокнув губы салфеткой, сказал:

— В наше время ничего нельзя утверждать наверняка. Как вы знаете, я адвокат, и обычно нахожусь по другую сторону баррикад. Вы не поверите, сколько раз мы выигрывали дела, которые многим казались совершенно безнадежными. — Он снова поднял стакан и посмотрел Карелле прямо в глаза. — Впрочем, надеюсь, что вы правы. Исход дела почти не вызывает сомнений. — Он отхлебнул виски. — Ролли сказал мне, что...

— Да, вы начали рассказывать...

— ... что убийца — наркоман...

— Да.

— ... который до этого никогда в жизни не грабил квартир.

— Совершенно верно.

— Должен признаться, я испытываю к нему известное сочувствие.

— Неужели?

— Да. И если он наркоман, то автоматически достоин жалости. Когда он признал, что убил женщину, которая была такой сучкой, как моя жена...

— Мистер Флетчер...

— Джерри. О'кей?

— Ну что ж...

— Да знаю, знаю. Не очень-то вежливо с моей стороны говорить так о покойной. Боюсь, вы не знали мою жену, мистер Карелла, и... кстати, можно называть вас Стивом?

— Конечно.

— Так вот, будь вы с ней знакомы, вы бы меня прекрасно поняли. Но все же мне стоит последовать вашему совету. В конце концов, она мертва и больше ничем не сможет мне навредить. Ради чего, спрашивается, ее проклинать? Ну что, Стив, будем заказывать?

Официант буквально подлетел к столу. Флетчер посоветовал Карелле попробовать форель, запеченную в тесте, или пирог с говяжьими почками, которые, по его словам, здесь готовили просто бесподобно. Однако Карелла заказал телячьи ребрышки и кружку пива.

Пока они ели и беседовали, за столом начало происходить что-то странное. А может быть, Карелле так только казалось — точно он сказать не мог. На первый взгляд, разговор с Флетчером выглядел обыкновенной болтовней о таких пустяковых вещах, как условия жизни в городе, приближающиеся праздники, рост цен на бензин... Обсудили несколько новых фильмов. Поговорили об эффективности медного браслета, подаренного Майером Клингу. Затем вспомнили Висконсинский университет, где Флетчер учился на юридическом, и письма, которые дети Кареллы писали и продолжали писать Санта-Клаусу. Похвалили качество жаркого и достоинства эля по сравнению с пивом. Но сквозь эту спокойную, вежливую и абсолютно бессодержательную болтовню прорывалось нечто такое, что заставило Кареллу почувствовать возбуждение и страх. Во время разговора детектив с поразившей его самой уверенностью понял, что Джеральд Флетчер действительно убил свою жену. Он знал это, хотя никто ему об этом не говорил, знал, несмотря на то, что об убийстве больше не было сказано ни слова. Вот почему Флетчер позвонил ему в то утро и пригласил на ленч. И пока они не закончили есть и не встали из-за стола, выражение лица адвоката и каждый его жест кричали — да, он знает, что Карелла подозревает его в убийстве. Именно потому он и находится в этом уважаемом ресторане, чтобы дать понять этому паршивому фараону — да, я убил свою жену, однако все улики указывают на другого человека, и ты уже получил его признание. А я очень рад, что убил ее!

И ты ничего не сможешь мне сделать.

Глава 5

В ожидании суда Ральф Корвин сидел в старейшей городской тюрьме, которую как полицейские, так и заключенные почему-то издавна окрестили "Калькуттой". Каким образом "Городской дом заключения" превратился в "Калькутту", оставалось загадкой. Совершенно автоматически в голову приходила мысль о какой-то жуткой зловонной яме, но, как ни странно, "Калькутта" считалась неплохой тюрьмой: во всяком случае, среди ее обитателей был самый низкий процент самоубийств по сравнению со многими другими городскими учреждениями подобного типа. Само здание было старым, однако внутри здания стены и коридоры сверкали свежей краской, камеры были хоть и маленькими, но чистыми. Заключенные имели все необходимые условия для отдыха и развлечений — пинг-понг, телевизор, а во внутреннем дворе — площадку для гандбола. Персонал тюрьмы состоял из сотрудников, прекрасно знавших свое дело и неплохо общавшихся со своими подопечными.

Камера Корвина находилась в самом конце коридора. В среду утром Карелла стал его сидящим на нижней койке — руки зажаты между колен, голова опущена, как во время молитвы. На посещение тюрьмы было необходимо получить разрешение прокурора и адвоката Корвина, и Карелла получил его, хотя и тот, и другой опасались, что разговор детектива с подследственным может повредить ведению дела. Услышав приближающиеся шаги, Корвин вскинул голову и, едва открылась дверь, поднялся с койки.

— Как ваши дела? — спросил Карелла, протягивая руку.

Корвин слабо стиснул его ладонь.

— А я все гадал, кто же из вас Карелла. Я перепутал ваши фамилии — вашу и того блондина, не помню, как его там. Теперь я знаю, вы — Карелла.

— Да.

- Зачем вы пришли?
- Хотел задать вам несколько вопросов.
- Мой адвокат сказал...
- Я говорил с вашим адвокатом, он в курсе.
- Да, но он сказал, что я ничего не должен добавлять к тому, что говорил раньше. Вообще-то, он тоже хотел прийти, но я сказал, что сам смогу о себе позаботиться. К тому же мне этот тип совершенно не нравится. Вы его видели? Такой маленький очкастый шпент, очень похож на таракана.
- Тогда почему вы не попросите другого адвоката?
- А можно?
- Конечно.
- А у кого?
- Обратитесь в "Общество юридической защиты".
- Вы не могли бы для меня это сделать? Позвонить им и сказать, что...
- К сожалению, нет.
- Почему? — Корвин с подозрением посмотрел на Кареллу.
- Я не хочу делать ничего такого, что могут посчитать попыткой помешать ведению дела.
- Какого дела? Моего или прокуратуры?
- И того, и другого. Откуда мне знать, к какому выводу может прийти судья, если...
- О'кей, как мне отсюда позвонить в это самое общество?
- Попросите кого-нибудь из администрации. Или просто скажите вашему адвокату. Уверен, если вы объясните ваши чувства, у него не останется возражений, и он оставит ваше дело. Вам бы захотелось защищать кого-то, кому вы не нравитесь?
- Нет, конечно, — отозвался Корвин и вяло пожал плечами. — Но мне бы не хотелось его обидеть. Он маленький таракан, но какого черта?
- Учтите, Корвин, у вас поставлено на карту очень многое.
- В том-то и дело. Хотя... какая разница?
- Что вы имеете в виду?
- Ведь я же убил ее. Какая в таком случае разница, кто адвокат? Никто меня не спасет. Все и так ясно, как дважды два.
- Веки Корвина задрожали. Переплетя пальцы рук, он снова сел на койку и сказал:
- Мне приходится сцеплять руки, иначе меня так начнет колотить, что я рассыплюсь на куски, понимаете?
- Вам плохо?
- Ломка — это всегда плохо, а еще хуже, когда нельзя кричать.
- Вам давали какие-нибудь лекарства? — вздохнул Карелла.
- Нет, они сказали, что здесь не больница. Как будто я сам не знаю! Я попросил своего адвоката, таракана этого, чтобы меня перевели в клинику для наркоманов в "Буэнависта", а он говорит, что сначала администрация тюрьмы должна произвести тесты, чтобы я у них проходил по делу как наркоман, а это займет еще пару дней. Да через пару дней я уже не буду проходить ни по какому делу, через пару дней я все свои кишки выблюю и загнусь. Кто придумал эти правила? Какой во всем этом смысл? Не понимаю я правил, ей-богу, не понимаю я этих дурацких правил! Я понимаю только одно — наркотики. Без наркотиков я забываю обо всех идиотских правилах! Когда нужно уколиться, то все правила катятся к черту! Господи, как же я ненавижу все эти правила!
- Как вы себя чувствуете? Можете отвечать на вопросы?

— Как я себя чувствую? Так, как будто сейчас упаду замертво, вот как я себя чувствую!

— Я могу прийти в другой раз.

— Нет-нет, спрашивайте. Что вас интересует?

— Конкретно меня интересует, как вы ударили ножом Сару Флетчер?

Корвин нервно стиснул руки, облизнул губы и подался вперед, словно борясь с неожиданным приступом тошноты.

— А как по-вашему, что происходит, когда пыряешь человека ножом? Просто... втыкаешь в него нож, вот и все.

— Куда?

— В живот.

— С левой стороны?

— Да, наверное. Я правша, а она стояла лицом ко мне. Наверное, туда я и ударил.

— А потом?

— В каком смысле?

— Что вы делали потом?

— Я... знаете, наверное, надо было вытащить нож. По-моему, я настолько перепугался, ударив ее, что забыл обо всем на свете. Надо было вытащить из нее нож, правда? Я помню, как она от меня попятилась, а потом упала, и нож все еще торчал в ней.

— Она вам что-нибудь говорила?

— Нет, она... у нее на лице было такое жуткое выражение... ужаса... боли и... как будто она не могла понять, зачем я это сделал.

— Где был нож, когда она упала?

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Нож был у нее в правой стороне тела или в левой?

— Не помню.

— Постарайтесь вспомнить.

— Не знаю. Как раз в тот момент я услышал, как открывается входная дверь, и единственное, что меня интересовало, — как бы поскорее смыться.

— Что она сделала, когда вы ее ударили? Может быть, дернулась? Отпрянула от вас?

— Нет, попятилась прямо назад. Так, как будто не могла поверить в то, что я сделал и... как будто не хотела находиться рядом со мной, понимаете?

— А потом она упала?

— Да. У нее... подломились ноги... она схватилась за живот, ее руки... это было ужасно... они хватили воздух, понимаете? А потом она упала.

— В каком положении?

— На бок.

— На какой?

— Я по-прежнему мог видеть рукоятку ножа, значит она упала... на бок, противоположный тому, куда я ее ударил.

— Вы же видели, как она лежала на полу. Покажите мне.

— Ну... — Корвин поднялся с койки и встал перед Кареллой. — Предположим, что койка — это окно. Ее ноги были вытянуты в мою сторону, а голова — повернута к окну. Представьте себя на моем месте... — Корвин лег на пол и вытянул ноги по направлению к Карелле. — Вот в таком положении она и лежала.

— Хорошо, теперь покажите, на каком боку.

Корвин перекатился на правый бок.

— Вот на этом.

— Значит, на правом?

— Выходит, что да.

— А нож торчал в левом боку, так?

— Да.

— Точно там, куда вы ее ударили?

— Наверное, да.

— Когда вы разбили стекло и вылезали из окна, нож был в том же самом положении?

— Не знаю. Я больше не смотрел ни на нож, ни на нее. Я только хотел побыстрее выбраться оттуда. Ведь кто-то же вошел в квартиру, понимаете?

— И последний вопрос, Ральф. Когда вы вылезали из окна, она была мертва?

— Понятия не имею. Она истекала кровью и... лежала очень тихо. Наверное, да. Точно не знаю.

— Алло, мисс Симонов?

— Да.

— Детектив Клинг, восемьдесят седьмой участок. Я...

— Простите, кто?

— Клинг, детектив Клинг. Помните, мы с вами говорили в вестибюле...

— Ах да, конечно! Как ваши дела?

— Спасибо, отлично. Я вам весь день звоню. И только сейчас мне пришло в голову — тоже мне, тот еще детектив! — что вы, наверное, на работе, и до пяти вас не будет дома.

— Да, я действительно работаю, — сказала Нора, — но только дома. Свободный художник. Вообще-то, мне давно пора завести автоответчик. Я ездила навестить мать. Жаль, что вам пришлось так долго дозваниваться.

— Что ж, — Клинг улыбнулся, — все-таки мне повезло.

— Я только что вошла, даже не успела снять пальто.

— Я подожду.

— Подождете? А то эта квартира ужасно жаркая. Стоит закрыть все окна, и здесь можно будет выращивать орхидеи. А если оставить окно открытым хотя бы на маленькую щелочку, то приходишь домой и как будто попадаешь на Северный полюс. Я сейчас... Боже, да здесь задохнуться можно! — Через пару минут снова раздался ее голос: — Алло, вот и я. Теперь все в порядке. Не выношу крайностей, а вы? На улице жуткий мороз, а в квартире градусов под тридцать... Мистер Клинг, а по какому поводу вы звоните?

— Наверное, вам уже известно, что мы арестовали человека, который совершил убийство у Флетчеров...

— Да, я прочла в газете.

— Сейчас прокуратура возбудила против него уголовное дело. Сегодня утром нам оттуда позвонили и просили узнать, не могли бы вы подъехать и опознать Корвина как человека, которого вы видели в подвале вашего дома?

— А для чего это нужно?

— Простите, мисс Симонов, не понял...

— В газетах писали, что вы получили полное признание. Зачем же вам понадобилось еще и...

— Да, разумеется, все это так, но его адвокат настаивает, чтобы в деле были представлены все улики.

- Зачем?
- Ну, например,... предположим, что я признался в том же убийстве, а вышло так, что на ноже не мои отпечатки пальцев, и я не тот, кого вы видели в подвале, потому что на самом деле в ночь убийства я был где-нибудь в Сканектеди. Понимаете, что я имею в виду? Есть признание или нет, но прокурор должен располагать неопровержимыми доказательствами.
- Понятно.
- Вот я и звоню, чтобы выяснить, согласны ли вы опознать этого человека?
- Да, конечно.
- Как насчет завтрашнего утра?
- В котором часу? Обычно я встаю довольно поздно.
- Назовите удобное для вас время сами.
- Сначала скажите, где все это будет происходить.
- В центре, на Арбор-стрит, там, где здание Уголовного суда. Вы заворачиваете за угол и...
- Но я не знаю, где находится Уголовный суд.
- Суд? На Хай-стрит.
- Теперь понятно, это в самом центре.
- Да.
- Одиннадцать утра для вас не слишком поздно?
- Нет, отлично.
- Тогда договорились.
- Я встречу вас в вестибюле. Арбор-стрит, 33. Без пяти одиннадцать, о'кей?
- О'кей.
- Спасибо, мисс Симонов, — проговорил напоследок Клинг.
- До свидания, — ответила она и положила трубку.

Глава 6

Адвокат Корвина быстро сообразил, что если он не даст согласия на проведение опознания своего клиента, то прокуратура просто-напросто направит в Верховный суд соответствующий запрос и без помех получит нужное разрешение, поэтому не стал чинить никаких препятствий. Он поставил только два условия: во-первых, чтобы это было беспристрастное опознание, и, во-вторых, чтобы ему позволили на нем присутствовать. Ролли Шабрье, который в данном деле представлял прокуратуру, с готовностью пошел ему навстречу.

Беспристрастное опознание означало, что Корвин и другие люди, выстроенные в шеренгу перед свидетелем, должны быть одеты приблизительно в одном стиле и иметь почти одинаковое телосложение и цвет кожи. Например, было бы недопустимо, если бы все остальные в шеренге были карликами-пуэртори-канцами, одетыми в клоуновые костюмы, что, конечно же, дало бы свидетелю возможность сразу же исключить их из числа подозреваемых и опознать оставшегося, не особенно задумываясь, тот ли человек пробежал через подвал в ночь убийства.

Ролли Шабрье выбрал шестерых детективов из прокуратуры, по росту и телосложению очень походивших на подследственного, попросил их одеться по-спортивно, а затем гуськом загнал в свой кабинет вместе с Корвином, еще в "Калькутте" переодетым в свою повседневную одежду.

В присутствии Берта Клинга и Харви Джонса, адвоката Корвина, который и в самом деле оказался очень похожим на таракана, Ролли Шабрье подвел Нору Симонов к шеренге.

— Мисс Симонов, я прошу вас посмотреть на этих семерых мужчин и сказать, есть ли среди них тот, кого вы видели в подвале дома 721 по Сильвермайн-Овал вечером двенадцатого декабря приблизительно в двадцать два сорок пять.

Нора внимательно оглядела всех семерых.

— Да.

— Вы узнаете кого-нибудь из этих людей?

— Да.

— Кого из них вы видели в подвале?

— Вот этого. — Нора без колебаний указала на Корвина.

Детективы из прокуратуры снова надели на Ральфа Корвина наручники, вывели его в коридор, спустились с ним на лифте в цокольный этаж здания и посадили в полицейский фургон, который отвез его назад в "Калькутту". Харви Джонс поблагодарил Шабрье за прекрасно организованное опознание и сказал, что клиент больше не нуждается в его услугах, и что, скорее всего, к делу будет подключен новый адвокат, но это вовсе не означает, что ему не было приятно работать с Шабрье. Ролли, в свою очередь, поблагодарил Джонса, и тот уехал к себе в контору. Потом Шабрье поблагодарил за сотрудничество Нору, пожал руку Клиngu, проводил их до лифта, попрощался и убежал по коридору еще до того, как двери лифта захлопнулись — розовощекий толстяк с тонкой ниточкой усов в темно-синем костюме и коричневых ботинках. Клинг подумал, что такому человеку, как Ролли, амбиций не занимать.

Когда они оказались в мраморном вестибюле, Клинг сказал:

— Ну вот, все оказалось очень просто, правда?

— Да, — ответила Нора. — Но я себя чувствую... не знаю... кем-то вроде доносчика. Нет, я понимаю, этот человек убил Сару Флетчер, но в то же время мне неприятно думать, что мои показания помогут осудить его. — Она пожалала плечами и смущенно улыбнулась. — В любом случае, я рада, что все это кончилось.

Клинг усмехнулся.

— Мне очень жаль, что вы так болезненно все это переживаете. Может ли полицейское управление заглядеть свою вину, пригласив вас на ленч?

— От кого исходит это предложение — от управления или лично от вас? — подозрительно спросила Нора.

— Вообще-то, лично от меня. Что вы на это скажете?

Клинг отметил про себя ее абсолютно бесхитростную манеру держаться и задавать вопросы непосредственно, совсем как ребенок, который ожидает услышать только честный ответ. Она на ходу посмотрела на него, поправила спадавшую на глаза длинную прядь каштановых волос и сказала:

— Если только на ленч, то все отлично.

— Не более того, — с улыбкой сказал Клинг, хотя и не смог скрыть своего разочарования. Он все еще скучал по Синди Форрест, и ему казалось, что самый лучший способ для мужчины доказать себе, что он по-прежнему привлекателен для женщин, это взять приступом кого-нибудь вроде Норы Симонов.

— Если это будет только ленч, то это прекрасно, — повторила она, ясно давая понять, что не стремится к установлению более тесных отношений. — Мне очень жаль, что это прозвучало так... решительно. Видите ли, все дело в том, что я люблю одного человека и не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я могу быть... ну... заинтересована в... Господи, что я несу! Может, мы немного прогуляемся и поболтаем?

— С удовольствием пройду с вами, — покладисто согласился Клинг.

Нора шагала, низко опустив голову, то и дело поправляя свои длинные волосы. Защищаясь от ветра, который, казалось, твердо вознамерился смести ее с тротуара,

она взяла Клинга под руку и несколько раз утыкалась лицом ему в плечо, когда ее глаза начинали слезиться.

— Сколько вам лет? — спросил Клинг.

— Двадцать четыре.

Они шли по улицам, ярко освещенным рождественскими елками, мимо магазинных витрин, увешанных мишурой и гирляндами разноцветных лампочек. На перекрестках Санта-Клаусы звонили в колокольчики, собирая пожертвования, музыканты из Армии спасения дули в трубы и тромбоны, звенели бубнами, протягивая прохожим жестяные кружки для мелочи; покупатели торопились по магазинам, нагруженные подарками в ярких обертках, а облака над головой становились все более густыми и зловещими.

Было уже почти три часа дня.

Клинг начал подозревать, что почти влюбился в нее, но ему было пора возвращаться на работу. Он отвез Нору домой на такси и перед тем, как высадить у дома на Сильвермайн-Овал, подозревая, что ее слова по поводу великой любви к своему избраннику были чисто женским притворством, спросил:

— Нора, прогулка с вами доставила мне огромное удовольствие. Могу я увидеться с вами еще раз?

Нора озадаченно посмотрела на него, как бы удивляясь тому, что, несмотря на все усилия, так и не сумела втолковать ему, что это абсолютно невозможно. Печально улыбнувшись, она покачала головой.

— Пожалуй, нет.

Потом вышла из такси и скрылась в подъезде.

Среди личных вещей Сары Флетчер, представлявших интерес для следствия до ареста Ральфа Корвина, была записная книжка, найденная в ее сумочке на комод. Сидя за рабочим столом, Карелла внимательно изучал ее содержание.

Под словами "ДЛЯ ЗАМЕТОК" было пять имен, адресов и телефонных номеров, вписанных аккуратным почерком Сары. Все имена принадлежали мужчинам. Было совершенно очевидно, что они были занесены в книжку в разное время, поскольку одни были написаны карандашом, другие чернилами. Заключенные в скобки загадочные сокращения, сопровождавшие каждую запись, были сделаны разноцветными фломастерами.

— Эндрю Харт

Холл-авеню, 1120, 622-8400

(БиП) (СДж)

— Майкл Торнтон

Саут-Линдер, 371, 881-9371

(С)

— Лу Кантор

Северная 16-я улица, 434, ФР-2346

(ЛС) (СДж)

— Эл Декотто

Гровер-авеню, 831, ФР-3287

(С) (СДж)

— Ричард Феннер

Хендерсон, 110, 593-6648

(Оук) (СДж)

Если что Карелла и любил, так это всевозможные коды и шифры. Тяжело вздохнув, он выдвинул верхний ящик стола и достал оттуда телефонный справочник Ай-золи. Он искал адрес первого человека из списка Сары Флетчер. Адрес Эндрю Харта в телефонном справочнике совпадал с адресом в записной книжке. Карелла еще раз сверился со списком и полез в конец справочника, где нашел адрес Майкла Торнтонна, второго человека из списка Сары Флетчер. Он тоже совпадал с адресом в записной книжке. Затем продолжил листать телефонный справочник, сверяя имена и адреса.

Он проверил все пять адресов. Утром ему предстояла большая работа.

Глава 7

На следующее утро, в начале девятого, полагая, что большинство людей через час будет находиться по дороге на работу, Карелла позвонил Эндрю Харту по номеру из записной книжки Сары Флетчер. Трубку сняли после пятого звонка.

— Алло? — спросил мужской голос.

— Мистер Харт?

— Да, я слушаю.

— Это детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка. Я хотел бы...

— В чем дело? — тут же перебил Харт.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, мистер Харт.

— Я бреюсь, — недовольно буркнул тот. — Мне скоро выходить на работу. По какому поводу вопросы?

— Мистер Харт, мы расследуем убийство...

— Что?! Убийство?

— Да, сэр.

— Чье? Кого убили?

— Женщину по имени Сара Флетчер.

— Я не знаю никакой Сары Флетчер.

— У меня сложилось впечатление, что она-то вас знала.

— Сара... Флетчер, вы сказали?

— Совершенно верно.

— Нет, я не знаю никого с таким именем. Кто сказал, что мы были знакомы? В жизни о ней не слышал.

— Ваше имя есть в ее записной книжке.

— Что? Мое имя? Это невозможно.

— Мистер Харт, в данный момент эта книжка лежит передо мной, и здесь есть ваше имя, адрес и телефон.

— Ну что ж... могу только сказать, что я понятия не имею, как они туда попали.

— Я тоже. Именно поэтому я и хочу с вами поговорить.

— О'кей, — согласился Харт. — Который час? Боже, уже начало девятого!

— Да.

— Слушайте, мне надо срочно добриваться и выбегать из дома. Вы не могли бы позвонить мне на работу? Часов в десять, а? К тому времени я буду посвободнее. Я бы встретился с вами и раньше, но ровно в девять ко мне придет посетитель.

— Хорошо, мы подъедем к десяти. Где находится ваша контора, мистер Харт?

— На углу Хамилтон и Рид-стрит. Точный адрес: Рид-стрит, 480, шестой этаж, "Харт и Уиддлерман". Мы занимаем весь этаж.

— Хорошо, мистер Харт, увидимся в десять.

— Договорились.

Майер и Карелла оставили машину на стоянке, вошли в дом 480 по Рид-стрит и поднялись на лифте на шестой этаж. Фирма Харта и Уиддлермана производила браслеты для часов. Большой рекламный щит у стола секретарши в приемной гордо возвещал: "ХАРТ И УИДДЛЕРМАН ШТАМПУЮТ БРАСЛЕТЫ", а ниже шли пояснения в менее восторженном духе, из которых, впрочем, явствовало, что Харт и Уиддлерман сумели решить сложнейшие технические проблемы и теперь располагают возможностью распространять свою замечательную продукцию по всему миру. Весь этот процесс был проиллюстрирован цветными фотографиями в блестящих золотистых тонах, и постепенно у Кареллы сложилось впечатление, что он мог бы без особого труда заложить такой браслет в ближайшем ломбарде. Волосы секретарши были почти такого же золотистого оттенка, но он не шел ни в какое сравнение с блеском на фотографиях. Она оторвалась от журнала и без особого интереса посмотрела на детективов. Майер с изумленным видом дочитывал рекламу.

— Будьте любезны, нам нужен мистер Харт, — сказал Карелла.

— Кто его спрашивает?

— Детективы Майер и Карелла.

— Одну минуту. — Девушка нажала кнопку селектора. — Мистер Харт, вас хотят видеть двое полицейских. — Выслушав ответ, она положила трубку и кивнула на дверь. — Проходите, пожалуйста. Его кабинет в самом конце коридора. — Сказав это, она снова уткнулась в свежий номер журнала "Вог".

Унылая погода явно подействовала и на Эндрю Харта.

— Все не обязательно было объявлять всем и каждому, что вы из полиции, — сварливо заметил он, едва детективы вошли в кабинет.

Карелла пожал плечами.

— Мы просто представились.

— Ну ладно, раз уж вы здесь, то давайте во всем разберемся.

Это был крупный мужчина лет пятидесяти пяти с серо-стальной проседью в волосах и в очках в черной оправе. Он сидел за своим рабочим столом, повесив пиджак на спинку стула; рукава рубашки были закатаны, обнажая мощные запястья, покрытые густыми черными волосами, одно из которых охватывал толстый золотой браслет часов, несомненно, производства его фирмы.

— Честно говоря, я до сих пор не понимаю, какого черта вы здесь делаете. Я уже сказал, что не знаю никакой Сары Флетчер, и это действительно так.

— Вот ее записная книжка, мистер Харт, — сказал Карелла, решив не тратить время попусту на бессмысленные препирательства. Открыв записную книжку на нужной странице, он подал ее Харту. — Ведь это ваше имя, не так ли?

— Да, — согласился Харт, недоуменно потрянув головой. — Но как оно туда попало, даже не представляю.

— Значит, вы не знаете никого по имени Сара Флетчер?

— Нет.

— Возможно ли такое, что вы встретились с ней на какой-то вечеринке, обменялись номерами телефонов, а потом...

— Нет.

— Мистер Харт, вы женаты?

— А какое это имеет отношение к делу?

— Вы женаты?

— Нет.

— У нас есть фотография миссис Флетчер и...

— Не надо мне показывать фотографии трупов, — запротестовал Харт.

— Эта фотография была сделана при ее жизни. Это старый снимок, он стоял на комодике у нее в спальне. Надеюсь, вы не откажетесь на него взглянуть?

— Не вижу во всем этом никакого смысла, — отрезал Харт. — Я уже сказал, что не знаю ее. Что изменится, если я...

— Майер, — попросил Карелла, и тот протянул ему конверт. Карелла вытащил оттуда фотографию Сары Флетчер в рамке и поставил ее на стол. Едва взглянув на фото, Харт настороженно вскинул глаза на Кареллу.

— Что здесь происходит?

— Мистер Харт, вы узнаете эту женщину?

— А ну-ка, покажите мне ваш значок!

— Что?

— Значок, значок. И ваши документы.

Карелла достал из кармана бумажник, раскрыл его и показал свой полицейский значок и удостоверение. Харт внимательно изучил и то, и другое, а потом медленно произнес:

— А я сначала подумал, что вы пришли меня шантажировать.

— Почему вы так решили?

Харт не ответил. Он снова посмотрел на фотографию и покачал головой.

— Значит, ее кто-то убил?

— Да, — кивнул Карелла. — Вы ее знали?

— Да, знал.

— По-моему, вы только что это отрицали.

— Я не знал никакой Сары Флетчер, если вы думаете, что ее так звали. Но я действительно знал эту женщину.

— И кто это такая, по-вашему? — спросил Майер.

— Мне она представилась совсем по-другому.

— Как?

— Сэди Коллинз. Под этим именем я ее и знал.

— Мистер Харт, где вы с ней познакомились?

— В баре.

— В каком?

— Черт возьми, не помню. В баре для одиноких. В городе таких полным-полно.

— Давно?

— Примерно полгода назад.

— Вы когда-нибудь приглашали ее к себе домой?

— Да.

— Как часто?

— Ну... достаточно часто.

— Насколько часто?

— Обычно мы встречались один-два раза в неделю.

— Вы говорите — "встречались". А когда вы с ней перестали встречаться?

— Прошлым летом.

— Но до этого виделись регулярно?

— В общем-то, да.

— Приблизительно дважды в неделю?

— Да.

— Вы знали, что она замужем?

— Кто, Сэди? Да вы шутите!

— Она никогда не говорила, что она замужем?

— Нет.

- Вы встречались с ней дважды в неделю...
- Да.
- ... и не знали, что у нее есть муж?
- Откуда? Она не говорила мне об этом ни слова. Слушайте, в этом городе достаточно незамужних женщин, и мне ни к чему нарываться на лишние неприятности.
- Где вы ее подцепили? — неожиданно спросил Майер.
- Я же сказал — в баре. В каком, не помню.
- Я имею в виду, куда вы пошли, выйдя из бара? К ней домой?
- Нет, она всегда приходила ко мне.
- А куда вы ей звонили, когда хотели встретиться?
- Никуда я ей не звонил. Обычно она звонила сама.
- Мистер Харт, когда вы с ней встречались, вы ходили куда-нибудь вдвоем?
- Мы не очень часто выходили.
- А что вы делали?
- Обычно она приходила ко мне домой, и мы там проводили много времени.
- Но когда вы выходили из дома...
- Честно говоря, мы ни разу никуда не ходили.
- Ни разу?
- Ни разу. Она не очень-то любила гулять.
- А вам это не кажется странным?
- Нет. — Харт пожал плечами. — Я просто решил, что ей больше нравится сидеть дома.
- Мистер Харт, если вы никуда не ходили, то чем же вы занимались все это время?
- Черт возьми, а как вы думаете, чем мы могли заниматься?
- Это уж вы нам расскажите.
- Подумайте сами. Вроде бы, уже не мальчики.
- Мистер Харт, а почему вы перестали с ней встречаться?
- Я встретил другую девушку, очень милую. Я очень серьезно к ней отношусь. Потому-то и решил...
- Да?
- Нет, ничего.
- Что вы решили, мистер Харт?
- О'кей, потому-то я и решил, что вы пришли вымогать у меня деньги. Я подумал, что кто-то узнал о нас с Сэди и... я очень серьезно отношусь к этой девушке и не хочу, чтобы она знала хоть что-нибудь о моих прошлых похождениях... о нас с Сэди.
- А что было такого ужасного в том, что вы встречались с Сэди? — спросил Майер.
- Ничего.
- Тогда на каких основаниях кто-то мог вымогать у вас деньги?
- Не знаю.
- Если не было ничего ужасного в том...
- Разумеется, не было.
- Тогда почему вы что-то скрываете?
- Да ничего я не скрываю. Просто я очень серьезно отношусь к моей девушке и не хочу, чтобы она знала.
- О чем?
- О Сэди.
- Почему?
- Просто не хочу, и все.

- С этой Сэди было что-то не так?
- Нет-нет, она была очень красивой женщиной.
- Тогда почему вы стесняетесь...
- Стесняюсь? Кто сказал, что я стесняюсь?!
- Но вы же только что сказали, что не хотите, чтобы ваша знакомая...
- Слушайте, в чем дело? Я прекратил встречаться с Сэди полгода назад, даже по телефону с ней не разговаривал. Если эта бешеная доигралась до того, что ее убили...
- Бешеная?
- Неожиданно Харт вытер лицо ладонью, облизнул губы и выпрямился.
- Уверяю вас, джентльмены, больше мне добавить нечего. Если у вас еще есть вопросы, то вам лучше предъявить мне какое-нибудь обвинение, и тогда я обращусь к своему адвокату.
- Что вы имели в виду, когда назвали ее бешеной? — спросил Карелла.
- Всего хорошего, джентльмены, — твердо заявил Харт.

Карелла сидел в кабинете лейтенанта Бернса. Оба пили кофе и хмуро разглядывали друг друга. Карелла ждал. В дежурке зазвонил телефон и Бернс покосился на часы.

- Ну что, Пит, да или нет? — наконец спросил Карелла.
- Вообще-то, я больше склоняюсь к тому, чтобы сказать “нет”.
- Почему?
- Потому что до сих пор не понимаю, чего ради ты так вцепился в это дело?
- Брось, Пит! Если Флетчер все-таки убил свою...
- Это только твоя теория, к тому же абсолютно бездоказательная. А, предположим, он этого не делал, или что ты выкинешь нечто такое, что не понравится прокуратуре?
- Например?
- Ну, не знаю. У них есть обвинительный акт Большого жюри, они готовят дело против Корвина, откуда же мне знать, на что ты способен? Один твой неверный шаг, и это дело полетит ко всем чертям!
- Флетчер ненавидел свою жену, — спокойно проговорил Карелла.
- Многие ненавидят своих жен. Половина мужей в нашем городе ненавидят своих жен.
- Судя по словам Харта...
- Ну хорошо, она немножко гуляла на стороне, ну и что с того? Позволила себе немножко поразвлечься, а кто не без греха? Да половина женщин в нашем городе в эту самую минуту...
- Но ее “маленькие развлечения” дают Флетчеру отличный повод для... Слушай, Пит, чего тебе еще нужно? У него был мотив, у него была прекрасная возможность и даже оружие — нож другого человека торчит у Сары в животе! И ты еще сомневаешься? Чего тебе еще нужно?
- Доказательства. Стив, ты забыл, в каком городе и в какой системе мы работаем? Прежде чем арестовать человека и предъявить ему обвинение в убийстве, надо иметь доказательства.
- Правильно. Все, о чем я тебя прошу, это дать мне возможность раздобыть новые доказательства.
- И, конечно, организовать слежку за Флетчером. Ты только представь, что будет, если он подаст в суд на управление!
- За что?
- Уж он-то придумает.

— Да или нет, Пит? Я хочу получить у тебя разрешение установить за Джеральдом Флетчером круглосуточное наблюдение, начиная с воскресного утра. Да или нет?

— Так и быть. — Бернс вздохнул. — Наверное, я сошел с ума.

Глава 8

Майкл Торнтон обитал в многоквартирном доме, расположенном неподалеку от Латинского квартала — как раз настолько, чтобы иметь слегка богемный вид и в то же время относительно невысокие цены на жилье. Клинг и Майер приехали туда к одиннадцати, исходя из теории, что в воскресное утро любой человек имеет право выспаться, даже если его имя и значится в записной книжке убитой женщины.

Дверь открыл светловолосый человек лет двадцати восьми в пижаме со всклокоченной бородкой и припухшими ото сна глазами. Перед тем, как открыть, заспанный блондин долго допытывался, кто там, а когда они представились сотрудниками полиции, тут же попросил их предъявить документы. Он внимательно изучил значок Майера, кивнул, зевнул и, не двигаясь с места, спросил:

— Ну ладно, чем могу быть вам полезен?

— Нам нужен Майкл Торнтон. Это, случайно, не вы?

— Майка нет дома.

— Но живет он здесь?

— Живет-то здесь, но сейчас его нет дома.

— Где он?

— А в чем дело?

— Обычное расследование, — сказал Клинг.

Блондин явно перетрусил и теперь лихорадочно соображал, как лучше ответить. Майер и Клинг терпеливо ждали. Молчание затягивалось.

— Вы знаете, где он? — наконец спросил Клинг.

— Что бы там ни случилось, он не имеет к этому никакого отношения.

— Ну что вы, это же всего-навсего обычное расследование, — с улыбкой повторил Клинг.

— Как вас зовут? — строго спросил Майер.

— Пол Вендлинг.

— Вы тоже здесь живете?

— Да.

— Вам известно, где мы можем найти Майкла Торнтона?

— Он пошел в магазин.

— В какой магазин?

— У нас ювелирный магазин в Латинском квартале. Мы делаем серебряные украшения.

— М-да? И ваш магазин сегодня открыт?

— Не для торговли! Мы не нарушаем никаких законов, если вы об этом.

— Если вы сегодня не торгуете...

— Да нет же, просто Майк готовит новую партию. Мы делаем украшения там же, в задней комнате магазина.

— Адрес? — спросил Майер.

— Хедли-плейс, 1156.

— Спасибо.

Несколько секунд Пол Вендлинг наблюдал, как они спускаются по лестнице, а потом поспешно захлопнул дверь.

— Знаешь, что он делает в эту самую минуту? — насмешливо спросил Майер.

— А как же, конечно, знаю, — безмятежно отозвался Клинг. — Он названивает своему другу в магазин, чтобы предупредить о нашем приходе.

Как они и предполагали, Майкл Торнтон совершенно не удивился, увидев у своего магазина полицейских. Они показали ему свои значки сквозь стеклянную дверь, но он явно ждал их, потому что открыл сразу же.

— Мистер Торнтон? — спросил Майер.

— Да.

Торнтон был одет в синий рабочий халат, но мешковатая одежда не могла скрыть его могучей мускулатуры. Широкоплечий, с бочкообразной грудью и толстыми запястьями, он неуклюже, словно валун на деревянных катках, отодвинулся в сторону и впустил их в магазин. У него были голубые глаза и черные волосы. В густой брови над левым глазом белел маленький шрам.

— Насколько я понимаю, вы работаете, — сказал Майер. — Извините, если помешали.

— Ничего, всё в порядке, — заверил их Торнтон. — Что случилось?

— Вы знаете женщину по имени Сара Флетчер?

— Нет.

— А Сэди Коллинз?

— Да, — после короткого замешательства кивнул Торнтон.

— Это она? — Майер протянул ему ксерокопию фотографии, конфискованной из спальни Флетчера.

— Да, это Сэди. Что с ней?

На первый взгляд, фотография не произвела на того ни малейшего впечатления. Он стоял, сложив руки на груди, огромный как скала, и с вызовом смотрел на детективов.

— В каких вы были с ней отношениях? — спросил Клинг.

Торнтон пожал плечами.

— А что? У нее какие-то неприятности?

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Г-м, как и вы на наш, — улыбнулся Майер. — Так в каких отношениях вы с ней были и когда видели ее в последний раз?

— Мы познакомились в июле, а в последний раз я видел ее в августе. У нас был короткий роман, а потом — до свидания.

— Где вы с ней познакомились?

— В баре под названием "Салун".

— Где это?

— Прямо за углом, рядом с кинотеатром, где крутят порнушку. А этот "Салун" — обычная забегаловка, помимо выпивки, там подают сэндвичи и суп. В общем, неплохое местечко. Обычно там полно народу, особенно по выходным.

— Холостяки?

— В основном, да. Иногда заглядывают "голубые", но нечасто. Короче говоря, самый обыкновенный бар.

— Значит, говорите, вы познакомились с Сэди в июле?

— Да, в начале июля. Я это запомнил, потому что в те выходные собирался в гости в Гринсуорд, но знакомая, которая арендовала бунгало, уже пригласила человек десять, и я застрял в городе. Вам когда-нибудь приходилось проводить выходные в городе в июле?

— Время от времени, — сухо ответил Майер.

— И как же вы с ней познакомились? — с интересом спросил Клинг.

— Она похвалила мое кольцо. Это был отличный повод, чтобы завязать разговор, поскольку я сделал это кольцо сам... Сам его придумал и изготовил. Прямо здесь, в этом магазине.

— Когда вы ее встретили, она была одна? — продолжал Клинг.

— Одна, как перст, — ухмыльнулся Торнтон. Это была ухмылка бывалого человека, рассчитанная на то, что Клинг и Майер тоже ухмыльнутся в ответ, так как полицейские, конечно же, видели и слышали все на свете. Поэтому им, как и самому Торнтону, должно быть понятно, что делают одинокие женщины в барах для холостяков.

— Вы знали, что она замужем? — спросил Клинг.

— Нет. А разве она замужем?

— Да, — кивнул Майер. Никто из детективов еще не известил Торнтон, что леди, о которой шла речь — Сара или Сэди — в настоящий момент находилась в морге. Они приберегли это под конец, так сказать, на десерт.

— Так-так, и что же было дальше? — продолжал допытываться Клинг.

— Ну надо же! Я и не подозревал, что у нее есть муж, — удивленно проговорил Торнтон. — В этом случае у нас ничего бы не было.

— А что было?

— Ну, я угостил ее парой коктейлей, а потом повел к себе. Я тогда жил в той же самой квартире на Саут-Линдер, но один. Мы очень неплохо провели время, а потом я посадил ее на такси и отправил домой.

— Когда вы встретились снова?

— На следующий день. Все произошло как-то по-дурацки. Она позвонила утром и сказала, что едет в центр. Я все еще был в постели и предложил ей приехать ко мне. И она приехала, уж поверьте. — Торнтон вновь улыбнулся своей улыбкой опытного донжуана, как бы приглашая Майера и Клинга в свой мужской клуб для посвященных, где знают абсолютно все о женщинах, которые звонят с утра пораньше и говорят, что собираются в центр. Клинг и Майер никак не отреагировали на эту улыбку.

— А после этого вы с ней встречались? — спросил Клинг.

— Два-три раза в неделю.

— Где?

— У меня дома.

— Больше никуда не ходили?

— Обычно она звонила мне, говорила, что едет, и спрашивала, готов ли я? Ребята, для нее я всегда был готов.

— Почему же вы перестали встречаться?

— Я ненадолго уезжал из города, а когда вернулся, она больше не звонила.

— А вы сами ей не звонили?

— Я не знал, как до нее добраться.

— Что, она не дала вам свой телефон?

— Нет. Он даже не значится в телефонной книге. И вообще нигде не значится. Я просмотрел телефонные справочники всех пяти районов города.

— Кстати, о книгах, — сказал Клинг. — Что вы на это скажете?

Он открыл записную книжку Сары Флетчер на нужной странице и протянул ее Торнтону. Тот прочитал список и пожал плечами.

— Ну и что тут такого? Она записала это в тот вечер, когда мы познакомились.

— Вы видели, как она это записывала?

— Конечно.

— И тогда же она записала и эти инициалы?

- Какие еще инициалы?
- Вот эти, в скобках. Прямо под вашим телефоном. Торнтон пригляделся повнимательнее и нахмурился.
- Откуда мне знать?
- Вы сказали, что видели, как она записывала...
- Да, но саму страницу я не видел. Это было, когда мы встретились во второй раз, мы тогда лежали в постели, и она спросила мой адрес и как со мной можно связаться. Я продиктовал ей, но саму страницу не видел. Видел только, что она записывает что-то себе в книжечку, понимаете?
- Как по-вашему, что могут означать эти инициалы?
- “С” может означать только “сексуальный”, — с улыбкой проговорил Торнтон.
- А зачем ей было записывать это себе в книжку? — удивился Майер.
- Да нет, это я шучу. — Улыбка Торнтон померкла. — У нас был роман. Иначе зачем еще она ко мне ходила?
- Кто ее знает? Ведь потом она перестала к вам ходить.
- Только потому, что я ненадолго уехал из города.
- На сколько?
- На четыре дня. Ездил в Аризону за индейскими серебряными украшениями. Мы продаем и их тоже. В дополнение к тем, что делаем с Полом.
- Значит, вы уехали всего на четыре дня, и дама тут же перестала вам звонить, — подытожил Клинг.
- Ну, может быть, она обиделась? Я уехал довольно неожиданно.
- Какой это был день?
- Что?
- В какой день недели вы уехали?
- Не помню. Где-то в середине недели, точно не могу сказать. Да и какая разница? В городе полным-полно баб. Одной больше, одной меньше... — Он пожал плечами, а потом замолчал, задумавшись.
- Да? — спросил Майер.
- Да нет, ничего. Просто...
- Да?
- Надо признать, было в ней что-то особенное. То есть, я хочу сказать, что она была не из тех женщин, которых можно привести домой и познакомить с матерью, в ней было кое-что другое. Она была совершенно другого типа.
- То есть?
- Она была... — Торнтон снова усмехнулся. — Ну, скажем так — она сумела открыть для меня такие места, где я раньше не был, понимаете?
- Нет, не понимаю, — покачал головой Клинг.
- Воспользуйтесь своим воображением, — сказал Торнтон, по-прежнему усмехаясь.
- Не могу, — честно признался Клинг. — Таких мест, где я не был, просто не осталось.
- Уж Сэди нашла бы для вас что-нибудь этакое, — заверил его Торнтон, и улыбка вдруг исчезла с его лица. — Она еще позвонит, вот увидите. Ведь у нее в книжке есть мой номер, значит, она непременно позвонит.
- Я бы на вашем месте на это не рассчитывал, — сказал Майер.
- Это еще почему? Ведь она сама ко мне бегала. У нас был...
- Ее убили.
- Детективы внимательно наблюдали за лицом Торнтон. На нем не было выражения шока, горя или даже удивления. Наоборот, его лицо исказила злобная гримаса.

— Идиотка! — взорвался Торнтон. — Все, чем она была, это похотливая озабоченная идиотка!

Служба в полиции, как, впрочем, и сама жизнь, порой бывает не слишком легкой. В пятницу днем Карелла уговорил лейтенанта Бернса разрешить ему организовать круглосуточную слежку за Джеральдом Флетчером, начиная с понедельника. Поскольку сам Бернс тоже был полицейским и прекрасно знал, что служба в полиции отнюдь не сахар, ему и в голову не пришло спросить Кареллу, почему вместо того, чтобы начать слежку прямо со следующего дня, в субботу, он тратит целых два дня неизвестно на что. Однако причина, по которой Карелла решил отложить задуманное до понедельника, как раз в том и заключалась, что работа полицейского отнюдь не сахар.

Все воскресенье Карелла провел в участке, расчищая накопившиеся дела, чтобы потом можно было с чистой совестью бросить все силы на Флетчера. Целый день он просидел на телефоне и за пишущей машинкой. За все время работы в полиции ему ни разу не довелось встретить преступника, который был бы настолько внимательным к полицейским, чтобы дожидаться, пока они раскроют одно преступление, а уж потом совершить новое. На Карелле висели четыре квартирных кражи, две драки, ограбление и мошенничество — все еще нераскрытые — и он должен был как минимум попытаться создать некую видимость порядка из информации, имевшейся по каждому делу, прежде чем приступить к этому долгому и утомительному занятию.

Начал Карелла с обычного полицейского приема — рано утром позвонил Флетчеру домой из ближайшего телефона-автомата. Этот довольно откровенный трюк преследовал одну цель — убедиться, что объект находится дома, после чего “хвост” ждал его внизу, а затем следовал за ним, куда бы тот ни направился. Однако у Флетчера никто не брал трубку. Было воскресное утро, и Карелла совершенно обоснованно предположил, что Флетчер проводит свои выходные где-то вне дома. Но поскольку Карелла был полицейским до мозга костей, а к тому же еще и очень упорным человеком, он припарковал подержанный казенный “бьюик” прямо напротив дома Флетчера и стал ждать, время от времени поглядывая на дверь подъезда и надеясь, что “объект” решил потратить на развлечения лишь субботний вечер и вот-вот вернется домой.

В двенадцать Карелла вылез из машины, вошел в парк и уселся на скамейку, откуда хорошо просматривался вход в подъезд. Там он съел приготовленный Тэди Эндвич с сыром и ветчиной, и запил его кока-колой, размышляя о том, что прохладительные напитки зимой ни в коей мере не способствуют согреванию. Потом, не отрывая глаз от дома, размял ноги, прогуливаясь вдоль набережной, и вернулся к машине. Его дежурство закончилось в пять вечера, когда его сменил детектив Артур Браун, приехавший на старом “шевроле”, тоже принадлежавшем участку. У Брауна имелось описание внешности Флетчера и его фотография, нахально украденная Кареллой из его спальни. Кроме того, благодаря любезности транспортного отдела полицейского управления он знал, на какой машине ездит Флетчер. Он посоветовал Карелле не слишком расстраиваться и приступил к выполнению своих обязанностей — наблюдению за подъездом Флетчера в течение следующих семи часов, после чего его должен был сменить О’Брайен, которого, в свою очередь, в восемь утра должен был сменить Капек — ему выпало самое длинное дневное дежурство.

Карелла приехал домой, прочитал очередное письмо сына Санта-Клауса, поужинал и расположился на диване в гостиной с купленным неделю назад, но так ни разу и не открытым романом. Буквально через минуту зазвонил телефон.

— Я сам возьму трубку! — тут же крикнул он, вспомнив, что в последнее время его сын Марк завел привычку хватать трубку и говорить: “Розыск угнанных автомобилей, Карелла слушает”.

— Алло?

— Алло, Стив?

— Да. — Карелла не узнавал голоса.

— Привет, это Джерри.

— Кто?

— Джерри Флетчер.

Карелла чуть не выронил трубку.

— Привет. Как ваши дела?

— Спасибо, отлично. Я уезжал на выходные, только недавно вернулся. Эта квартира на меня чертовски неприятно действует, и меня потянуло на выпивку. Вот я и подумал, не захотите ли вы присоединиться ко мне?

— Вообще-то уже поздно, и я...

— Ерунда, еще и восьми нет!

— Да, но завтра понедельник и...

— Садитесь в машину и выезжайте. Встретимся в центре. Какого черта?! Устроим рейд по барам, вспомним молодость, а?

— Нет, я действительно не могу. Спасибо большое, Джерри, но...

— У вас есть полчаса, — перебил его Флетчер, — чтобы спасти мою жизнь. Если я посижу здесь еще пять минут, то, наверное, из окна выброшусь! — Он неожиданно захохотал. — А знаете, что говорится в Уголовном кодексе по поводу самоубийств?

— Нет, а что?

— Самая идиотская статья во всей книге, — продолжал веселиться Флетчер. — Там говорится... я цитирую: “Самоубийство квалифицируется как правонарушение, приносящее вред обществу, но учитывая невозможность преследования потерпевшего в судебном порядке, наказание настоящим законодательством не предусматривается”. Как вам нравится этот узаконенный бред? Да бросьте вы, Стив! Я покажу вам несколько самых злочных мест в нашем городе, немного выпьем, развеемся... Что вы на это скажете?

Неожиданно Кареллу осенило — похоже, перед тем, как ему позвонить, Джеральд Флетчер уже пропустил несколько рюмок. Он тут же сообразил, что если слишком упорствовать, то Флетчер может передумать и отменить свое щедрое предложение. А поскольку для Кареллы не было ничего более желанного, чем провести вечер с подозреваемым, который может напиться и потерять осторожность, он быстро сказал:

— О'кей, встретимся в половине девятого. Если, конечно, мне удастся уговорить жену.

— О'кей. — Судя по всему Флетчер был доволен. — До встречи.

Глава 9

“Бар и гриль Пэдди” находился на Стэме — в районе, где было расположено большинство городских театров. Карелла и Флетчер появились там около девяти, когда в заведении было еще относительно спокойно. Действие начнется чуть позже, объяснил Флетчер, и даст возможность понаблюдать, как ведут себя хостессы и одинокие женщины, испытывающие горячее желание найти себе пару. Если вы пришли слишком рано, то можете показаться чересчур нетерпеливым; если слишком поздно, то рискуете вообще остаться с носом. Самое главное — точно рассчитать вре-

мя и прийти в тот момент, когда бар будет переполнен до отказа, причем желательно делать вид, что вы забрели сюда случайно, не в поисках партнера, а, скажем, позвонить по телефону.

— Похоже, вы неплохо в этом разбираетесь, — заметил Карелла.

— Просто я наблюдательный человек, — улыбнулся Флетчер. — Что будете пить?

— Шотландское со льдом.

— Шотландское со льдом и мартини с "Бифитером", — бросил Флетчер бармену.

Карелла вспомнил, что в тот день, когда они встретились за ленчем в "Золотом льве", Флетчер пил неразбавленное виски, а теперь нацелился на мартини. Что ж, это хорошо. Чем крепче выпивка, тем быстрее она развяжет ему язык. Карелла оглядел помещение. В столь ранний час посетителей было не больше дюжины, — в основном, люди от тридцати до шестидесяти.

— Ну и как вам здесь нравится? — спросил Флетчер.

— Приходилось видеть места и похуже, — ответил Карелла.

— Охотно верю. Весь вопрос в том, доводилось ли вам бывать в заведениях получше?

Принесли их заказы, и Флетчер поднял рюмку в молчаливом тосте.

— Как по-вашему, что за люди ходят в такие бары?

— Судя по тому, что большинство присутствующих сидит в одиночестве, и учитывая, что еще довольно рано...

— Довольно типичная публика, — вставил Флетчер.

— ... то я бы сказал, что здесь собирается довольно милая клиентура среднего класса, склонная вступить в контакт с представителями противоположного пола.

— В общем, вы считаете, вполне приличное место?

— Да, — кивнул Карелла. — Бывает, заходишь в бар и тут же понимаешь, что половина присутствующих — уголовники. Здесь я этого не чувствую. Мелкие бизнесмены, клерки, разведенные женщины, незамужние девушки... Например, здесь нет проститутки, что довольно необычно для Стэма.

— А вы так запросто можете распознать проститутку?

— Обычно да.

— А как бы вы отреагировали, если бы я сказал, что вон та блондинка в шелковом комбинезоне — шлюха?

Карелла внимательно оглядел женщину.

— Я бы вам не поверил.

— Почему?

— Ну, во-первых, она для этого несколько старовата, а в наше время по улицам разгуливают такие молоденькие... Во-вторых, она увлечена разговором с той толстушкой, которая несомненно приехала откуда-нибудь из Риверхеда в поисках симпатичного паренька, которого можно затащить в постель, а со временем и выйти за него замуж. В-третьих, она ничего не продает. Она ждет, когда двое-трое мужчин постарше сделают первый шаг. Проститутки не ждут, Джерри. Они сами делают первый шаг, предлагая товар. Бизнес есть бизнес, а время — деньги. Они не могут позволить себе быть скромными. — Карелла сделал паузу и насмешливо посмотрел на Флетчера. — Ну и как, по-вашему, она проститутка?

— Не имею ни малейшего представления, — отозвался Флетчер. — До сегодняшнего вечера я ее в глаза не видел. Просто я пытался показать, что порой внешность бывает обманчивой. Допивайте, есть еще несколько мест, которые я хочу вам показать.

Карелла подумал, что уже достаточно хорошо знает Флетчера, чтобы понять, что эта прогулка затеяна им неспроста. Как и то, что в прошлый четверг за ленчем Флетчер совершенно недвусмысленно бросил ему вызов: "Да, я убил свою жену, но как ты это докажешь?" Сегодня вечером в очень похожей манере он старался внушить ему что-то еще, но пока Карелла никак не мог догадаться, что именно.

Бар "Смешинка" был расположен всего в двенадцати кварталах от "Пэдди", но с таким же успехом он мог находиться на Луне. По сравнению с первым баром, обслуживавшим спокойную публику с милыми романтическими наклонностями, "Смешинка" выглядела шумным прокуренным сараем, набитым разношерстной толпой, выраженной в поношенное хиппистское тряпье и новомодные пластиковые одежды, явно купленные в дешевых магазинчиках на Джексон-авеню. Если "Бар и гриль Пэдди" по воображаемой десятибалльной шкале респектабельности имел все шансы на твердые семь баллов, то "Смешинка" с великим трудом тянула на четверку. Язык, на котором общались посетители, был прекрасно знаком Карелле — точно такие же словечки и выражения он мог услышать в участке или в любой из камер "Калькуты". Вдоль стойки бара расположилось с полдюжины проституток, с ненавистью взиравших на неспрошенных конкурентов — девиц с голодными глазами в плотно обтягивающих брюках и колготках, постоянно норовивших прижаться грудью ко всему, что теплое и шевелится. Едва Карелла и Флетчер протолкались к стойке, дорогу им преградила брюнетка в мини-юбке и полупрозрачной блузке без лифчика. Она хищно улыбнулась Карелле:

— Привет, незнакомец. Пароль?

— Шотландское с содовой.

— Неверно. — Девушка придвинулась ближе.

— Тогда какой?

— "Поцелуй меня".

— Как-нибудь в другой раз.

— Но это же не приказ, — захихикала девушка. — Это только пароль.

— Отлично.

— Так что, если хочешь пройти к бару, ты должен назвать пароль.

— Ну хорошо, поцелуй меня, — сказал Карелла и двинулся было к стойке, но тут она обхватила его за шею и вlepила ему мокрый слюнявый поцелуй, от которого его буквально передернуло. Карелле показалось, что эта пытка продолжалась часа полтора, после чего девица, по-прежнему не разжимая объятий, откинула голову на миллиметр, прижалась кончиком носа к его носу и прошептала:

— Увидимся позже, незнакомец. Мне надо сбежать в туалет.

У стойки Карелла попытался вспомнить, когда он в последний раз целовал другую женщину, кроме Тэдди. Заказывая выпивку, он почувствовал мягкое прикосновение к своей руке, повернул голову и увидел молодую негритянку лет двадцати, с улыбкой прижавшейся к его плечу.

— Почему тебя так долго не было, дорогуша? — нежно проворковала она. — Я прождала тебя весь вечер.

— Это зачем же?

— Чтобы показать, какой кайф могу тебе доставить.

— По-моему, ты меня с кем-то спутала, — буркнул Карелла и посмотрел на Флетчера, который уже поднимал рюмку с мартини.

— Добро пожаловать в "Смешинку", — провозгласил Флетчер, одним глотком осушил рюмку и кивнул бармену, чтобы тот повторил. — На этой выставке вы найдете еще много таких.

— Каких?

— Смешинки. И еще много чего другого.

Бармен молниеносно смешал еще один martini и поставил перед ним. Флетчер поднес рюмку к губам.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если сегодня я надерусь как следует?

— Ради Бога.

— Когда соберемся домой, просто затолкайте меня в машину, и я буду перед вами в вечном долгу. — Флетчер сделал солидный глоток. — Обычно я столько не пью, но я очень переживаю за того парня...

— За какого еще парня? — насторожился Карелла.

— За Ральфа Корвина, — пояснил Флетчер. — Насколько мне известно, у него возникли какие-то проблемы с адвокатом и... я хотел бы чем-нибудь ему помочь.

— Помочь?!

— Да. Как вы считаете, Ролли Шабрье посчитал бы странным, если бы я попросил пригласить хорошего адвоката для этого парня?

— М-да, мне кажется, это могло бы показаться ему довольно странным.

— Я чувствую ноту сарказма в вашем голосе.

— Совсем нет. Я полагаю, что девяносто процентов всех мужей, чьи жены были убиты, пойдут в суд и порекомендуют хорошего адвоката для обвиняемого. Должно быть, вы шутите.

— Отнюдь. Послушайте, я знаю, — то, что я собираюсь сказать, вряд ли вам понравится...

— Тогда ничего не говорите.

— Нет-нет, я должен это сказать. — Флетчер отхлебнул martini. — Мне очень жаль этого парня. Я благодарен ему и чертовски рад, что он ее убил. Мне ненавистна сама мысль о том, что его покарают за то, что я считаю актом милосердия.

— Вот вам мой добрый совет, — сказал Карелла. — Не говорите этого Ролли. Не думаю, что он вас поймет.

— А вы понимаете?

— Не совсем.

Флетчер допил свой martini.

— Ну ладно, пошли отсюда. Если только вы не присмотрели себе чего-нибудь интересного.

— Все, что мне надо, у меня уже есть, — холодно ответил Карелла.

Бар "Лиловые стулья" находился еще ближе к центру. Было совершенно очевидно, что название не соответствует действительности, поскольку в баре было лиловым все что угодно, кроме стульев — потолок, стены, стойка бара, столы, шторы, салфетки, рамы зеркал, абажуры ламп... Стулья же были белыми.

Ошибка в названии была сделана намеренно.

"Лиловые стулья" представлял собой типичный бар для лесбиянок, и в самом названии заключался тонкий намек. Стулья были белыми. Чистота. Невинность. Девственность. Зачем же так упорствовать и называть их лиловыми? Кто может сказать, в чем больше порока — в содержании или в названии?

— Почему сюда? — сразу же спросил Карелла.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Флетчер. — Я же обещал показать вам некоторые из самых значных мест в нашем городе.

Карелла сильно сомневался в том, что это одно из самых значных мест в городе. Часы показывали начало двенадцатого, но народу было немного, причем клиентура состояла исключительно из женщин — женщины беседовали между собой, поглаживали друг друга, танцевали под джук-бокс, улыбались, обменивались поцелуями...

Когда Карелла и Флетчер двинулись к стойке, которую обслуживала здоровенная матрона в рубашке с закатанными рукавами, открывавшими крепкие бицепсы, десятки враждебных взглядов скрестились на них наподобие лучей смерти в фантастическом боевике. Барменша быстро перевела их в слова.

— Что, поглазеть сюда пришли? — неприязненно спросила она.

— Нет, просто занимаемся самообразованием, — не остался в долгу Флетчер.

— Лучше сходите в библиотеку.

— К сожалению, она уже закрыта.

— Может, вы меня еще не поняли?

— А что тут понимать?

— Вас кто-нибудь трогает?

— Нет.

— Ну так не трогайте нас. Вы нам здесь не нужны, и мы не хотим, чтобы вы тут околачивались. Охота на уродцев посмотреть, валите в цирк. — Барменша отвернулась и направилась в другой конец стойки к посетительнице.

— По-моему, нам предложили убраться, — сказал Карелла.

— Что верно, то верно, остаться не пригласили, — кивнул Флетчер. — Но вы хорошо все рассмотрели?

— Мне уже доводилось бывать в подобных барах.

— Правда? А я впервые побывал здесь только в сентябре. Действительно, прямо как в цирк сходил. — Флетчер засмеялся и неверной походкой двинулся к лиловой двери.

Холодный декабрьский воздух только ускорил действие многочисленных мартини, выпитых Флетчером, и к тому времени, когда они добрались до бара "Отдых у Куигли", расположенного почти на Скид-Роу, он спотыкался и хватался за руку Кареллы для поддержки. Карелла сказал, что, наверное, пора по домам, но Флетчер заупрямился и заявил, что хочет, чтобы Карелла "увидел их все, все их увидел", и затащил его в совершенно жуткий вертеп. Именно о таких барах Карелла упоминал раньше, когда говорил, что может мгновенно распознать уголовников среди посетителей, и неожиданно очень обрадовался, что у него к поясу пристегнута кобура с револьвером 38-го калибра.

Пол был посыпан опилками, освещение тусклое. Незадолго до полуночи бар заполняли личности, принадлежавшие к той породе людей, которые обычно просыпаются в десять вечера и остаются на ногах до десяти утра. Их внешность имела мало общего с внешностью посетителей первого бара, где побывали Карелла и Флетчер. Все были одеты почти одинаково, говорили одинаково бесстрастными голосами, и ни в коей мере не походили ни на нахальную толпу в "Смешинке", ни на любителей тихого досуга в "Лиловых стульях". Но если акулу в мутной воде еще можно спутать с дельфином, то посетители "Отдыха у Куигли" сразу же показали себя опасной публикой. Впрочем, Карелла не знал, почувствовал ли это Флетчер. Знал он только одно — долго он не хотел оставаться здесь ни за какие коврижки. Особенно если учесть, что Флетчер едва держится на ногах.

Неприятности начались почти сразу.

Флетчер протиснулся сквозь толпу и занял место у стойки, и тут узколицый парень в темно-синем костюме и галстук в цветочек, больше уместном в апреле, нежели в декабре, резко повернулся к нему и сказал: "Смотри!" Он прошептал эти слова едва слышно, но они угрожающе повисли в воздухе, и еще до того, как Флетчер успел как-то отреагировать, парень опустил ему руку на плечо и толкнул с такой силой, что тот рухнул на пол. Пьяный Флетчер недоумевающе уставился на него, удивленно замор-

гал и начал вставать. Неожиданно парень пнул его ногой в грудь — даже слабее, чем в первый раз, но эффект был точно таким же. Флетчер снова упал, и на этот раз его голова ударилась о пол с отчетливым стуком. Молодой человек застыл, приготовившись еще к одному удару — теперь уже в голову.

— А ну завязывай! — резко бросил Карелла.

Парень застыл. Опираясь на одну ногу и слегка отведя назад другую, он посмотрел на Кареллу.

— Тебе чего? — Он осклабился, казалось, только радуясь возможности заполучить еще одну жертву. Балансируя всем своим весом на носках, он повернулся к Карелле, сжал кулаки и, по-прежнему улыбаясь, спросил: — Ты что-то сказал?

— Я сказал — завязывай, сынок, — проворчал Карелла и наклонился, чтобы помочь Флетчеру подняться на ноги.

Он был готов к тому, что последовало за этим, и ничуть не удивился. Удивился парень, который попытался ударить Кареллу кулаком и неожиданно для себя перелетел через его голову и грохнулся на спину в опилки. И инстинктивно сделал то, к чему привык с юных лет — потянулся за ножом в кармане брюк. Однако Карелла, не дожидаясь, когда тот вооружится, четко и быстро приложил его носком ботинка по самому чувствительному у мужчин месту. Потом повернулся к бару, где еще один молодой человек, похоже, тоже собирался вмешаться, и очень спокойно произнес:

— Я полицейский. Так что остынь, понял?

Второй парень остыл очень быстро. В баре наступила полная тишина. Повернувшись спиной к стойке и надеясь, что бармен не ударит его по голове обрубком бильярдного кия или бутылкой, Карелла подхватил Флетчера за руку и помог подняться.

— Вы в порядке? — спросил он.

— Все о'кей, — прохрипел тот.

— Тогда пошли.

Стараясь идти как можно быстрее, он подвел Флетчера к двери. Он полностью отдавал себе отчет, что его полицейский значок служит очень хлипкой защитой в таком месте, и больше всего на свете ему хотелось поскорее исчезнуть отсюда. Ведя Флетчера к машине, он молил Бога, чтобы на них не набросились до того, как они успеют уехать. Он открыл дверцу и в этот момент пять-шесть человек вышли из бара.

— Закрывать дверь! — рявкнул Карелла, повернул ключ зажигания, нажал на газ, и машина с визгом рванулась вперед.

— Это было просто бесподобно, — сказал Флетчер.

— Да уж, бесподобно, — сердито передразнил его Карелла.

— Восхищаюсь человеком, способным на такое.

— Слушайте, Джерри, за каким чертом вам понадобилось лезть в этот притон?

— Я хотел, чтобы вы увидели их все, — заплетающимся языком пробормотал Флетчер и, откинув голову на спинку сиденья, захрапел.

Глава 10

Утром в понедельник — в свой законный выходной — Клинг позвонил Синди Форрест. Часы показывали только половину восьмого, но он отлично знал, когда она ложится спать и встает. Обычно в это время она завтракала, а поскольку телефон висел у нее на кухне у холодильника, он не удивился, когда она сняла трубку после второго звонка.

— Алло? — торопливо спросила Синди.

— Синди, это я.

— А, привет, Берт. Подожди секунду, а то кофе перекипит. — Через секунду она снова взяла трубку. — О'кей. Вчера вечером я пыталась тебе дозвониться.

— Да, я в курсе, мне передали. Потому и звоню.

— Верно. — Наступила долгая пауза. — Я стараюсь вспомнить, зачем я тебе звонила. Ах, да! Я нашла в комодке твою рубашку и хотела узнать, что с ней делать. Я позвонила тебе домой, но тебя не было, и тогда я подумала, что ты на ночном дежурстве. Позвонила в участок, но Стив сказал, что тебя нет. Я решила упаковать ее и послать по почте. — Снова наступила долгая пауза. — Так что по дороге на работу я зайду на почту и отправлю ее.

— О'кей.

— Если, конечно, ты хочешь, чтобы я это сделала.

— Ну хорошо, ты можешь это сделать?

— Она уже упакована и так далее, так что, по-видимому, я это сделаю.

— Можно подумать, ее будет очень трудно развернуть.

— Чего это ради мне ее разворачивать?

— Ну, не знаю. Зачем ты мне звонила в субботу вечером?

— Чтобы узнать, что делать с твоей рубашкой.

— И какие же варианты пришли тебе в голову?

— Когда? В субботу вечером?

— Именно. Когда ты мне звонила.

— Что ж, наверное, было несколько возможностей. Ты мог бы зайти за своей рубашкой, я могла бы занести ее тебе домой или на работу, или мы могли бы встретиться, немного выпить, и я бы...

— Вот уж не знал, что ты можешь себе это позволить.

— Что?

— Выпить со мной. Или вообще как-то пообщаться.

— Ну, теперь-то это все не имеет значения, правда? Дома тебя не было, на работе тоже, тогда я решила упаковать эту чертову рубашку и отправить ее тебе утром по почте.

— Чего ты злишься?

— Кто злится, я?

— Ты. Я, что ли?

— Мне выходить через двадцать минут, а я еще даже не пила кофе.

— Ага, не хочешь опаздывать на работу, — ехидно засмеялся Клинг. — Боишься огорчить своего дружка доктора Фрейда?

— Ха-ха, — саркастически усмехнулась Синди.

— Между прочим, как у него дела?

— Между прочим, отлично.

— Ну что ж...

— Берт!

— Да, Синди?

— Да нет, ничего.

— Ну что там такое, говори, не стесняйся.

— Ничего. Я отправлю рубашку почтой. Я постирала ее и погладила. Надеюсь, она не помнется при пересылке.

— Я тоже.

— До свидания, Берт, — холодно сказала Синди и положила трубку.

Клинг тоже положил трубку, тяжело вздохнул и отправился на кухню. Он позавтракал апельсиновым соком, кофе и двумя тостами, а затем вернулся в спальню и позвонил Норе Симонов. Когда он спросил, не хотела бы она встретиться с ним за ланчем, она вежливо отказалась, сославшись на важную встречу с главным художником. Опасаясь, что с такой же легкостью Нора откажется и от предложения поужинать, он

подстраховался, спросив, не желает ли она выпить по паре коктейлей часов в пять — в полшестого? К его удивлению, она сразу согласилась, и они договорились встретиться в баре одного из старейших городских отелей недалеко от западной оконечности Гровер-парка. Клинг довольно ухмыльнулся и отправился браться.

Дом № 434 по Северной Шестнадцатой авеню представлял собой многоквартирное здание из коричневого кирпича и находился на территории участка между Эйнсли и Калвер-авеню. На одном из почтовых ящиков в вестибюле Майер и Карелла отыскивали табличку с надписью "Л. Кантор" и, обнаружив, что внутренняя дверь вестибюля не заперта, поднялись на четвертый этаж. Перед выездом они пытались дозвониться по телефону, указанному в записной книжке Сары, но в телефонной компании сказали, что номер временно отключен.

Майер постучал, и они встали по обе стороны двери, дожидаясь ответа.

— Да? — спросил женский голос. — Кто там?

— Полиция, — ответил Майер.

Последовало короткое молчание.

— Одну минуту, пожалуйста.

— Ты думаешь, он дома? — прошептал Майер.

Карелла пожал плечами. Они услышали приближающиеся шаги, и тот же голос спросил через запертую дверь:

— Что вам угодно?

— Нам нужен Лу Кантор, — сказал Майер.

— Зачем?

— Обычное расследование.

Дверь приоткрылась, но лишь на узенькую щелочку — дальше не пускала цепочка.

— Покажите ваши значки, — потребовала женщина.

Майер показал свой значок. Женщина внимательно рассмотрела его, сняла цепочку и широко распахнула дверь.

— Входите.

Они вошли в квартиру, и женщина сразу же закрыла и заперла дверь. Они стояли в маленькой аккуратной кухне, а в дверном проеме была видна следующая комната, несомненно, гостиная с двумя креслами, диваном, торшером и телевизором. На вид женщине было лет тридцать пять — высокая шатенка с крупной фигурой и квадратным лицом, обрамленным короткими темными волосами. Поверх ночной рубашки на ней был халат. В ее голубых глазах застыло подозрительное выражение. Она молча ждала, переводя взгляд с одного детектива на другого.

— Он дома? — спросил Майер.

— Кто?

— Мистер Кантор.

Она озадаченно посмотрела на него, но неожиданно догадка промелькнула у нее в глазах, и она слегка улыбнулась.

— Лу Кантор — это я. Луиза Кантор. Чем могу вам помочь?

— А! — сказал Майер, с интересом разглядывая ее.

— Чем я могу вам помочь? — нахмурившись, повторила Лу.

Карелла вытащил из блокнота ксерокопию фотографии Сары и протянул ее хозяйке квартиры.

— Вы знаете эту женщину?

— Да.

— Как ее зовут?

— Сэди Коллинз. А почему вы спрашиваете?

Карелла решил не ходить вокруг да около, а сразу открыть все карты.

— Ее убили.

— Понятно. — Лу вернула ему ксерокопию. — Я так и подумала.

— Почему вы так подумали?

— На прошлой неделе я видела ее фотографию в газете. Или фотографию женщины, очень похожей на нее. Имя было другое, и я подумала: "Нет, это не она". Но, Боже мой, чем больше я смотрела на фото, тем больше убеждалась, что это Сэди. — Лу пожала плечами и подошла к плите. — Хотите кофе? Если да, то могу сделать.

— Спасибо, не стоит, — сказал Карелла. — Мисс Кантор, насколько хорошо вы ее знали?

Она снова пожала плечами.

— Мы были знакомы совсем недолго. Кажется, мы встретились в сентябре и виделись всего три-четыре раза.

— А где вы с ней познакомились? — спросил Карелла.

— В баре "Лилые стулья", — ответила Лу и, посмотрев на него, быстро добавила: — Совершенно верно, вы правы.

— Никто ни о чем не спрашивал.

— Ваши глаза спросили.

— Так как насчет Сэди Коллинз?

— Что насчет Сэди Коллинз? Выражайтесь яснее, офицер, я не собираюсь думать за вас или помогать вам.

— Почему?

— Главным образом, потому, что мы не любим, когда лезут в наши дела.

— Мисс Кантор, никто в ваши дела не лезет. У вас — своя религия, у меня — своя. Мы здесь для того, чтобы поговорить об убитой женщине.

— Ну так спрашивайте! Что вас конкретно интересует? Была ли она нормальной? Но ведь до какого-то момента все нормальные, разве не так? Она хотела научиться, и я ее научила.

— Вы знали, что она замужем?

— Да. Ну и что с того?

— Она сама вам это сказала?

— Сама. Однажды ночью она разрыдалась и до утра проплакала у меня на руках... Да, я знала, что у нее есть муж.

— Что она рассказывала о своем муже?

— Ничего такого, что могло бы меня удивить.

— Что именно?

— Она сказала, что у него есть женщина. Что он встречается с ней каждый уик-энд, а Сэди говорит, что ездит за город по делам. Каждый божий уик-энд, можете себе представить?

— И как долго это продолжается?

— Кто его знает. Она узнала об этом год назад перед Рождеством.

— Как часто вы с ней встречались?

— Три или четыре раза. Обычно она приходила ко мне по выходным, когда он уезжал из города.

— А что вы об этом скажете? — Карелла протянул ей записную книжку Сары, открытую на странице с надписью "ДЛЯ ЗАМЕТОК".

— Я не знаю никого из этих людей.

— А инициалы под вашим именем?

— Г-м. И что же?

— “ЛС” и “СДж”. Никаких мыслей по этому поводу?

— Ну, “ЛС” — это же совершенно очевидно.

— Вы так думаете?

— Конечно. Ведь мы познакомились в “Лиловых стульях”. Что же еще это может означать?

Неожиданно Карелла почувствовал себя полным дураком.

— Ну конечно! Действительно, что еще это может означать?

— А как насчет другого сокращения? — тут же спросил Майер.

— Не имею ни малейшего представления, — отрезала Лу и протянула записную книжку Карелле. — Надеюсь, у вас все?

— Да, большое спасибо, — сказал тот.

— Мне жаль ее, — неожиданно сказала Лу. — Она была какая-то... дикая и неугомная.

Разгадать шифр — это почти то же самое, что научиться кататься на роликовых коньках — стоит только привыкнуть, и уже кажется, что это очень легко. С помощью Джеральда Флетчера, организовавшего в воскресенье вечером экскурсию по барам, и с помощью Лу Кантор, подсказавшей ключ к шифру, Карелла мог теперь изучать страничку из записной книжки Сары Флетчер совсем другими глазами и решить эту загадку почти до конца.

Прошлым вечером, когда Флетчер таскал его по кабакам, они успели побывать в “Баре и гриле Пэдди” (БигП), в “Смешинке” (С), в “Лиловых стульях” (ЛС) и в “Отдыхе у Куигли” (Оук). По каким-то причинам, возможно, чтобы избежать совпадений, Сара Флетчер чувствовала необходимость составить зашифрованный список мест, где она знакомилась со своими партнерами по постели. Теперь, когда Карелла умел “кататься на роликовых коньках”, он был уверен, что “С” под телефоном Майкла Торнтонна должно означать не что иное, как “Салун”, где, по его словам, он и познакомился с Сэди. Хотя вчера Флетчер не водил туда Кареллу, вполне возможно, что посещение этого заведения тоже входило в программу экскурсии, пока он не напился и не случилась драка в “Отдыхе у Куигли”.

Но что, черт возьми, означало “СДж”?

По самым скромным подсчетам Кареллы, за последние двадцать четыре часа он посетил больше баров, чем за последние двадцать четыре года. И тем не менее в тот вечер он решил сходить еще и в “Салун”.

Трое скрипачей переходили от столика к столику, играя попури из таких известных шлягеров, как “В час отлива”, “Странники в ночи” и “Где и когда?”, но Клинг заметил, что ни одна из этих песен не действует на Нору так сильно, как битловская “Что-то”. Они сидели в “Оазисе”. Искусственные пальмы в кадках покачивали полупрозрачными пластиковыми листьями, а у дальней стены зала перед раскрашенным задником, на котором были изображены пустыня, песок и голубое небо, журчал маленький фонтанчик, как бы подчеркивая название заведения.

— Я рада, что вы позвонили, — сказала Нора. — Терпеть не могу возвращаться с работы прямо домой — квартира кажется такой пустой... Да и сегодняшняя встреча с главным художником прошла ужасно. Он из тех, кто начинал лет сорок назад, окончив заочные курсы в одной из тех школ, что дают рекламные объявления на спичечных коробках. И он имел наглость мне заявить, что с рукой у девушки что-то там не в порядке. — Она посмотрела на Клинга поверх бокала и добавила: — Это был рисунок девушки, которая откидывает рукой прядь волос со щеки.

- Понятно.
- А вам приходилось сталкиваться с такими типами?
- Иногда.
- В любом случае, я рада, что вы позвонили. Нет ничего лучше выпивки после беседы со слабоумным.
- А как насчет моего общества?
- Что-что?
- Я рад, что вам нравится выпивка...
- Перестаньте, — перебила Нора. — Вы знаете, что мне ваше общество нравится.
- С каких это пор?
- Всегда нравилось. А теперь перестаньте нести чушь.
- Можно вас кое о чем спросить?
- Конечно.
- Почему вы сидите здесь со мной, а не со своим приятелем?
- Видите ли... — промямлила Нора и отвернулась, готовясь солгать, — как я уже говорила вам... О, смотрите, скрипачи совсем близко! Подумайте скорее, что мы им можем заказать?
- Попросите их сыграть "Битлз". Скажем, "Что-то", — лукаво сказал Клинг, и Нора тут же повернулась к нему с горящими от негодования глазами.
- Берт, это не смешно!
- Расскажите мне о вашем приятеле.
- Рассказывать нечего. Он — врач и проводит много времени в больнице и у себя в кабинете. В результате, он не всегда свободен, когда я этого хочу, и поэтому я была не прочь выпить с вами. А вообще-то, если вы не перестанете все время задирать нос и настаивать, чтобы я заказала эту песню, зная, что она имеет для меня особое значение, вы могли бы пригласить меня на ужин, и скорее всего я бы ответила "да".
- Вы не согласились бы со мной поужинать? — спросил Клинг, изрядно удивленный.
- Да, — ответила Нора.
- Значит, на самом деле нет никакого приятеля?
- Вы ошибаетесь, Берт. Есть, и я люблю его. Я собираюсь выйти за него замуж, как только... — Тут она замолчала и отвернулась.
- Как только что? — спросил Клинг.
- Ой, смотрите, а вот и скрипачи! — вовремя нашлась Нора.

Когда Карелла подходил к "Салуну", снегопад еще не начался, но его приближение чувствовалось в воздухе, и можно было легко представить, что к утру город будет похож на заснеженную тундру. Карелла не особенно любил снег. Несколько лет назад, когда два хулигана облили его бензином, и ему пришлось долго кататься в сугробе, чтобы сбить пламя, он был просто счастлив, что на свете существует такая замечательная вещь, как снег. Но сколько может продолжаться любое пылкое увлечение? Недолго. Карелла охладел к нему уже на следующей неделе, когда после очередного снегопада ему пришлось поскользнуться и спотыкаться на обледенелых тротуарах вместе с десятью миллионами других жителей города, проклиная надоевшую зиму.

Карелла посмотрел на небо, скорчил недовольную гримасу и вошел в бар.

Внутри "Салун" представлял собой самый настоящий салун.

Утыканная окурками стойка бара, за которой подслеповато поблескивало мутное зеркало с пятнышками осыпавшейся амальгамы. Деревянные кабинки с сидень-

ями из заплатанной кожи. Блюда с бутербродами и картофельными чипсами. Джук-бокс, наяривавший рок-н-ролл, запах потных тел, несмолкающий гул голосов, говоривших слишком громко...

Карелла повесил пальто на покосившуюся вешалку рядом с сигаретным автоматом, нашел относительно свободный участок в дальнем конце стойки и заказал пиво. Понаблюдав за бурной деятельностью, кипевшей за и перед стойкой, он пришел к выводу, что поговорить с барменом ему удастся еще не скоро. Так и получилось: он сумел приступить к разговору только около половины двенадцатого, когда большинство посетителей интересовала не выпивка, а куда более серьезная проблема — как без помех добраться до дома.

— Да их каждый вечер здесь полным-полно, — проворчал бармен, — и всегда им нужно одно и то же. Неугомонные. Вы знаете, что означает это слово — “неугомонные”? Это как раз то, что здесь происходит.

— Да, у вас тут настоящее столпотворение, — согласился Карелла.

— Столпотворение? Точно, так оно и есть. Столпотворение. И мужчины, и женщины. Но в основном мужики. Хотя и бабы приходят за тем же самым, понимаете? Впрочем, чтобы одной пойти в такой бар, женщине требуется гораздо больше смелости, даже если это место, куда все ходят с одной целью — с кем-нибудь познакомиться, понимаете? Смелости. Вы знаете, что это означает?

— Знаю, — кивнул Карелла.

— А взять, к примеру, вас, — продолжал бармен. — Ведь вы здесь тоже для того, чтобы подцепить какую-нибудь девчонку, верно?

— В основном, я здесь для того, чтобы выпить пива и отдохнуть, — усмехнулся Карелла.

— Отдохнуть? В таком грохоте? С этой чертовой рок-музыкой? С таким же успехом можно было отдохнуть на передовой во время войны. Вы на войне-то были?

— Был.

— Да, та еще была война, — важно кивнул бармен. — Нынче какую войну не возьми — сплошное дерьмо. Но Вторая мировая... — тут он усмехнулся с видом знатока. — Это была славная война! Славная! Понимаете?

— Понимаю.

— Извините, клиент в другом конце стойки, — буркнул бармен и отошел.

Карелла отхлебнул пива и посмотрел в окно. На улице густо валили первые хлопья снега. Великолепно, черт возьми, недовольно подумал он и взглянул на часы.

Обслужив клиента, бармен вернулся.

— А чем вы занимались во время войны?

Карелла ухмыльнулся.

— В основном, валял дурака.

— Нет, серьезно.

— Служил в пехоте.

— А кто не служил? В Европе были?

— Да.

— Где?

— В Италии.

— В боях участвовали?

— Немного. Слушайте... что, если мы немножко поговорим насчет того, чтобы с кем-нибудь познакомиться?

— И вы туда же? Впрочем, здесь об этом только и говорят.

— Я рассчитывал встретить здесь одну девушку...

— Кого?

- Ее зовут Эди Коллинз.
- Ну да, — хмуро кивнул бармен.
- Вы ее знаете?
- Кто ж ее не знает?
- Вы ее здесь не видели в последнее время?
- Нет. Раньше она частенько сюда заглядывала, но я не видел ее уже несколько месяцев. А что вам от нее нужно? Побаловаться с ней хотите?
- А что? С ней какие-то проблемы?
- Знаете, что я вам скажу? Сначала я думал, что она проститутка. Однажды я чуть не вышвырнул ее отсюда. Боссу не нравится, когда здесь болтаются шлюхи.
- А с чего вы взяли, что она проститутка?
- Уж больно напористая. Понимаете, что это означает? Обычно она являлась сюда в таком костюмчике... снизу вот посюда, а сверху вот досюда. — Бармен показал. — Прямо скажем, довольно круто, даже если учесть, что носят в наше время. Она была готова к действию, понимаете? Продавала все, что имела.
- Ну, большинство женщин всегда стараются...
- Нет-нет, давайте не будем! Она была совсем не похожа на большинство женщин. Она приходила, выбирала себе мужика и охотилась за ним так, будто в полночь наступит конец света. Вся из себя деловая, точь-в-точь как проститутка, разве что цену не назначала. Она четко знала, чего ей нужно, и действовала напрямик — бац! — и все тут. И я почти всегда мог точно предсказать, кого она подцепит, еще до того, как она сама это решит.
- Откуда такая точность?
- Всегда мужики одного и того же типа.
- Какого?
- Во-первых, это всегда были здоровенные парни. У вас бы с ней не было ни малейшего шанса, вам просто повезло, что ее здесь нет. Не то, чтобы вы коротышка, поймите меня правильно, но Эди обожала гигантов. Понимаете, гигантов! Вот это был ее тип. Гигантские и подлые бугаи. Все, что надо было сделать, это оглядеть бар повнимательнее и высмотреть самого громадного, самого гнусного сукина сына, и можно было смело биться об заклад, что именно его-то Эди и подцепит. Знаете что?
- Что?
- Я рад, что она сюда больше не ходит. Она меня нервировала. В ней было что-то такое... не знаю. — Бармен покачал головой. — Она была какой-то... неотступной. Понимаете, что это означает? Неотступная?

Клинг проводил Нору до квартиры и после уже ставшего ритуалом прощания (скромное рукопожатие и вежливое "Спасибо, я прекрасно провела время") спустился на лифте на первый этаж, размышляя, как ему быть дальше. Он больше не верил в существование ее приятеля-врача, но в то же время был вынужден признать, что в ее жизни был какой-то мужчина, чью личность по каким-то непонятным причинам Нора предпочитала хранить в тайне. Клинг не признавал анонимного соперничества.

Он вышел из лифта, быстро пересек вестибюль и открыл дверь подъезда. На улице шел настоящий снегопад — когда они с Норой десять минут назад подъезжали к дому на такси, в воздухе кружились лишь редкие снежинки. Снег падал густыми хлопьями, а ледяной ветер непрерывно закручивал их в колючие злые вихри, которые секли лицо и со свистом уносились в темноту. Он пригнул голову и, засунув руки в карманы пальто, направился в сторону освещенного проспекта в конце квартала. Он почти утвердился в мысли, что ни в коем случае не должен больше встретиться с

Норой Симонов и даже звонить ей, когда из ближайшего подъезда вышли трое мужчин и преградили ему дорогу.

Клинг поднял голову слишком поздно.

Из снежной пелены вылетел кулак, со страшной силой ударив его в лицо и отшвырнув к стене дома. Двое нападавших схватили его за руки, которые он так и не успел вытащить из карманов, а третий, оставшийся стоять перед ним, еще раз двинул ему в лицо кулаком. Голова Клинга запрокинулась назад, и он почувствовал, как у него из носа брызнула кровь.

— Держись от Норы подальше, щенок, — прошептал боксер и обрушил град ударов на грудь и живот Клинга. Тот безуспешно пытался вырваться, но по мере того, как время шло, его силы таяли, сопротивление слабело, а ноги начали подгибаться. Двое продолжали заламывать ему руки назад, а третий неумоимо молотил Клинга короткими резкими апперкотами, пока ему не захотелось изо всех сил закричать, потом умереть... а потом он впал в долгожданное забытие, и уже не почувствовал, как его, истекающего кровью, выпустили и швырнули на снег.

Глава 11

— Ну ладно, — недовольно проворчал Бернс, — мой сотрудник угодил в больницу. Может, ты объяснишь, что за чертовщина там произошла? Я думал, что ты следил за Флетчером.

— Следил, — подтвердил детектив Артур Браун.

— Но ведь Флетчер и эта девушка живут в одном доме! На Клинга напали, когда он выходил из дома. Значит, если ты следил за Флетчером...

— Я следил за ним со вчерашнего вечера, с семнадцати ноль-ноль, когда он вышел из конторы. — Браун полез в карман пиджака. — Вот расписание. Я не возвращался на Сильвермайн-Овал до начала первого, а к тому времени Берта уже увезли в больницу.

— Дай-ка взглянуть. — Бернс взял у Брауна листок с машинописным текстом и молча начал читать.

Результаты наблюдения за Джеральдом Флетчером

Понедельник, 20 декабря

16.55 — сменил детектива Капека у дома по адресу: Батлер-стрит, 4400. Подозреваемый вышел из дома в 17.10, сел в машину и поехал домой по адресу: Сильвермайн-Овал, 721. Вошел в подъезд в 17.27.

19.26 — Подозреваемый вышел из дома, направился на юг, потом вернулся, поговорил со швейцаром и дождался, когда тот подгонит его машину. Приехав на Норт-Крейн, 812, припарковал машину и вошел в дом в 20.04.

20.46 — Подозреваемый покинул дом 812 по Норт-Крейн в сопровождении рыжеволосой женщины лет тридцати в черном меховом пальто, зеленом платье и зеленых туфлях (приблизительные рост и вес — 5 футов 6 дюймов, 120 фунтов). Сели в машину и поехали в ресторан "Рэндольф" (Харроу-стрит, 127).

Ведущий наблюдение (чернокожий) пытался занять столик в ресторане, но ему было сказано, что столы обслуживаются только по предварительным заказам, и был вынужден ждать в машине до 21.05.

Бернс поднял голову.

— Что это за ерунда насчет предварительных заказов? Там что, было полно народу?

— Нет, но...

— Арти, мы можем прижать их с правами человека?

— Сначала надо доказать, что они их нарушили.

— Сволочи! — буркнул Бернс и снова уткнулся в бумагу.

22.20 — Подозреваемый и рыжеволосая женщина вышли из ресторана, в 22.35 вернулись на Норт-Крейн и вошли в дом 812. Швейцара не было на месте, и ведущий наблюдение проник в дом незамеченным. Судя по табло над дверью лифта, подозреваемый вышел на 11-м этаже. Проверка почтовых ящиков в вестибюле показала, что на 11-м этаже находится восемь квартир (имена жильцов не указаны, равно как и цвет их волос).

Бернс вскинул голову. Браун ухмыльнулся, и Бернс, тяжело вздохнув, вернулся к докладу.

23.40 — Подозреваемый вышел из дома, пешком добрался до Глейд-стрит, где оставил машину, и поехал прямо домой, куда прибыл в 00.10. У дома 721 по Сильвермайн-Овал наблюдается большая активность — у дома две патрульные машины, полицейские допрашивают швейцара. Подозреваемый обменялся несколькими словами со швейцаром и вошел в подъезд. Детектив О'Брайен, уже заступивший на дежурство, сообщил, что полчаса назад сильно избит детектив Клинг и увезен в больницу на Калвер-авеню.

Сменен О'Брайеном в 00.05.

— Во сколько туда приехал О'Брайен? — спросил Бернс.

— Когда я отъезжал от дома подружки Флетчера, то сообщил ему по рации, что подозреваемый скорее всего едет домой, и попросил сменить меня там. Он сказал, что приехал в самом начале первого. К этому времени "скорая" уже уехала.

— Как дела у Берта?

— Я звонил в больницу несколько минут назад. Он в сознании, но они хотят продержать его пару дней для обследования.

Несмотря на то, что Карелла еще не беседовал с Элом Декотто и Ричардом Феннером — двумя оставшимися людьми из списка Сары Флетчер — он уже не видел особого смысла продолжать поиски в этом направлении. Его уже водили по барам, где Сара (она же Сэди) познакомилась с ними, и хотя Карелла не принадлежал к тому типу людей, которые, образно говоря, судят о книге по обложке, он догадывался, что представляют собой эти двое. Большие и подлые, судя по словам бармена из "Салуна".

Оставалось загадкой, почему Сара Флетчер выбирала только здоровенных и подлых мужчин, среди которых затесалась и одна женщина. Если запись адресов в ее блокноте велась в хронологическом порядке, то можно было сделать вывод, что в поисках новых партнеров она шла от плохого к еще худшему, для разнообразия переспав с одной лесбиянкой, закончив в "Отдыхе у Куигли", куда рискнет пойти далеко не всякий.

Но зачем? В пику своему мужу? Что ж, если он действительно проводил каждый божий уик-энд с какой-то женщиной, то, может быть, Сара решила отплатить ему той же монетой, и стала не просто Сэди Коллинз, а женщиной, которая, по словам ее многочисленных поклонников, была "бешеной", "озабоченной" и даже "дикой", не говоря уже о "неотступной".

Не вызывало сомнений, что из разговора с Ричардом Феннером и Элом Декотто Карелла узнает только то, что у обоих сложилось одинаковое мнение об этой женщине. Было бы просто глупо тратить время на подтверждение версии, ведущей в никуда. Карелла сунул черную записную книжку Сары в конверт вместе с другими документами по этому делу и занялся сведениями, добытыми вчера вечером Артуром Брауном.

Браун совершенно случайно наткнулся на эту рыжую, жившую на 11-м этаже дома 812 по Норт-Крейн, в котором Джеральд Флетчер провел вчера вечером целых четыре часа. Проще всего было бы нагрянуть к ней домой и выяснить, что она такая, но Карелла решил воздержаться от подобных необдуманных шагов. Осторожная беседа с управляющим домом или разговор с соседями тоже могли дойти до женщины, и в итоге Флетчер только бы насторожился. А именно он был одним из подозреваемых в убийстве — порой Карелле приходилось напоминать себе об этом. Сара состояла в близких отношениях с несколькими партнерами — судя по ее собственным записям, с пятерыми, хотя один только Бог ведает, сколько еще человек не попало в этот список, и что означает аббревиатура “СДЖ” под четырьмя именами. Фактически она открыто демонстрировала свою неверность, что давало Флетчеру достаточно веский повод для того, чтобы вспороть ей живот ножом, несмотря на его воскресные вылазки якобы “по делам”.

Но даже если и так, то зачем ему надо было таскать Кареллу по барам и показывать, что у него были все основания для убийства? За каким чертом Флетчеру понадобилось предлагать хорошего адвоката человеку, которому уже предъявлено обвинение в убийстве, и который, скорее всего, в ближайшее время будет признан виновным, если только никто не раздобудет конкретных доказательств обратного?

Карелла был вынужден признать, что начинает запутываться в этом чертовом деле.

В пять часов вечера он сменил детектива Хэла Уиллиса у здания, где работал Флетчер, дождался появления своего “подопечного”, и тот довел его до одного из крупнейших универмагов Айзолы. Обычно Карелла не любил применять всяческие трюки, изменяющие внешность, но поскольку Флетчер отлично знал, как он выглядит, ему пришлось приклеить фальшивые усы, нацепить длинный парик грязно-белого цвета и черные очки. Он был уверен, что все эти ухищрения не обманут Флетчера на близком расстоянии, но он и не собирался подходить к нему вплотную и чувствовал себя в относительной безопасности. Куда больше он нервничал не от того, что его может засесть Флетчер, а от того, что потеряет его из виду.

Универмаг был переполнен покупателями. До Рождества оставалось всего четыре дня, точнее, три, потому что в тот день магазин закрывался в девять вечера. Паника охватила Страну чудес, жаркие страсти кипели под свисавшими с потолка пластиковые сосульками. Американский синдром безумия достиг своего пика под Рождество, когда вся нация превращается в Двести Миллионов Страждущих, стремящихся успеть купить подарки родным, близким и знакомым.

Джеральд Флетчер продрался сквозь толпу, как нападающий бейсбольной команды, не встречающий сопротивления соперников. Карелла, как осторожный полузащитник, следовал за ним футом в двенадцати.

Самым опасным участком был лифт. Заметив, как Флетчер повернул к ряду лифтов в конце магазина, он быстро прикинул, что для него опаснее — быть замеченным Флетчером в переполненной кабине или не садиться в лифт, а значит, почти наверняка упустить подозреваемого. Карелла не знал, сколько тысяч человек в данный момент находится в универмаге, но не сомневался, что если Флетчер уедет на лифте без него, слежка будет безнадежно провалена. В большинстве универмагов лифты останавливаются на каждом этаже, и Флетчер мог выйти на любом из них. Попробуй потом отыщи его в этой толчее!

Подождал лифт, двери открылись, и Флетчер, дождавшись, когда все пассажиры выйдут, рванул в кабину вместе с десятком других покупателей. Карелла, не по-джентльменски оттеснив от двери женщину в леопардовой шубе, про-

тиснулся следом и быстро повернулся спиной к Флетчеру, стоявшему у задней стенки. Как он и предполагал, лифт делал остановки на каждом этаже. Он усердно старался держаться лицом ко входу, отступая в сторону каждый раз, когда кому-нибудь надо было выйти. На пятом этаже он услышал голос Флетчера — “Пропустите, пожалуйста” — и почувствовал, как тот пробирается к выходу. Убедившись, что Флетчер вышел, Карелла досчитал до трех и выскочил из кабины к большому неудовольствию лифтера, который уже начал было закрывать дверь.

Флетчер повернул налево, буквально промчался по проходу, разглядывая вывески, и остановился у отдела дамского белья. Карелла юркнул в соседний отдел и под прикрытием халатов и кимоно продолжал наблюдать за Флетчером, который теперь разговаривал с продавщицей. Девушка с улыбкой кивнула и показала ему то ли комбинацию, то ли короткую ночную рубашку, приложив ее к себе. Флетчер тоже кивнул и что-то ей сказал. Девушка нагнулась, через несколько секунд появилась с охапкой белья и начала раскладывать его на прилавке, дожидаясь, пока клиент сделает окончательный выбор.

— Сэр, чем я могу вам помочь? — послышался голос за спиной у Кареллы.

Он обернулся и увидел перед собой дородную седую женщину в очках в черной роговой оправе, высоких армейских ботинках и черном платье с белым кружевным воротничком. Со своей подозрительной улыбочкой, как бы молчаливо обвинявшей его в том, что он магазинный воришка или того хуже, она выглядела точь-в-точь, как одна из надзирательниц в женском отделении “Калькутты”.

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Карелла. — Я просто смотрю.

Тем временем Флетчер выбирал, показывая то на один предмет, то на другой. Продавщица записала заказ, и Флетчер полез в бумажник за деньгами или кредитной карточкой — на таком расстоянии рассмотреть было трудно. Поговорив с девушкой еще немного, он повернулся и направился к лифтам.

— Вы уверены, что я ничем не могу вам помочь? — спросила “надзирательница”.

— Абсолютно, — отрезал Карелла и зашагал к отделу дамского белья. Флетчер отошел от прилавка с пустыми руками. А это означало, что он собирается отправить свои покупки через отдел доставки. Никто не станет посылать изящное женское белье какому-нибудь боксеру, и Карелле очень хотелось узнать имя дамы, которой предназначались эти рождественские подарки. Продавщица уже собирала вещи, отобранные Флетчером — черную комбинацию, сорочку дикой расцветки, ночную рубашку персикового цвета, такие же трусики от бикини, обшитые кружевами, и еще четыре пары трусиков — голубые, черные, белые и бежевые. Девушка выжидающе посмотрела на Кареллу.

— Да, сэр? Чем я могу вам помочь?

Карелла раскрыл бумажник и показал ей свой значок.

— Полиция. Меня интересует заказ, который вы только что записали.

Девушке, скорее всего студентке колледжа, решившей подработать в дни суматошной предпраздничной распродажи, на вид было лет девятнадцать. Самое волнующее событие, произошедшее с ней за все время работы в универмаге, заключалось в том, что один пожилой француз поинтересовался, не желает ли она провести февраль на Средиземном море на борту его яхты. Теперь же, изумленно раскрыв глаза, она с восхищением рассматривала настоящий полицейский значок. Карелле пришлось в голову, что Флетчер мог попросить отправить все покупки на свой домашний адрес. В этом случае вся работа Кареллы пошла бы насмарку. Что ж, подумал он, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

— Эти вещи должны быть доставлены клиенту на дом?

— Да, сэр, — кивнула девушка, не сводя глаз с Кареллы, и, облизнув губы, выпрямилась, готовая давать свидетельские показания настоящему полицейскому детективу.

— Вы можете сказать — куда?

— Да, сэр. — Девушка повернула к нему бланк заказа. — Он хотел, чтобы каждый предмет был упакован отдельно, но все они должны быть отправлены по одному адресу. Мисс Арлене Ортон, Крейн-стрит, 812.

— Большое вам спасибо, — улыбнулся Карелла.

Он чувствовал себя так, словно Рождество уже наступило.

Когда Карелла около семи вечера вошел в больничную палату Клинга, тот, сидя на кровати, с аппетитом уплетал ужин. Они обменялись рукопожатиями, и Карелла сел на стул рядом с кроватью.

— Вкус у этой стряпни просто мерзостный, — заявил Клинг, — но с тех пор, как я сюда попал, мне постоянно хочется есть. Я готов слопать даже этот поднос.

— Когда тебя выписывают?

— Завтра утром. Представляешь, мне сломали ребро. Хорошенькое дельце, правда?

— Да уж, — хмуро кивнул Карелла.

— Мне еще повезло, что обошлось без внутренних повреждений. Врачи боялись какого-нибудь кровоизлияния. Но, кажется, все о'кей. Мне наложили повязку, и какое-то время я не смогу исполнять свой знаменитый трюк на трапеции, но на работу выйду.

— Кто это сделал, Берт?

— Три локомотива. По крайней мере, тогда мне так показалось.

— Почему?

— Чтобы я держался от Норы Симонов подальше.

— Ты что, часто с ней виделся?

— Да так, встречались пару раз. Наверное, кто-то нас засек. И решил уложить меня в больницу. Откуда им было знать, что я полицейский?

— Действительно, откуда им было знать? — повторил Карелла.

— Когда я отсюда выберусь, придется задать Норе несколько вопросов. Кстати, как продвигается дело?

— Я нашел подружку Флетчера.

— А я и не знал, что у него есть подружка.

— Вчера вечером Браун следил за ним и раздобыл ее адрес. А я сегодня — ее имя. Флетчер послал ей в подарок бельишко.

— Мило, — хмыкнул Клинг.

— И даже очень. Я собираюсь попросить ордер на прослушивание ее квартиры.

— И о чем же, по-твоему, они будут говорить?

— Может быть, об убийстве. — Карелла пожал плечами. Некоторое время оба молчали.

— Знаешь, что бы я хотел в подарок на Рождество? — неожиданно спросил Клинг.

— Что?

— Найти парней, которые меня избили.

Глава 12

Человек, проникший в квартиру Арлены Ортон через десять минут после ее ухода, работал в главном полицейском управлении, но разбирался в дверных замках по-

чище любого взломщика. На открывание двери у него ушло не больше трех минут, после чего в квартиру вошел техник-электронщик с микрофонами. Хотя оба полицейских были мастерами своего дела, с установкой подслушивающего оборудования технику пришлось возвратиться куда дальше, чем его напарнику с дверью.

Самым легким делом был телефон. Вывинтив из трубки микрофон, техник заменил его своим микрофоном, подсоединил проводки и вновь собрал трубку. Но прослушивание не было бы столь действенным, если бы телефонная компания не снабдила полицию подробным планом участков линии с так называемыми "соединительными точками", ведущей к телефону Арлены Ортон. Подключив к ним записывающую аппаратуру, можно было с помощью специального индикатора определить номер телефона, с которого звонили в квартиру. В случае с Арленой Ортон такая "соединительная точка" находилась в семи кварталах от ее дома.

Разумеется, технику ничего не стоило вмонтировать в телефонный аппарат "жучка", который мог бы улавливать любой звук в гостиной и даже записывать голос Арлены во время телефонного разговора, но вместо этого он решил установить микрофон в книжном шкафу у стены. Это устройство представляло собой миниатюрный передатчик с микрофоном на батарейках, которые надо было менять каждые двадцать четыре часа. Он работал на той же частоте, что и магнитофон — стоило кому-нибудь заговорить, как магнитофон автоматически включался и начинал записывать. Конечно, вместо того, чтобы каждые двадцать четыре часа менять эту проклятую батарейку, техник предпочел бы подсоединить к микрофону провода и вывести их куда-нибудь в соседнюю квартиру или в другое место, где будет установлена записывающая аппаратура, но это бы означало, что надо выбирать место для проводки — обычно вдоль электрического или телефонного кабеля, — что само по себе заняло бы гораздо больше времени. Если возникала необходимость организовать прослушивание гостиничного номера, то, как правило, всегда существовала возможность снять соседний номер и посадить туда человека, который мог безо всяких хлопот заниматься своим делом. Но пустые квартиры в этом городе были такой же редкостью, как исправно работающие телефоны, и хотя прослушивание осуществлялось по разрешению суда, техник никогда бы не посмел обратиться к домоуправляющему по поводу свободной комнаты, куда можно было бы посадить "слухача". Возможно, домоуправы и не такие болтуны, как парикмахеры, но эффективность прослушивания прямо пропорциональна окружающей ее секретности, и болтливый домоуправ может испортить расследование быстрее, чем налет шайки бандитов.

Поэтому техник установил микрофон с батарейным питанием и был вынужден смириться с тем, что каждые двадцать четыре часа он и его напарник должны будут ухитриться каким-то образом проникать в квартиру, чтобы менять эти чертовы батарейки. А менять придется целых четыре, поскольку он установил четыре "жучка": на кухне, в спальне, в ванной и в гостиной. Пока он работал, его напарник сидел в вестибюле с портативной рацией, чтобы успеть его предупредить, если Арлена Ортон войдет в дом, а в случае необходимости помешать ей подняться в квартиру. Во время работы техник периодически поглядывал на часы, надеясь, что из рации, пристегнутой к его поясу, не послышится возбужденный голос его коллеги. Он не боялся, что против полиции будет возбуждено дело в суде, если его застанут в квартире — в конце концов, у него был ордер, узаконивший взлом и проникновение. Единственное, что его волновало — как бы не завалить операцию.

В кузове небольшого фургончика, припаркованного в нескольких шагах от подъезда дома № 812 по Крейн-стрит, на расстоянии вытянутой руки от магнитофона, работающего на той же частоте, что и четыре микрофона, установленных в квартире, сидел Стив Карелла. Он знал, что в некоторых районах города появление такого фур-

гургончика было равносильно появлению патрульного. Посадите человека в кузов фургона, замаскированного под грузовичок из прачечной, поставьте его на улице и начните фотографировать всех, кто входит и выходит из кондитерской, поскольку есть подозрение, что ее хозяин является содержателем подпольной лотереи. И совершенно неожиданно для себя вы обнаружите, что весь квартал в курсе, что в кузове во-он того фургончика сидит легавый с фотоаппаратом, и каждый прохожий начнет корчить рожи и гримасничать, а значит, наблюдение не продвинется ни на йоту и надо будет придумывать что-то новое. Но Норт-Крейн-стрит находилась в одном из фешенебельных районов города, и оставалось надеяться, что местные жители не столь подозрительно относятся к полицейским, сидящим в грузовичках и занимающихся подсушиванием и подглядыванием. Карелла откупорил бутылку пива, развернул сэндвич и приготовился слушать и записывать каждое слово, произнесенное в квартире Арлены Ортон.

В семи кварталах от него на "соединительной точке" за аппаратурой, подключенной к магнитофону, сидел Артур Браун и ждал, когда зазвонит телефон Арлены. Время от времени он переговаривался по рации с Кареллой, который, находясь в фургончике, мог сразу же сообщать ему о любых изменениях ситуации.

Первый звонок раздался в 12.17. Магнитофон автоматически включился, записывая разговор, который Браун одновременно прослушивал через наушники.

— Алло?

— Алло, Арлена?

— Да. Кто это?

— Нэн.

— Нэн? Что у тебя с голосом? Ты простудилась?

— Каждый год в одно и то же время. Я буквально на минуту. Скоро праздник, и я ужасно тороплюсь. Ты, случайно, не знаешь, какого размера платье носит Бет?

— Кажется, десятый. Или восьмой.

— Так все-таки какой?

— Точно не помню. Почему бы тебе не позвонить Дэнни?

— У тебя есть его рабочий телефон?

— Нет, но он есть в справочнике. Фирма "Рейнольдс и Абельман" в Колмспойнте.

— Спасибо, дорогая. Давай как-нибудь встретимся после праздников, о'кей?

— С удовольствием.

— Я тебе позвоню. Пока.

На протяжении следующих двух часов Арлена говорила еще с тремя подругами. Потом позвонила в супермаркет по соседству и сделала продуктовый заказ на неделю, а затем в отдел кредитов одного из крупнейших в городе универмагов и устроила настоящий скандал, заявив, что еще три недели назад просила заменить купленный у них чемодан на другой, но их новый работник, занимающийся упаковкой и отправкой — полный идиот, и новый чемодан так и не доставлен. Хорошо, что она не собиралась никуда уезжать, и вообще это настоящее свинство, если учесть, что в этом году она потратила в их магазине около двух тысяч долларов. Лучше бы извинились, чем ссылаться на какой-то дурацкий компьютер.

У Арлены Ортон был прекрасный голос — глубокий и сильный — и совершенно восхитительный смех, напоминавший весеннюю капель. Браун с огромным интересом слушал все эти разговоры.

В четыре часа дня телефон в квартире Арлены зазвонил снова.

— Алло?

— Арлена, это Джерри.

- Привет, дорогой.
- Я сегодня уйду с работы пораньше и подумал, что мог поехать прямо к тебе.
- Хорошо.
- Скучаешь по мне?
- Угу.
- Ты меня любишь?
- Угу.
- Ты что, не одна?
- С чего ты взял, дорогой?
- Тогда почему ты не говоришь этого вслух?
- Я люблю тебя, милый.
- Вот это другое дело. Буду у тебя минут через тридцать-сорок.
- Поторопись.

Браун тут же вызвал по радиации Кареллу и сообщил ему о подслушанном разговоре. Карелла поблагодарил и приготовился ждать прибытия Флетчера.

Стоя в коридоре перед дверью Норы Симонов, Клиг размышлял, как ему обставить свое появление. Он вспомнил, что во всем, что касалось Норы, ему приходилось тщательно разрабатывать стратегию поведения, и подумал, что любая девушка, ради которой приходится пускаться на подобные хитрости, заслуживает того, чтобы ее бросили. Но тут же напомнил себе, что сегодня он здесь не по сердечным делам, а по поводу своего сломанного ребра — если уж быть совершенно точным, то третье ребра справа.

Клиг позвонил. Из квартиры не донеслось ни звука, но неожиданно крышечка глазка поднялась, и он понял, что Нора его рассматривает. Он приветственно помахал рукой. Глазок закрылся, послышалось щелканье замка, и дверь широко распахнулась.

— Привет, — улыбнулась Нора.

— Привет. Заходил в ваш дом по делам, надо было кое-что проверить, вот и решил заскочить на минутку.

— Входите.

— Вы не заняты?

— Я всегда занята, но все равно входите.

Это был первый раз, когда она впустила его в квартиру, может быть, решив, что со сломанным ребром он безопасен, если, конечно, знала про ребро. Просторная прихожая вела в большую гостиную с камином, находившемся у стены напротив окна. Интерьер комнаты был выполнен в ярких и сочных тонах, чехлы на креслах и на диване совпадали по цвету с ковром и портьерами. Это была теплая и уютная комната, и Клигу было бы гораздо приятнее появиться здесь в качестве гостя, а не полицейского. Он подумал, что в этом есть какая-то злая ирония — Нора впустила его слишком поздно и теперь напрасно расточала свое гостеприимство на полицейского, расследующего дело о нападении.

— Вам налить что-нибудь? — спросила Нора. — Или для вас еще слишком рано?

— С удовольствием.

— Что будете пить?

— Думаю, можно налить по бокалу мартини, а потом мы разожжем камин, сядем и выпьем за Рождество.

— Прекрасная мысль.

Он наблюдал, как она направляется к бару в дальнем углу комнаты. На ней была рабочая одежда — перепачканный красками белый халат и джинсы. Ее темные

волосы были зачесаны назад, подчеркивая тонкий изящный профиль. Нора двигалась легко и грациозно, держась очень прямо, как ходит большинство рослых девушек, в школьные годы вынужденных сутулиться, чтобы не перегнать самых высоких ребят в классе. Она обернулась, увидела, что он смотрит на нее, и улыбнулась, явно польщенная этим.

— Вам с джином или с водкой?

— С джином.

Дождавшись, когда она достанет из бара бутылку, Клинг спросил:

— Нора, а где у вас туалет?

— В самом конце коридора. Вы хотите сказать, что полицейские тоже ходят в туалет, как и все простые смертные?

Он усмехнулся и вышел из комнаты. Пройдя по длинному коридору и заглянув по пути в маленькую студию с освещенной люминесцентной панелью чертежной доской, к которой был прикреплен рисунок, изображавший человека, подпрыгивающего за чем-то — руки вытянуты над головой, мышцы груди напряжены, — и целой кучей тюбиков акриловой краски, разбросанных рядом с пустым мольбертом на рабочем столе, Клинг двинулся дальше. Дверь спальни была открыта. Оглянувшись в сторону гостиной, он хлопнул дверью туалета громче, чем это было необходимо, и быстро вошел в спальню.

Первым делом он занялся комодом. На краю справа стояла фотография мужчины в серебряной рамке с надписью: "Дорогой Норе с любовью от Фрэнки". Он внимательно вгляделся в лицо мужчины, пытаясь вспомнить, не похож ли он на одного из тех троих, что напали на него в понедельник вечером. На улице было темно, и как следует он разглядел только одного — человека, который молотил его кулаками по груди и животу. Он быстро выдвинул верхний ящик — трусики, чулки, носовые платки и лифчики. Средний ящик был набит свитерами и кофточками, а в нижнем Нора хранила перчатки, ночные рубашки, пояса для чулок и комбинации — довольно странное сочетание.

Закончив с комодом, Клинг перешел к ночному столику у кровати, на котором стоял телефон. В верхнем ящике столика он нашел записную книжку Норы и быстро просмотрел ее. В книжке был только один мужчина по имени Фрэнк — Фрэнк Ричмонд из Колмс-Пойнта. Закрыв книжку, Клинг подошел к двери, выглянул в коридор и подумал, что времени у него осталось совсем мало. Он спустил воду в туалете, повернул кран с холодной водой, выйдя в коридор, тихонько прикрыл дверь и на цыпочках прокрался в спальню.

Он нашел то, что искал, в ночном столике — штук двадцать писем, перетянутых толстой резинкой, отправленных из одного и того же места. Верхний конверт был адресован Норе Симонов по адресу: Сильвермайн-Овал, 721. Обратный адрес на левой стороне конверта гласил:

"Фрэнк Ричмонд, 80-17-42

Государственная тюрьма "Каслвью",
Каслвью-он-Роули, 23751".

Кем бы ни был этот Фрэнк Ричмонд, в первую очередь, он был заключенным. Клинг прикинул, стоит ли класть письма на место, и, решив, что ему все же следует их прочесть, сунул всю пачку в правый карман пиджака. Задвинув ящик, он вернулся в туалет, выключил воду и вошел в гостиную как раз в тот момент, когда Нора разливала martini по бокалам.

— Ну как, нашли? — спросила она.

— Все, что требовалось, — с улыбкой кивнул Клинг.

Глава 13

Утром в четверг, за два дня до Рождества, Карелла сидел в дежурке и читал расшифровку магнитофонной записи, напечатанную для него Мисколо. Запись разговора, имевшего место прошлым вечером начиная с 16.35, когда Флетчер вошел в квартиру Арлены Ортон, и кончая 19.30, когда они отправились ужинать, заняла пять бобин ленты. Больше всего Кареллу заинтересовала вторая. Именно там разговор резко менял тон и содержание, и он надеялся, что сможет получить подтверждение своим подозрениям, тщательно анализируя запись.

"Нижеследующий текст является расшифровкой разговора между Джеральдом Флетчером и Арленой Ортон, состоявшегося в квартире мисс Ортон по адресу: Норт-Крейн-стрит, 812, в среду 22 декабря. Разговор, записанный на этой пленке, начался в 17.21 и закончился в 17.45 того же дня.

Флетчер: Я хотел сказать — после праздников.

Мисс Ортон: Я думала, ты имел в виду — после суда.

Флетчер: Нет-нет; после праздников.

Мисс Ортон: Может быть, мне и удастся уехать, но я не уверена. Надо уточнить мое расписание.

Флетчер: Лучше всего было бы, если бы мы могли...

Мисс Ортон: Угу... Как по-твоему, этот процесс... (неразборчиво).

Флетчер: Где-нибудь в марте, не раньше. Ты же знаешь, у него новый адвокат.

Мисс Ортон: А что значит — у него новый адвокат?

Флетчер: Да ничего особенного. Его приговорят в любом случае.

Мисс Ортон: Так, я смотрю, ты делаешь еще один коктейль?

Флетчер: Я думал, что...

Мисс Ортон: На сколько ты заказал столик?

Флетчер: На без четверти восемь.

Мисс Ортон: Тогда время еще есть.

Флетчер: Тебе налить?

Мисс Ортон: Нет, просто добавь немного льда. Один кубик. Спасибо.

Флетчер: Во время процесса мне придется нелегко.

Мисс Ортон: А судебный процесс начнется... когда, ты говоришь?

Флетчер: В марте. Да, по-моему, в марте.

Мисс Ортон: И как скоро после суда...

Флетчер: Пока еще не знаю.

Мисс Ортон: Но Джерри, она мертва и я не вижу смысла...

Флетчер: Да, но...

Мисс Ортон: Я не понимаю, зачем же нам тогда ждать? А ты?

Флетчер: Нет.

Мисс Ортон: Тогда почему бы нам не решить уже сейчас?

Флетчер: После суда.

Мисс Ортон: Решить после суда или...

Флетчер: Нет, мы поженимся после суда.

Мисс Ортон: Да. Но разве мы не можем это сделать во время процесса?

Флетчер: Ты это читала?

Мисс Ортон: Что — "это"?

Флетчер: Посмотри.

Мисс Ортон: А, это? Нет. Мне не нравится, как он пишет.

Флетчер: Тогда зачем ты купила эту книгу?

Мисс Ортон: А я и не покупала. Мне ее подарила Мария на день рождения... Джерри, я считаю, что мы можем назначить дату уже сейчас, хотя бы приблизительно. В зависимости от того, когда кончится суд.

Флетчер: Г-м.

Мисс Ортон: У нас будет в запасе достаточно времени. Наверное, это будет долгий процесс, как по-твоему? Джерри!

Флетчер: М-м-м...

Мисс Ортон: Как ты думаешь, это будет долгий процесс?

Флетчер: Что?

Мисс Ортон: Джерри!

Флетчер: Да?

Мисс Ортон: Да что с тобой?

Флетчер: Просто засмотрелся на твои книги.

Мисс Ортон: Как по-твоему, ты не мог бы ненадолго оторваться от этого занятия? Чтобы мы могли обсудить...

Флетчер: Прости, дорогая.

Мисс Ортон: ... один маленький пустячок. Нашу свадьбу, например.

Флетчер: Извини.

Мисс Ортон: Если суд начнется в марте...

Флетчер: Может, начнется, а может, и нет. Говорю тебе, это всего лишь мое предположение.

Мисс Ортон: Хорошо, допустим, он начнется в марте.

Флетчер: Если только действительно в марте...

Мисс Ортон: Как долго все это может тянуться?

Флетчер: Не думаю, чтобы очень долго. Возможно, неделю.

Мисс Ортон: А мне казалось, что дела об убийстве...

Флетчер: Но у них же есть его показания, парень сам сознался в убийстве! И там не будет много свидетелей, скорее всего, вызовут только меня и этого парня. Я буду очень удивлен, если суд продлится больше недели.

Мисс Ортон: Что, если тогда мы назначим свадьбу на апрель?

Флетчер: Если, конечно, на суде не всплывет ничего неожиданного.

Мисс Ортон: Например?

Флетчер: Ну, не знаю. Над этим делом работают далеко не глупые люди.

Мисс Ортон: В прокуратуре?

Флетчер: Нет, те, кто ведет следствие.

Мисс Ортон: Да что там вообще расследовать?

Флетчер: Всегда существует вероятность, что он этого не совершал.

Мисс Ортон: Кто?

Флетчер: Корвин. Это тот самый парень...

Мисс Ортон: Тогда давай поедem сразу же после суда! Это будет наш медовый месяц.

Флетчер: Вообще-то, во время процесса они могут изрядно потрепать мне нервы.

Мисс Ортон: С чего бы это?

Флетчер: Один из полицейских считает, что ее убил я.

Мисс Ортон: Ты шутишь?

Флетчер: Увы, нет.

Мисс Ортон: Кто же это?

Флетчер: Некий детектив Карелла.

Мисс Ортон: Почему он так думает?

Флетчер: Видишь ли, скорее всего, он знает о наших с тобой отношениях...

Мисс Ортон: Но откуда?

Флетчер: Он умный полицейский. Я им просто восхищаюсь. Интересно, догадывается ли он об этом?

Мисс Ортон: Восхищаешься человеком, который подозревает тебя...

Флетчер: Верно, хотя для того, чтобы хоть что-то доказать, ему придется потратить чертовски много времени.

Мисс Ортон: Да как ему такая мысль вообще могла прийти в голову?!

Флетчер: Ну как же, он знает, что я ее ненавижу.

Мисс Ортон: Откуда?

Флетчер: Я сам ему сказал.

Мисс Ортон: Что?! Джерри, какого черта ты это сделал?

Флетчер: А почему бы и нет?

Мисс Ортон: О, Джерри...

Флетчер: Он бы все равно об этом узнал. Говорю тебе, он очень толковый полицейский. Наверное, он уже знает, что Сара переспала с половиной мужиков в этом городе. И, скорее всего, он знает, что я в курсе всех этих проделок.

Мисс Ортон: Но это еще не означает...

Флетчер: А если он к тому же знает и о нас с тобой...

Мисс Ортон: Какая разница, что он там разноухал? Ведь Корвин сознался. Джерри, я тебя не понимаю.

Флетчер: Я только пытаюсь поставить себя на место Кареллы. Я могу понять ход его мыслей. Просто я не уверен, что он может понять ход моих.

Мисс Ортон: Тоже мне, ход твоих мыслей! Зачем тебе было ее убивать? Если бы ты хотел ее убить, то давным-давно мог это сделать!

Флетчер: Разумеется.

Мисс Ортон: Еще когда она отказалась подавать документы на развод.

Флетчер: Конечно.

Мисс Ортон: Ну и пусть себе расследуют, нам-то какое дело? Знаешь что, Джерри?

Флетчер: М-м-м?

Мисс Ортон: Желать смерти своей жене и убить ее — это совершенно разные вещи. Скажи это своему детективу Копполе.

Флетчер: Карелле.

Мисс Ортон: Ну Карелле, какая разница? Обязательно скажи.

Флетчер: (Смеется.)

Мисс Ортон: Что здесь смешного?

Флетчер: Я передам ему твои слова, дорогая.

Мисс Ортон: Вот и хорошо. Ну и ладно, черт с ним.

Флетчер: (Смеется.) Переодеваться будешь?

Мисс Ортон: Вообще-то, я думала пойти так. А что, это очень шикарный ресторан?

Флетчер: Я никогда там не был.

Мисс Ортон: Дорогой, будь любезен, позвони туда и узнай, можно ли там появляться в брюках, о'кей?

По словам техника, организовавшего прослушивание в квартире мисс Ортон, микрофон в гостиной был установлен в книжном шкафу напротив бара. Карелла перелистал несколько страниц назад и еще раз перечитал заинтересовавший его отрывок.

Флетчер: Ты это читала?

Мисс Ортон: Что — "это"?

Флетчер: Посмотри.

Мисс Ортон: А, это? Нет. Мне не нравится, как он пишет.

Флетчер: Тогда зачем ты купила эту книгу?

Мисс Ортон: А я и не покупала. Мне ее подарила Мария на день рождения... Джерри, я хотела сказать, что мы можем назначить дату уже сейчас, хотя бы предварительную. В зависимости от того, когда кончится суд.

Флетчер: Г-м.

Мисс Ортон: У нас будет в запасе достаточно времени. Наверное, это будет долгий процесс, как по-твоему, Джерри?

Флетчер: М-м-м...

Мисс Ортон: Как ты думаешь, это будет долгий процесс?

Флетчер: Что?

Мисс Ортон: Джерри!

Флетчер: Да?

Мисс Ортон: Да что с тобой?

Флетчер: Просто засмотрелся на твои книги.

Карелла считал, что Флетчер обнаружил микрофон в книжном шкафу примерно девять реплик назад, когда впервые произнес задумчивое "М-м-м". Именно тогда его внимание начало притупляться, и он был не в состоянии сосредоточиться на двух столь важных для него и Арлены вещах — на предстоящем судебном процессе и на их свадебных планах. Однако Кареллу куда больше интересовало, что говорил Флетчер, уже зная, что квартира прослушивается. Уверенный в присутствии незримой аудитории и зная, что в этот момент у магнитофона сидит полицейский в наушниках, и что расшифровка беседы все равно попадет к следователю, Флетчер:

— намекал на возможность того, что Корвин не виновен в убийстве;

— прямо утверждал, что полицейский по фамилии Карелла подозревает, что он убил свою жену;

— выражал Карелле свое восхищение и как бы исподволь спрашивал, как он к этому относится;

— предполагал, что Карелла как "толковый полицейский" уже разгадал цель воскресного рейда по барам, знал об изменах Сары, и что Флетчер тоже знает об этом.

Карелла чувствовал то же самое возбуждение, что и во время ленча с Флетчером, и позже, когда пил с ним. Казалось, Флетчер сознательно затеял опасную игру, давая Карелле обрывки информации, которые тот мог рано или поздно сложить в одно целое и получить сведения, позволявшие доказать, что он убил Сару. На пленке Флетчер сказал удивительно мягким голосом: "Я могу понять ход его мыслей. Просто я не уверен, что он может понять ход моих." Он сказал это уже после того, как понял, что квартира прослушивается, и можно было считать, что они адресованы непосредственно Карелле. Но что именно он пытался этим сказать? И зачем?

Полученные сведения показались Карелле крайне важными, и он попросил у лейтенанта Бернса разрешения обратиться в суд за ордером на установку микрофона в машине Флетчера. Бернс не возражал, а суд выдал ордер. Карелла снова позвонил в полицейскую лабораторию, и ему сказали, что как только Карелла обнаружит, где Флетчер паркует свою машину, ему тут же пришлют техника.

Читать чужие любовные письма — это почти то же самое, что пробовать изысканные блюда китайской кухни в одиночку.

Сидя за своим столом в дежурке, Клинг безрадостно "пережевывал" лучшие образцы творений Ричмонда, лишенный возможности с кем-то поделиться ими, или обменяться мнениями по поводу их "вкуса" и "аромата". Следовало отдать Ричмонду должное — письма были интересными, учитывая тот факт, что перед тем, как покинуть тюрьму, все письма проходят цензуру, а цензура во многом способна подорвать любовный пыл мужчины. В результате Ричмонду приходилось писать о своих чувствах к Норе лишь иносказательно — с каким нетерпением он ждет встречи с ней после окончания срока, который, как он надеялся, будет сокращен, и его выпустят на поруки.

Однако в одном из писем Клингу попался короткий абзац, который можно было принять за открытую угрозу:

"Надеюсь, ты будешь мне верна. Пит писал мне, что он уверен в этом. Если тебе что-нибудь понадобится, сразу же звони ему, он всегда готов помочь. В любом случае, он будет за тобой присматривать."

Клиг еще раз перечитал абзац и потянулся к телефону. В этот момент телефон зазвонил, и Клиг с удивлением поднял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Клиг.

— Берт, это Синди.

— Привет.

— Ты не занят?

— Так, собирался звонить в бюро идентификации.

— Извини, что помешала.

— Ну что ты, какая ерунда! Это может подождать.

— Берт... А ведь завтра Сочельник.

— Знаю.

— Я тебе кое-что купила.

— Зачем ты это сделала, Синди?

— По привычке.

Клингу показалось, что она улыбается.

— Синди, я бы хотел тебя увидеть, — мягко сказал он.

— Я заканчиваю в пять.

— Разве у вас не будет предрождественской вечеринки?

— В больнице? Берт, дорогой, мы каждый день имеем дело с жизнью и смертью.

— Мы тоже. Я встречу тебя у больницы.

— Хорошо. У бокового входа. Это рядом с приемным отделением.

— Я знаю, где это. В пять?

— Нет, давай в четверть шестого.

— О'кей, договорились.

— Тебе понравится мой подарок, — пообещала она и положила трубку.

По-прежнему улыбаясь, Клиг набрал номер бюро идентификации, передал свой запрос сотруднику по фамилии Рейли, и тот заверил его, что найдет все нужные сведения через десять минут.

Рейли позвонил через восемь минут.

— Клиг?

— Да?

— Это Рейли из картотеки. У меня здесь есть дело Фрэнка Ричмонда. Хочешь, чтобы я прислал копию?

— А ты бы не мог просто зачитать его послужной список?

— Г-м, — хмыкнул Рейли, — вообще-то это довольно длинная история. У этого парня неприятности с законом начались в шестнадцать лет.

- Какого рода неприятности?
- Да в общем-то, так, мелочь. Кроме последнего дела.
- Когда?
- Два месяца назад.
- В чем его обвиняют?
- Вооруженное ограбление.

Клинг присвистнул.

— Рейли, а подробности у тебя есть?

— Здесь нет. Сейчас посмотрю, есть ли копия рапорта об аресте. — Клинг ждал, слушая, как на другом конце провода Рейли шуршит бумагами. — Ага, вот он!.. Так... он и еще один тип вошли в универмаг перед самым закрытием и забрали дневную выручку. Не успели они выйти за дверь, как их арестовал полицейский, который жил по соседству.

— А кто был вторым?

— Некий Джек Янси. Тоже сидит. Хочешь, чтобы я прочитал информацию и на него?

— Нет, это не обязательно.

— А третий просто чудом отделался.

— По-моему, ты только что сказал, что их было двое.

— Нет, на стоянке у грузового входа была машина с шофером. Когда его задержали, мотор работал, но он клянется, что не имеет никакого отношения к тому, что произошло в магазине. Ричмонд и Янси выгородили его, сказали, что в жизни не видели.

— Как его зовут?

— Кого, шофера? Питер Брайс.

— У тебя нет его адреса?

— В рапорте нет. Посмотреть в деле?

— Сделай одолжение.

— Я перезвоню, — пообещал Рейли и положил трубку.

Когда через десять минут телефон зазвонил вновь, Клинг подумал, что это Рейли, но ошибся — это оказался Артур Браун.

— Слушай, Берт, — без всякого предисловия начал он, — эта Ортон только что звонила Флетчеру. Ты можешь связаться со Стивом?

— Постараюсь. А в чем дело?

— Они договорились встретиться завтра вечером. Собираются в соседний штат, в ресторан под названием "При свечах". Флетчер заедет за ней в половине восьмого.

— Понял.

— Берт!

— Что?

— Стиву нужно, чтобы я сидел на телефоне, пока они будут ужинать? Завтра ведь последний день перед Рождеством. Сам понимаешь.

— Я его спрошу.

— И Хэл тоже хочет знать, дежурить ему в фургоне, пока их не будет дома?

— Стив тебе позвонит.

— Сам посуди, Берт, если они будут развлекаться в соседнем штате, то кого тогда слушать в квартире?

— Все верно. Думаю, Стив согласится.

— О'кей. Как там у вас дела?

— Все спокойно.

— Даже не верится, — засмеялся Браун и повесил трубку.

Глава 14

Детективом, втянувшим сторожа гаража в идиотский разговор о вымышленном наезде, был Стив Карелла. Техник из полицейской лаборатории, изображавший механика из Автомобильного клуба, якобы посланного заменить испорченный аккумулятор в машине Флетчера, был тем же сотрудником, который организовывал прослушивание квартиры Арлены Ортон.

Машина Флетчера стояла в гараже в четырех кварталах от его конторы — факт, установленный в результате обыкновенной слежки за ним по пути на работу 24 декабря. Карелла был уверен, что Флетчер оставит машину там, где, по словам Брауна, оставлял ее в первый раз; человек, который каждый день ездит на работу, обычно паркует машину в одном и том же гараже.

Итак, Карелла задавал сторожу выдуманные вопросы о помятом бампере и разбитой левой фаре несуществующего "бьюика" выпуска 1968 года, а тем временем полицейский техник сажал "жучка" на "олдсмобиль" Флетчера 1972 года. Было бы гораздо проще и быстрее использовать батарейный микрофон того же типа, что и в квартире Арлены Ортон, но поскольку батарейки требовали регулярной замены, а доступ к любой машине куда труднее, чем к квартире, он решил подсоединить микрофон к автомобильной электропроводке. Открыв капот и протянув провода от аккумулятора Флетчера к своему ремонтному грузовичку, он деловито копался в моторе, зачищая контакты. Ему не хотелось устанавливать микрофон на приборную доску — во-первых, так его легче всего обнаружить, а во-вторых, зимой в машине наверняка будет работать печка, и чувствительный микрофон вместо разговора запишет лишь одно гудение. Поэтому он, уложив проводки между сиденьем и спинкой водительского кресла, протянул их под коврик на полу кабины и через приборную доску вывел к электрической системе "олдсмобилia". В пределах городской черты микрофон будет четко передавать любой звук на расстояние чуть больше квартала, а это означало, что за автомобилем Флетчера придется следить с близкого расстояния в машине без опознавательных знаков. Если же Флетчер выберется за пределы городской черты, что он и собирался сделать сегодня вечером, пригласив Арлену в ресторан "При свечах", то на открытом пространстве радиус действия передатчика увеличится до четверти мили. Но и в том, и в другом случае полицейскому, который будет следить за Флетчером, придется изрядно попотеть.

Дождавшись, когда техник закончит свою работу, Карелла быстро поблагодарил сторожа и поехал в участок.

Клинг даже не сразу ее узнал.

Когда она вышла из сверкающей стеклом и хромом вращающейся двери больницы и стала спускаться по лестнице, он увидел коротко подстриженную блондинку с прекрасной фигурой и сначала отреагировал на нее так же, как и на любую другую красивую незнакомку, затем понял, что это Синди, и его сердце учащенно забилось.

Синди взяла его под руку, и некоторое время они шли молча.

— Ты отлично выглядишь, — наконец сказал Клинг.

— Спасибо. Ты тоже.

Он и в самом деле знал, как здорово они смотрятся вместе, и тут же преисполнился уверенности, что все, мимо кого они сейчас проходят по этой насквозь продуваемой ветром улице, не могут не замечать, что они без ума друг от друга.

Они нашли маленький бар неподалеку от больницы, в котором никогда до этого не бывали — ни вместе, ни порознь. Клинг чувствовал, что это ощущение новизны должно только подчеркнуть, что их страсть вспыхнула с новой силой.

Они сели за маленький круглый столик в углу. Негромкий шум разговоров вокруг действовал успокаивающе. Клинг с умилением подумал, что так, наверное, и должна выглядеть старинная английская гостиная в Сочельник — уютная теплая комната, приглушенные и убаюкивающие голоса посетителей — идеальное место для того, чтобы возродить их любовь, которая чуть было не угасла, но теперь так властно заявила о себе...

— Так где же мой подарок? — с притворным беспокойством спросил Клинг.

Синди потянулась к своему пальто, висевшему рядом на вешалке, достала из кармана маленький пакетик и положила его на середину стола. Он был завернут в ярко-синюю бумагу и перевязан зеленой ленточкой с бантиком. Клинг немного смутился — он всегда чувствовал себя неловко, когда ему что-нибудь дарят. Пошарив в кармане своего пальто, он положил свой подарок рядом с подарком Синди — коробочку чуть побольше размером в блестящей красно-золотой обертке.

— Итак? — сказала Синди.

— Итак? — повторил Клинг.

— С Рождеством.

— С Рождеством.

Они неуверенно посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Чур, ты первая.

— Хорошо.

Поддев ногтем полоску скотча, Синди развернула бумагу, вытащила коробочку, отодвинула обертку в сторону и подняла крышку. Он купил ей толстое золотое сердечко, которое, казалось, горело изнутри, как живое; старинная золотая цепочка на двух петельках не давала ему болтаться из стороны в сторону при ходьбе. Она посмотрела на сердечко, быстро взглянула на застывшее в ожидании лицо Клинга и коротко кивнула.

— Спасибо, Берт. Оно замечательное.

— Сегодня не День Святого Валентина, но...

— Да. — Синди снова кивнула и посмотрела на сердечко.

— ... но я подумал, что...

— Да, Берт, это замечательный подарок. Спасибо.

— Ну что ж... — Клинг пожал плечами и покраснел, потому что терпеть не мог ритуала разворачивания подарков. Он снял ленточку с ее пакетика, разорвал обертку и раскрыл коробочку. Она купила ему золотую заколку для галстука в виде миниатюрных наручников, и он тут же понял значение ее подарка — у полицейских, как и у всех остальных, тоже есть свои "рабочие инструменты", в том числе и наручники, в настоящий момент висевшие у него на поясе. Его подарок должен был сказать Синди о его чувствах, и Клинг был уверен, что ее подарок означает то же самое, — что они снова вместе.

— Спасибо.

— Тебе понравилось?

— Очень.

— Я подумала...

— Да, Синди, очень понравилось!

— Я рада.

Они еще ничего не заказывали, и Клинг подозвал официанта. Пока тот шел к столику, они сидели молча, но когда официант отошел, и Синди по-прежнему не произнесла ни слова, Клинг впервые заподозрил, что здесь что-то не так. Синди закрыла крышку и усталилась на коробочку.

— В чем дело? — настороженно спросил Клинг.

— Берт...

— Я слушаю, Синди.

— Берт, я пришла сюда не для того, чтобы...

Она еще не успела договорить, но он уже все понял. Неожиданно ему показалось, что в комнате шумно и душно.

— Берт, я собираюсь выйти за него замуж, — тихо сказала Синди.

— Понятно.

— Извини, если...

— Нет-нет, Синди, прошу тебя...

— Берт, то, что у нас с тобой было — это замечательно...

— Я знаю, дорогая.

— И я не могла закончить все это просто так... как это кончилось у нас. Я должна была еще раз увидеться с тобой и сказать, как много ты для меня значишь. Я хотела, чтобы ты это знал.

— О'кей.

— Берт?

— Да, Синди. Все о'кей. — Он грустно улыбнулся и коснулся ее руки. — Все в порядке.

Они просидели в баре еще полчаса, выпили по коктейлю и вышли на улицу. Затем пожали друг другу руки, попрощались и разошлись в разные стороны.

Питер Брайс жил на третьем этаже старого кирпичного дома в Саут-Сайд. Клинг приехал туда около половины седьмого, поднялся наверх, постоял у двери, прислушиваясь, потом достал свой служебный револьвер и постучал. Ответа не последовало. Он снова постучал, подождал еще и начал спускаться по лестнице, как вдруг дверь квартиры напротив приоткрылась. Оттуда выглянул мальчишка лет восьми и разочарованно посмотрел на Клинга.

— Привет, — не останавливаясь, сказал Клинг.

— А я-то думал, это Санта-Клаус, — обиженно заявил мальчишка.

— Вообще-то, немного рановато, — бросил Клинг через плечо.

— А во сколько он обычно приходит?

— После полуночи.

Оказавшись на первом этаже, он нашел квартиру управляющего рядом с дверью черного хода, где на ночь оставляли мусорные баки, и постучал. Дверь открыл негр в красном халате и, прищурившись, взгляделся в полумрак лестничной площадки.

— Кто здесь? — Его глаза внимательно ощупывали лицо Клинга.

— Полиция. Я ищу Питера Брайса. Не знаете, где его можно найти?

— На третьем этаже. Только, пожалуйста, не начинайте стрельбу в доме, ладно?

— Дома его нет. Где еще он может быть?

— Иногда он любит посидеть в закуской за углом.

— В какой закуской и за каким углом?

— Маленькая забегаловка, где продают жареных цыплят. Там его брат работает.

— На этой улице?

— Да. А что он натворил?

— Обычное расследование. Большое спасибо.

На улице уже стемнело. Последние покупатели, клерки и продавщицы, рабочие и домохозяйки, короче говоря, все те, кто с нетерпением дожидался завтрашнего дня еще с конца ноября, теперь спешили домой, чтобы нарядить елку, выпить горячего глинтвейна и провести в кругу семьи недолгие спокойные часы перед завтрашним нашествием родственников и друзей и суматошной церемонией обмена подарками. Все вокруг дышало безмятежностью. Вот для чего нужно Рождество, это мирное доброе время года, подумал Клинг, и неожиданно вспомнил, что в нынешнем году день перед Рождеством запомнится ему куда больше, чем сам праздник.

Покрытые румяной корочкой цыплята медленно поворачивались на вертеле в электрической духовке, и их аромат переполнял помещение закуской, когда Клинг открыл дверь и вошел. Высокий толстяк в белом фартуке и поварском колпаке стоял за прилавком, насаживая на вертел еще четыре бледные тушки. Он пристально посмотрел на Клинга. Рядом с сигаретным автоматом, спиной к двери, сидел еще один человек. Он был даже массивнее, чем толстяк за прилавком — с широкими плечами и бычьей шеей. Когда Клинг закрывал за собой дверь, он обернулся, и оба мгновенно узнали друг друга. Клинг понял, что именно этот человек избил его до потери сознания в понедельник вечером, а тот, — что Клинг был его жертвой. На его лице появилась зловещая усмешка.

— Эл, глянь-ка, кто к нам пожаловал.

— Вы Питер Брайс? — холодно спросил Клинг.

— Ну я, а в чем дело? — сказал Брайс и, сжав кулаки, шагнул ему навстречу.

У Клинга не было ни малейшего желания ввязываться в драку с таким здоровяком, как Брайс. Помимо того, что его плечо по-прежнему болело (браслет Майера, как и следовало ожидать, ни черта не помог), у него было сломано ребро, а к тому же еще и разбито сердце. Третья пуговица его пальто была растегнута. Он сунул руку за пазуху, выхватил револьвер и направил его Брайсу в живот.

— Я полицейский и хочу задать вам несколько вопросов о...

Грязный вертел хлестнул его по руке, как сабля, разбив в кровь костяшки пальцев. Он повернулся к прилавку, и в этот момент последовал еще один удар, на этот раз попавший по запястью и выбивший револьвер на пол. В ту же секунду Брайс изо всех сил двинул его кулаком, целя в кадык.

В течение следующих трех секунд в мозгу Клинга промелькнуло три мысли. Во-первых, он понял, что попади кулак Брайса на дюйм правее, он уже был бы мертв. Во-вторых, он сообразил, хотя и слишком поздно, что Брайс сказал человеку за прилавком: "Эл, глянь-ка, кто к нам пожаловал". В-третьих, вспомнил слова негра-управдома — в закуской у Брайса работает брат.

Совершив эти три ошеломляющих открытия, он на четвертой секунде едва успел увернуться от следующего удара, отскочил к двери и приготовился защищаться здоровой рукой — левой, а потому не слишком подходящей для этой цели. Правое запястье, по которому попал Эл, жутко болело (наверное, что-то сломал, сволочь!). Теперь Эл поднял крышку прилавка и вылезал в зал, чтобы помочь своему братцу. Возможно, эта мысль пришла в голову им обоим — что было бы неплохим развлечением — как следует отделать щенка, который волочит за девушкой Фрэнка Ричмонда. Плохо было лишь то, что этот щенок оказался полицейским, а еще хуже — выпустить его отсюда живым.

Шансы выбраться отсюда живым казались детективу Берту Клингу весьма хлипкими. Это был такой район, где вас могут избить и бросить окровавленно-го на тротуаре, и ни одна живая душа не то что не подойдет к вам, а даже не обратит внимания. Питу и Элу ничего не стоило разорвать Клинга на мелкие кусочки, насадить на вертел, поджарить в духовке в собственном соку и продать его завтра за 69 центов за фунт. Если только он не придумает чего-нибудь поумнее.

Однако в настоящий момент ничего умного в голову не приходило.

Разве что ни в коем случае нельзя близко подпускать Эла с его грязным вертелом.

Револьвер валяется на полу в углу комнаты, слишком далеко, не дотянуться. Вертела висят за прилавком, тоже не схватишь.

Пит стоял прямо перед ним, примериваясь для решающего удара, после которого голова Клинга должна была бы вылететь на тротуар перед закусочной. Эл, сжав кулаки, заходил справа.

Сжавшись в комок, Клинг шагнул к Питу, неожиданно рванул вправо к Элу и выкинул вперед ногу, целя ему в живот на несколько дюймов ниже пояса. Пит замахнулся, но Клинг, пригнувшись, подскочил к сложившемуся пополам Элу и изо всех сил рубанул его ребром ладони по шее. Тот рухнул, как подкошенный, на усыпанный опилками пол.

Один есть, подумал Клинг, и повернулся к Питу как раз в тот момент, когда тот наносил ему апперкот снизу в грудь — Господи, хорошо хоть по сломанному ребру не попал, хоть за это спасибо! Охваченный болью, он отлетел к прилавку и попытался ударить противника коленом в пах, но Пит отлично знал приемы уличной драки и успел отскочить, одновременно ухитрившись заехать Клингу по скуле.

Боже, пронеслось у Клинга в голове, сейчас он меня убьет!

— Твоему брату крышка! — выкрикнул он.

Эти слова вырвались у него совершенно спонтанно, первая стоящая мысль за неделю. Пит замер с занесенным кулаком, которым он в ближайшие тридцать секунд мог запросто покончить с Клингом, например, размозжив ему сопатку или гортань. Клинг даже не пытался снова ударить Пита или пнуть его ногой, он знал, что дальнейшие попытки одолеть его в драке обречены на провал, а, кроме того, ему совершенно не хотелось вывихнуть себе большой палец ноги. Вместо этого он метнулся в угол к револьверу, схватил его левой рукой — рукоятка показалась неудобной и какой-то угловатой — перекатился на спину, сел и прицелился в Пита, который снова повернулся в его сторону.

— Стоять, сукин сын! — крикнул Клинг.

Брайс с ревом рванул к нему.

Клинт дважды нажал на курок, целясь ему в туловище, совсем так, как он не раз проделывал в полицейском тире. Большая мишень в конце коридора, части тела помечены номерами, отмечающими максимальную степень поражения. Голова и горло — пять очков, то же самое — грудь и живот, четыре очка — плечи, три — руки, два — ноги. В случае с Питером Брайсом Клинг заработал бы десять очков, поскольку обе пули попали в грудь: одна прямо в сердце, вторая — в левое легкое.

Брайс упал, и Клинг медленно опустил револьвер.

По-прежнему сидя на полу в углу комнаты, он посмотрел, как кровь Питера Брайса впитывается в опилки, вытер пот со лба и заплакал. Это было самое поганое Рождество в его жизни.

Карелла сидел в машине, припаркованной напротив ресторана "При свечах" уже почти два часа, ожидая, когда Флетчер и Арлена Ортон, наконец, закончат ужинать. Было уже без десяти десять, он устал, хотелось спать, и ему начало казаться, что "жучок" в машине Флетчера — не такая уж блестящая идея. По дороге в ресторан Флетчер и Арлена ни разу не упомянули о Саре и о своих планах относительно предстоящей свадьбы. Единственной более-менее интимной темой, которую они обсуждали, было белье, подаренное Флетчером. Арлена сказала, что ей все понравилось, и пообещала продемонстрировать Флетчеру обновки этим же вечером.

Однако было уже поздно, и Карелла мечтал лишь об одном — чтобы они поскорее легли в постель, и он бы со спокойной совестью смог поехать домой. Когда они вышли из ресторана и направились к "олдсмобилу", Карелла проворчал "Слава Богу!" и включил магнитофон. Флетчер молча завел мотор, подождал, пока он прогреется, и так же молча выехал со стоянки. Карелла следовал за его машиной на близком расстоянии, напряженно прислушиваясь. Пока что ни Флетчер, ни Арлена не произнесли ни слова. Скорее они свернули на шоссе № 701 и по-прежнему молча повернули на восток, к мосту. Сначала Карелла думал, что с аппаратурой что-то не в порядке, а может быть, Флетчер обнаружил и этот микрофон и теперь молчит нарочно, но тут заговорила Арлена, и он все понял. По-видимому, в ресторане парочка поссорилась, и Арлена демонстративно молчала, пока была в силах сдерживать накопившуюся злость. Ее первые слова прозвучали так громко и негодующе, что Карелла невольно поморщился.

— Может быть, ты вообще не хочешь на мне жениться?

— Какая ерунда!

— Тогда почему ты никак не назначишь дату?

— Мне казалось, что мы все уже обсудили.

— Ничуть не бывало. Ты все время твердишь — после суда, после суда. Когда "после суда"?

— Еще не знаю.

— Черт бы тебя побрал, Джерри, а когда ты будешь знать?!

— Не кричи.

— Может, ты меня обманывал? Может, ты никогда и не собирался на мне жениться?

— Арлена, ты же знаешь, что это неправда.

— Откуда мне знать, действительно ли ты подавал на развод?

— Конечно, подавал. Я же говорил, у меня были подготовлены все документы.

— Тогда почему она их не подписала?

— Потому что любила меня.

— Чушь!

— Да, она сказала, что любит меня.

— Если она так тебя любила...

— Да, любила.

— Тогда почему же она занималась такими ужасными вещами?

— Не знаю.

— Потому что она была шлюхой, вот почему!

— Мне кажется, чтобы мне отомстить.

— И поэтому она показывала тебе свою маленькую черную книжечку?

— Да. Чтобы отомстить.

— А вот и нет! Просто потому, что она была шлюхой!

— Наверное. Наверное, она ей стала.
— И каждый раз, когда заводила нового любовника, заносила туда пометку "СДж"?

— Да.

— На каждого, с кем она путалась?

— Да.

— "Сказала Джерри". Вот ведь что означает это "СДж"?

— Да, чтобы мне отомстить.

— Шлюха! Тебе надо было приставить к ней частного детектива, он бы занял все ее приключения, запугал бы ее и заставил подписать эти несчастные документы на...

— Нет, я не мог на это пойти. Это повредило бы моей репутации.

— И твоей драгоценной карьере!

— Да, и моей драгоценной карьере.

Оба снова замолчали. Подъехав к мосту, Флетчер заплатил за переезд и, окавшись на Ривер-хайуэй, прибавил газу. Карелла проделал то же самое. Разговор возобновился только после того, как они уже въехали в город. Карелла старался не отставать, но расстояние между машинами увеличилось, и некоторые фразы стали звучать нечетко.

— Ты же знаешь, она держала меня в клещах, — оправдывался Флетчер. — Арлена, ты же прекрасно все это знаешь.

— Раньше я и вправду так думала, но теперь совсем не уверена...

— Она бы не стала ничего подписывать, и меня... супружеской измене, потому что... выложить начистоту.

— Ну ладно.

— Дорогая, мне казалось... абсолютно ясно.

— И я думала...

— Я сделал все возможное.

— Все это так, Джерри, но теперь-то она умерла. Какие у тебя сейчас могут быть оправдания?

— У меня есть свои причины, чтобы повременить со свадьбой.

— Это какие же?

— Я тебе уже сто раз говорил.

— Что-то я такого не припомню.*

— Черт возьми, меня же подозревают в убийстве!

Тишина. Флетчер свернул налево и съехал с шоссе. Карелла увеличил скорость, не желая упустить ни слова.

— И что с того? — наконец сказала Арлена. — В конце концов, какая разница?

— Ну что ты, абсолютно никакой, — с сарказмом отозвался Флетчер. — Я уверен, что ты бы не отказалась выйти замуж за человека, которого осудили за убийство.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о возможности... впрочем, неважно.

— Нет уж, договаривай.

— Я сказал — неважно.

— Я хочу знать все.

— Ну хорошо, Арлена. Я говорю о вероятности того, что меня могут признать виновным в убийстве. И осудить за это.

— Это самая параноидальная идея, которую...

— Нет, это не параноя.

— Тогда что же еще? Ведь убийцу поймали, и он...

— Я говорю — только предположим. Как ты можешь выйти за меня, если я убил ее, вернее, если кто-то будет утверждать, что это сделал я?

— Но Джерри, ведь этого никто не утверждает.

Тишина. Карелла находился в опасной близости от машины Флетчера и рисковал быть обнаруженным. Но в то же время он не мог себе позволить упустить ни слова из этого разговора, даже если бы пришлось ехать бампер к бамперу. На полу его машины стоял магнитофон, исправно фиксировавший на пленку каждое слово, произнесенное Флетчером и Арленой — улики на тот случай, если Флетчеру будет предъявлено обвинение и он предстанет перед судом. Затаив дыхание, Карелла сосредоточил все свое внимание на том, как бы не отстать от машины Флетчера. Когда Арлена заговорила снова, голос ее звучал очень тихо.

— Вот так послушаешь тебя и начнешь думать, что ты и в самом деле это сделал.

— Ты же знаешь, что это дело рук Корвина.

— Да, знаю. Это как раз то... Джерри, я ничего не понимаю.

— Здесь и понимать нечего.

— Тогда почему... если ты ее не убивал, то почему так волнуешься, что тебя обвинят в убийстве и будут судить и...

— Кое-кто может состряпать из этого отличное дело.

— Каким образом?

— Кое-кто может сказать, что Сару убил я.

— Господи, да кому это может понадобиться? Они знают, что Корвин...

— Они могут сказать, что я вошел в квартиру и... что когда я вошел в квартиру, она была еще жива.

— А она была жива?!

— Они могут так сказать.

— Кого интересует, что они там могут...

— Они могут сказать, что у нее в животе торчал нож, и я... я вошел, увидел это и прикончил ее.

— Но зачем?

— Чтобы развязать себе руки.

— Джерри... но ведь ты никого не убивал?

— Нет!

— Тогда почему тебе вообще приходят в голову такие ужасные мысли?

— Если она этого хотела... если кто-то скажет, что это сделал я... чтобы довершить начатое... полоснуть ее ножом поперек живота... они могут попробовать доказать, что она сама меня об этом попросила.

— Боже мой, Джерри, что ты такое несешь?!

— А ты не понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Я стараюсь объяснить тебе, что Сара могла...

— Джерри... я ничего не хочу об этом знать.

— Я хочу сказать...

— Нет, я не хочу ничего слушать! Прошу тебя, Джерри, ты меня пугаешь, я ничего не хочу знать...

— Нет уж, черт возьми, теперь послушай! Я пытаюсь объяснить, что могло произойти, неужели так трудно выслушать? Разве она не могла попросить меня добить ее?

— Джерри, прошу тебя, я...

— Я хотел позвонить в больницу! Если хочешь знать, я уже начал было набирать номер. Неужели ты не понимаешь, что я бы не заметил, что рана не смертельная?

— Джерри, умоляю...

— Арлена, она умоляла меня убить ее, покончить со всем этим, она... черт возьми, неужели вы все не можете этого понять? Я же старался показать ему, так скал по всем этим кабакам, мне казалось, что уж он-то способен меня понять! Ради Бога, скажи, неужели это так сложно?

— О Боже, и ты убил ее?!

— Что?

— Значит, это ты убил Сару?

— Нет, не Сару, а ту женщину, которой она стала... шлюху, в которую я ее превратил. Видишь ли, когда я ее убивал, она была Сэди.

— Боже мой, — в ужасе прошептала Арлена, и Карелла мрачно кивнул. Он вовсе не ощущал радости от того, что в конце концов оказался прав. Когда он вслед за машиной Флетчера подъезжал к дому Арлены, то испытывал лишь знакомое чувство чего-то уже не раз виденного. Флетчер вылез из машины, обошел ее и открыл дверцу для рыдающей Арлены, которая, опираясь на его руку, ступила на тротуар. Не успели они подойти к двери подъезда, как Карелла преградил им дорогу. Спокойным голосом он предъявил Флетчеру обвинение в убийстве жены и надел на него наручники.

Флетчер не сопротивлялся. Похоже, он даже не удивился.

Все было кончено. По крайней мере, так казалось Карелле.

Когда он приехал домой, дети уже спали. В тишине гостиной, освещенной гирляндой разноцветных огоньков на елке, он обнял Тэдди в длинном белом халате и впервые за сутки почувствовал, как уходит напряжение.

В четверть третьего утра зазвонил телефон. Карелла выскочил на кухню и схватил трубку после третьего звонка, надеясь, что телефон не разбудил близнецов.

— Алло? — тихо спросил он.

— Стив?

Он сразу узнал голос лейтенанта.

— Да, Пит.

— Мне только что позвонили из "Калькутты".

— Что такое?

— Сегодня после полуночи Ральф Корвин повесился в камере. Скорее всего, это произошло в тот момент, когда Флетчер подписывал признание в участке.

Карелла молчал.

— Стив?

— Что, Пит?

— Да нет, ничего, — вздохнул Бернс и повесил трубку.

Несколько секунд Карелла стоял с трубкой в руке, а потом осторожно опустил ее на рычаг. По пути в спальню он заглянул в гостиную, где по-прежнему тепло мерцали лампочки на елке, и неожиданно почувствовал острую жалость к этому отчаявшемуся наркоману в тюремной камере, который лишил себя жизни, даже не зная, что он не виноват в смерти другого человека.

Наступило Рождество.

Но иногда, подумал Карелла, бывает так, что во всем этом нет никакого смысла.

Перевод с английского **Дмитрия ПАВЛЕНКО.**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Продолжается подписка на первое полугодие 2006 года!!!

Информация об условиях оформления редакционной подписки.

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона, опубликованного в № 10, и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал.

Шаг 2. Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка.

Шаг 3. Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО "ИДЖ "Смена" (подписка) или по факсу: (095) 250-59-28.

Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского Дома Журнала "Смена", подписка начнется со следующего месяца.

Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер "Смены" в первом полугодии 2006 г. — 62 руб. 70 коп.

Стоимость подписки на 3 номера "Смены" в первом полугодии 2006 г. — 188 руб. 10 коп.

Стоимость подписки на 6 номеров "Смены" в первом полугодии 2006 г. — 376 руб. 20 коп.

Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.

При оформлении подписки на 6 номеров первого полугодия 2006 г., до 1 декабря предоставляется скидка 5%, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб. 39 коп.

Если вы получаете журнал непосредственно в редакции — стоимость 1 экз. — 38 руб.

Как получить журнал?

Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (095) 257-31-37 (или (095) 212-15-07) с 10 до 18 по московскому времени, факсу: (095) 250-59-28, e-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ:

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ. Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются!

Вы можете оформить подписку в любом почтовом отделении связи:

- по каталогу ОАО "Агентство "Роспечать", индекс: физическим лицам 70820, юридическим лицам — 84630
- по Объединенному каталогу (тел. АРЗИ 680-89-87) индекс: физическим лицам 88998, юридическим лицам — 87805
- по каталогу МАП (Почта России) индекс: физическим лицам 99406, юридическим лицам — 16746.

Кроме того, вы можете оформить подписку в любом отделении Сбербанка.

Стоимость подписки через Сбербанк

Наименование комплекта	Периодичность выхода изданий	Подписной индекс	Подписные цены на 1-ое полугод. 2006 г.		
			1 мес.	3 мес.	6 мес.
Журнал "Смена"	1 раз в месяц	СМ0612	66,05	198,15	396,30

Подробную информацию о всех вариантах подписки и купоны вы найдете в № 10, 2005 г. журнала "Смена".

Классический вариант

Мини-предисловие

Раньше было модно заканчивать практически любой роман свадьбой — в крайнем случае, рождением ребенка. Так модно, что в головы подавляющего большинства читателей (а особенно читательниц) прочно вбили одну нехитрую идейку: главное — услышать звон свадебных колоколов. Что будет после — неважно, поскольку это реальная жизнь, а не художественная литература.

Конечно, искусство на месте не стояло, законы жанра не были монолитны, даже в позапрошлом веке делались робкие попытки проникнуть за занавес “брачной каморы” и проследить жизнь героев дальше. А в прошлом веке вообще могли начать со свадьбы, а закончить...

Да практически чем угодно закончить. Хоть очередной свадьбой, хоть трагической смертью всех главных персонажей. Но ведь не зря говорят: все новое — это хорошо забытое старое. И сейчас, в новейшей российской, особенно женской, литературе практически невозможно встретить произведение без традиционного “хеппи-энда”.

Короче, “каждой Золушке — своего принца, в крайнем случае — его дядю-герцога”. Что ж, тоже концепция, имеет полное право на существование.

Но, в отличие от художественной литературы, в жизни каждая история любви кажется единственной и неповторимой. Хотя бы потому, что таковой она является в глазах ее главных героев. Миллионы людей ежедневно открывают для себя уже миллиард раз открытое, но искренне полагают, что только у них все это — Настоящее. И страшно удивляются тому, что реальная жизнь не подвластна никакой классике жанра, и то, что началось, как Гимн Любви, вполне может закончиться пошлым фарсом, а высокая трагедия обрести черты жуткой “бытовухи”. От чего, как говорится, спаси и сохрани.

Издавна существует некий классический вариант, по которому развиваются любовные отношения. Разница только в том, какие моральные критерии приняты в данном конкретном обществе, и как строятся в нем стандартные отношения мужчины и женщины. Плюс, безусловно, пресловутое женское равноправие, от которого уже никуда не денешься и которое нахально задает свой тон основной теме.

Но в жизни, как и в музыке, существуют тема и вариации. Вариации могут быть очень причудливыми, но тема неизменно повторяется на протяжении многих веков: встретились Он и Она. Полюбили друг друга. Стали жить, как говорится, одним домом, все чаще при этом не размениваясь на такие формальности, как регистрация брака и флердоранж на белоснежной фате невесты. И...

И вот одну такую историю любви я и хочу рассказать. Отличается от других она только концовкой. Точнее...

Впрочем, вы все очень скоро поймете сами.

Глава первая. Женская интуиция

Самым сильным чувством из всех имеющихся в наличии у Маргариты была интуиция. Женская, разумеется. Это не значит, что в остальном она была как бы бесчувственна: природа наградила Риту и приличным слухом, и хорошим зрением, и тонким обонянием, и еще многим. Но вот интуиции плеснула щедро, не несколько капель, а сколько выплеснулось.

Сказать по правде, Маргарита несколько стеснялась этого своего качества, поскольку иногда оно буквально граничило с ясновидением, а ко всей этой мистике отношение у двадцатичетырехлетней молодой женщины было, мягко говоря, скептическим. Равно как и к астрологии, гороскопам и прочим современным увлечениям как слабого, так и сильного пола.

По мере возможности, выпускница Института иностранных языков, незамужняя, бездетная и неплохо устроенная в этой жизни, Рита предпочитала здравый смысл и тщательные размышления. Обычно это получалось, но иногда интуиция пересиливала, причиняя своей обладательнице немало хлопот.

С другой стороны, нельзя, чтобы все было хорошо и все в себе устраивало. Та же самая природа наградила Маргариту довольно пышными и слегка выющимися каштановыми волосами, глазами орехового цвета, которые при умело наложенном макияже были очень хороши, ровной, гладкой кожей, прекрасными зубами и совершенно обворожительной улыбкой.

Все это, при среднем росте и достаточно стройной фигурке, смотрелось просто классно. Не так, правда, чтобы со всех сторон предлагали стать фотомodelью или манекенщицей, но подавляющее большинство мужчин оборачивалось вслед паре стройных ножек на высоких каблучках, а заодно и остальным достоинствам.

Правда, на работе Рита была только "одной из": сотрудниц туда старались подбирать не только квалифицированных, но и симпатичных. Возможно, потому, что Главный Шеф вообще любил хорошеньких женщин, а возможно, кадры набирал мужчина, тоже неравнодушный к женским чарам. Словом, женская часть коллектива представляла собой со вкусом подобранный и достаточно стильный букет без лишней экзотики, но и не слишком простой.

Маргарита работала в медицинской страховой компании, не самой крупной в столице, но достаточно престижной. Свободно владела английским, французским и итальянским, которыми приходилось пользоваться почти ежедневно. Но после шести вечера, если не было редких ночных дежурств, оказывалась совершенно свободным человеком и была вольна тратить свой досуг на что угодно, благо мудрые и прогрессивные родители подарили дочери к окончанию института милую однокомнатную квартиру не слишком далеко от центра и предоставили полную независимость.

Маргариту это устраивало во всех отношениях. Зарботки в страховой компании было достаточно высокими, чтобы жить так, как ей нравилось, и время от времени навещать родителей не с просьбами о материальном пособии, а с милыми сувенирами или дорогими кондитерскими изделиями.

Личная жизнь... Вот тут все было, как у всех. Ничем не кончившаяся первая любовь со всеми ее глупостями, трогательностями и неловкостями. Бурный институтский роман с твердым намерением пожениться, как только... Герой романа действительно женился, только не на Маргарите, а на девушке, с которой во время пресловутой "практики" случился небольшой житейский казус: она забеременела. Папа девочки был, как сейчас принято говорить, достаточно "крут", чтобы новая семья создавалась практически мгновенно.

А Маргарита, поплакав, сколько могла себе позволить, твердо решила "не влюбляться не в тех парней". Решение она выполнила очень просто: вообще не влюблялась, а позволяла себе легкие, безобидные увлечения. Прогулки, дискотеки, кафе, более интимные вечера — и ничего серьезного, Боже сохрани!

И что же? А то, что после защиты диплома и устройства — очень удачного! — на работу, Маргарита решила, что пора устраиваться в этой жизни более основательно, тем более, что появилась отдельная от родителей жилплощадь и финансовая независимость. Легкие интрижки ей надоели. И когда она поняла, что очередное светловолосое и сероглазое увлечение с оригинальным именем Роман занимает в ее сердце и жизни куда больше места, чем первоначально было положено по сценарию, она подсознательно даже обрадовалась этому.

Познакомились они на корпоративной вечеринке, куда Риту привел один из ее мимолетных поклонников. Поклонник исчез, а Роман остался... Сначала ходили в кино на нашумевший отечественный фильм, потом посидели в ресторане, потом...

Потом роман из платонического превратился в нормальный, вполне земной и очень современный: никаких пылких объяснений в любви, никаких взаимных клятв. Просто в один прекрасный вечер Рита зашла к Роману вечером "на чашечку кофе" и задержалась до следующего утра, благо оно было утром выходного дня.

— А в тебе есть стиль, — одобрительно заметил Роман, глядя на полусонную Риту, сладко потягивающуюся в его постели. — Даже с утра смотришься классно. Не то, что другие...

— И много у тебя было других? — с ленивой усмешкой спросила Маргарита.

Роман нахмурился было, но тут же усмехнулся:

— Я не считал.

— И это правильно! — одобрила Рита, пребывавшая в отличном расположении духа. — Кофейком на дорожку напоишь девушку?

— Ты уже уходишь? — искренне удивился Роман.

— Я уже собираюсь, — мягко поправила его Рита. — Или у тебя запланирован совместный поход в магазин и генеральная уборка?

Роман все еще смеялся, когда отправился на кухню готовить кофе. Что и говорить, в девушке действительно чувствовался класс. Неглупая, красивая, самостоятельная.

Напившись кофе, Маргарита оделась, привела себя в порядок и, сопроводив прощальный поцелуй ни к чему не обязывающей фразой "созвоимся", выпорхнула из квартиры Романа, оставив того в некотором недоумении, но отнюдь не с сожалением о завязавшейся связи. Он по-прежнему мог считать себя свободным и, наверное, именно поэтому через два дня позвонил Рите и предложил сходить послушать модную эстрадную певицу.

— А на работу завтра не просним? — поинтересовалась Рита.

— А я тебя после концерта провожу и вернусь к себе.

— Ну-ну, — хмыкнула его собеседница, но приглашение приняла.

Хотя интуиция подсказывала ей, что окончание вечера будет совсем иным, нежели предполагается, и произойдет, скорее всего, на ее территории. Исключительно из-за близости к месту работы обоих.

Говорят, что женская интуиция срывает в подобных случаях молниеносно. И пресловутая женская логика, над которой так любят потешаться практически все без исключения мужчины, — лишь продолжение этой самой интуиции. Женщина чувствует, мужчина — думает. Ошибаются, конечно, иногда оба, но...

Итак, интуиция Маргариту и на сей раз не подвела, причем нельзя сказать, чтобы она об этом пожалела. То есть в постели все было прекрасно и удивительно, равно как и вне ее. Роман хвалил все, на что падал его взгляд: от клеенки на кухне до сти-

лизованной под старину настольной лампы. И сама хозяйка получила положенную долю комплиментов, даже больше, потому что в какой-то момент расслабилась и пропустила одну из мелких, но многозначущих деталей.

Сладко потягиваясь, Роман произнес:

— Только телевизор у тебя поставлен неправильно. Лежа его никак нельзя смотреть.

Рите было настолько хорошо, что она на это просто не среагировала. Хотя в обычной ситуации наверняка ответила бы, что принимать пищу, читать и смотреть телевизор она предпочитает сидя, а ложится в постель только для того, чтобы спать.

Уже потом она сообразила, что у самого-то Романа весь "развлекательный комплекс": телевизор с "видеком", музыкальный центр и телефон, находился в пределах досягаемости и видимости с дивана, служившего заодно спальным местом. То есть горизонтальное положение было, по-видимому, его излюбленным. Сообразила — и забыла. В конце концов, каждый человек имеет право у себя дома устраиваться так, как ему хочется.

Кроме того, Маргарита совершила самую распространенную среди женщин ошибку: приняла сексуальную гармонию за нечто более тонкое и возвышенное. Не за любовь, конечно, но уж точно за влюбленность. А это придавало обычной, в общем-то, интрижке некий налет стабильности и респектабельности. Роману, кстати, это и в голову бы не пришло: если мужчине хорошо с женщиной в постели, значит... ему с ней хорошо в постели. И все. Другие нюансы находятяся, в лучшем случае, в другом файле, если не в другой директории.

Ну, а если влюбленность, если им друг с другом хорошо и даже есть о чем поговорить в вертикальном положении, то... То не пора ли, уважаемая Маргарита, перестать порхать по жизни легкомысленным мотыльком и обзавестись так называемым "гражданским мужем"?

То есть ни о каком законном браке и речи пока быть не может, но можно проводить вместе все свободное время, ночи — поочередно то у него, то у нее, а там уж и до "совместного ведения хозяйства" рукой подать. Два-три года такой жизни, и, если не произойдет ничего экстраординарного, наступит время и о детях подумать. Точнее, о ребенке. Да и родители уже достигнут пенсионного возраста...

Что характерно, родителей Рита в свои планы не посвящала и в личную жизнь особенно не впускала. Помощь — это одно, а внутренняя свобода — совсем другое. Они и с Романом, кстати, еще не знакомы, и торопить это мероприятие ни в коем случае не нужно, чтобы не спугнуть потенциального мужа.

Самое интересное, в это время интуиция Риты то ли взяла отпуск, то ли решила просто побездельничать. Во всяком случае, молчала глухо, никаких подсказок даже делать не пыталась. Тут бы ее обладательнице и насторожиться: с чего это вдруг шестое чувство, до сего времени не оставлявшее ее практически ни на минуту, вдруг куда-то подевалось? Но Рита не насторожилась, а решила: раз интуиция молчит, значит, все правильно, и путь ею избран верный. По нему и следует двигаться.

Движение происходило практически без заминок до тех пор, пока не встал вопрос об отпуске. Со сроками проблем не было: и Роман, и Рита могли отгулять положенный отпуск в любое удобное для них время. Проблема была в том, что Рите страстно хотелось увидеть Францию, то есть Париж и замки Луары, а Роман мечтал о том, чтобы поставить палатку на берегу какого-нибудь безлюдного озера и наслаждаться рыбалкой и транзисторным телевизором.

Покажите мне женщину, которая разделила бы эту мечту. Я лично таких не знаю. То есть знаю семейные пары, которые делят отпуск на две половины и одну проводят так, как хочется жене, а вторую — по выбору мужа, причем иногда эта вторая поло-

вина проводится вообще врозь. Но чтобы любовники... Нет, не поверю никогда в жизни.

Вот и Маргарита сказала, что ловить рыбу, жить в палатке без удобств и стряпать на костре ей как-то не хочется. А посему пусть Роман выбирает: она или рыбалка с телевизором.

— Но я всегда так отдыхаю, — изумился Роман. — И терпеть не могу шляться по заграницам. Они мне в служебных командировках осточертели.

— Меня, к сожалению, в такие командировки не отправляют, — мило улыбнулась Маргарита. — И хочется поглядеть мир, пока я молода и полна сил. В Турции я была, в Италии и Испании — тоже. Теперь мечтаю о Франции.

— Да ради Бога! — покладисто ответил Роман. — Хоть об Антарктиде. Только меня в эти поездки не втягивай, сделай милость. Иначе мы поругаемся еще в зале ожидания аэропорта. Тебе этого хочется?

— Нет, — честно произнесла Маргарита. — Этого мне совсем не хочется. Но еще меньше хочется кормить комаров и муравьев в каком-нибудь медвежьем углу. Не мое. Мы тоже поругаемся, правда, не знаю, где и когда. Тебе этого хочется?

— Нет, — отозвался Роман. — Но мне хочется в отпуске быть самим собой и получать именно то удовольствие, которое я хочу. Так что боюсь...

— Консенсуса в этом вопросе у нас не получится, — мягко закончила Маргарита. — Понятно. Тогда я приглашу в Париж Милку.

— Значит, отдыхаем врозь? — уточнил Роман.

— Значит, врозь, — кивнула Маргарита.

— Заметь, это твое решение, — неожиданно проговорил Роман. — Я бы предпочел провести отпуск с тобой.

— Так поедem во Францию!

— Исключено, — отрезал Роман.

— Значит, отдыхать вместе мы никогда не сможем? — вырвался у Маргариты роковой вопрос.

— Почему же? — неуверенно промямлил Роман. — Просто в этом году чемпионат... И вообще... Слушай, давай не усугублять, а? Все было так хорошо.

— Давай, — с милой улыбкой согласилась Маргарита, кляня себя в душе на чем свет стоит. — Значит, вопрос с отпуском каждый решает для себя сам. Может быть, так даже лучше, немного отдохнем друг от друга...

Бац! Второй ляп за пять минут. Результат не заставил себя ожидать.

— Ты от меня устала? — с некоторым раздражением спросил Роман.

— Нет, но...

— А я, представь себе, немного устал. Твои культурные запросы сильно превышают мои потребности. Мне иногда нужно расслабиться, поваляться с пивком на диване, посмотреть какой-нибудь тупой боевик.

— А я тебе мешаю?

— Иногда.

— Почему же ты молчал? Мы могли бы реже встречаться.

— То есть я тебе нужен только для приятного дела?

«Приплыли, — устало подумала Маргарита. — Если мужчина прибегает к типично женским уловкам, чтобы свалить всю ответственность за ссору на партнера, значит, процесс зашел слишком далеко. Где-то я пропустила критический момент и пошла не по той дорожке. Что ж, еще не вечер. И брошенной я не буду, пусть не мечтает».

— Если ты обо мне такого мнения, — ледяным тоном начала она, — то разговор, пожалуй, разумнее прекратить. И не звони мне, пока не поймешь, как глубоко меня обидел. Не волнуйся, я не помешаю тебе наслаждаться чемпионатом мира.

Дело происходило в кафе, что значительно облегчило Маргарите задачу гордого ухода. Ни вещи собирать, ни на дверь указывать. Просто встать и, не оглядываясь, гордо прошагать к выходу. Это она уходит, по собственной инициативе. Вот так, чей ход эффективней?

Вечером, конечно, не обошлось без слез. Но — малых. Так сказать, спонтанный выплеск эмоций. Интуиция, проснувшись и, судя по всему, чувствовавшая за собой определенную вину, усиленно твердила, что все сделано правильно. А пока надо заняться организацией отдыха собственными силами.

Первым пунктом в плане этого мероприятия стоял звонок Милке — испытанной боевой подруге. И на следующий вечер, придя с работы, Рита ей и позвонила. Но тут ее ожидал сюрприз: Милка находилась в состоянии бешеной, невменяемой влюбленности, собиралась поехать с предметом своей неземной страсти то ли на Капри, то ли на Кипр, и в спутницы для поездки по Франции решительно не годилась.

— А что у тебя голос такой кислый? — вспомнила к концу разговора Милка о своих обязанностях лучшей подруги. — С Романом поругалась?

— Типа того, — неопределенно ответила Рита.

— Вот, кстати, как раз не того типа. Я имею в виду, что он тебе совершенно не подходит. И не переживай, вспомни, что я тебе на Новый год нагадала.

Маргарита непроизвольно фыркнула. Это был действительно забавный эпизод, случившийся во время встречи последнего Нового года аккуратно на квартире у Милки, которой Роман нашел какого-то кавалера. Кавалер Милке понравился (к сожалению, без взаимности), и она из кожи вон лезла, изображая из себя очаровательную хозяйку. В общем, было нескучно, а к концу праздника тем, кто еще что-то соображал, она предложила кофе. Кофе Милка варила отменный и всегда — только натуральный.

Когда Рита допила свою чашку, на тонком фарфоре проступил кружевной золотисто-коричневый узор кофейной гущи, в котором она разглядела нечто интересное и тут же поделилась этим с окружающими.

— Похоже, в этом году мне предстоит разбогатеть!

— И откуда же такая эксклюзивная информация? — спросил Роман.

— Вот видишь знак, похожий на доллар: это наверняка к большой денежной прибыли.

— Или к большим расходам, — охладила ее восторг Милка. — А давайте лучше на картах погадаем. Мне на работе подарили новую колоду.

Почему-то считалось, что Милка классно гадает на картах, хотя Рита к этому таланту подруги относилась с огромным скепсисом. Ведь основные познания в этой области Милка почерпнула от бабушки, женщины невероятной доброты, которая твердо верила лишь в одно: предсказывать нужно только удачу и непременно скорую, угадаешь или нет, но маленькое удовольствие человеку обязательно подаришь.

Все, однако, загорелось этой идеей, и Милка, надо отдать ей должное, свою роль гадалки сыграла с блеском. Рита уже плохо помнила, кому и что она предсказала, главное — всем понравилось. Но то, что Милка нагадала самой Рите, было по меньшей мере странным: встречу с молодым, красивым и одиноким мужчиной... брюнетом. Смущенная присутствием Романа, который явно относился к совершенно другой масти, Милка перекладывала карты раза три, но возле бубновой дамы все время оказывался трефовый король. Который, сами понимаете, не блондин.

— Ладно, будем считать, что брюнет у меня еще впереди, — вздохнула Рита. — А твой-то кто? Миллионер, поди? Или милиционер?

— Просто хороший человек, — не приняла шутки Милка. — И говорит, что еще не встречал такой женщины, как я. Красивой, нежной,...

Это Милка-то! У которой ни фигуры, ни внешности, только интеллект хорошо развит, да бюст. Интересно, кто на нее все-таки клюнул?

Положив трубку, Рита вернулась к своим размышлениям об отпуске. Поехать одной? Заведомо поставить себя в положение "ищущей женщины"? Париж для этого, конечно, идеален, особенно со знанием языка, а язык Рита знала. Но летом там жарковато, а до осени надо еще дожить. Кстати, за эти два месяца что-то определится в отношениях с Романом.

Или с кем-то еще, срок достаточно долгий. Во всяком случае, нужно заняться собой, своими туалетами, выбором оптимальной программы для поездки и выкидыванием из головы всевозможных романтических глупостей.

И в этот момент раздался звонок в дверь.

"Явился, голубчик, — не без злорадства подумала Рита. — Конечно, телефон был долго занят, мобилку я включить забыла, вот он и решил сам приехать. Что ж, пожалуй, я его прощу. Если только... Если только опять не возникнет выбора между мной и удочкой".

Рита открыла дверь и застыла от изумления. Вместо фигуры пришедшего мириться любовника, на площадке переминалось с ноги на ногу нечто бомжеватого вида, неопределенного пола и возраста. В руках "нечто" держало большой пластиковый пакет.

— Ты, что ли, Маргарита? — спросило существо хриплым голосом.

— Я, — отозвалась та, все еще не придя в себя от изумления.

— Тогда это тебе. Просили передать.

Рита протянула руку, но "посыльный" проворно спрятал сумку за спину.

— Сто рублей.

— Какие сто рублей?

— За доставку.

— А что это вообще?

— Почему я знаю? Мне дали — я пру. А что там, мне бим-бом.

— Кто дал?

— Конь в пальто! Будешь много вопросов задавать — иду. Давай сто рублей, или сворачиваем базар.

Рита вынула из сумочки в коридоре купюру и протянула собеседнику. Тот в ответ сунул ей в руки пакет и молча развернулся к лестнице. Она заглянула в пакет. Там лежали вещи, которые она оставила у Романа. И только. Никакой сопроводительной записки не было, сколько Маргарита ни перетряхивала содержимое пакета. То есть ситуация разрешилась с предельной ясностью и без единого слова объяснения.

Тоже красиво.

Минут пять Маргарита решала сложный вопрос: хлопнуться на диван и зареветь, позвонить Роману и спросить, как он прикажет все это понимать, или разложить пришедшие вещи по местам, принять ванну с любимой лавандой и сделать вид, что все именно так и должно быть. Не реагировать. Жить дальше, забыв упрямого любовника, как вчерашний дождь. Ну, промокла, ну, замерзла, так не вешаться же теперь по этому поводу.

Рита выбрала третий вариант еще и потому, что он не исключал использования последствий и второго. Только разговор произойдет не на истерике, а в более спокойных тонах. До базарного визга она не опустится, пусть и не мечтает...

О том, как жить дальше, она решила подумать завтра.

Глава вторая. Лебединое озеро

Но завтра подумало за нее. С утра пораньше выяснилось, что один из клиентов их агентства, застрахованный по полной медицинской программе, сломал ногу во время отпуска. И теперь нужно ехать туда и на месте решать вместе с клиентом: оставлять его в местной больнице, точнее, санатории, где он проводил курс лечения, или эвакуировать в Москву. И отправляться в эту командировку предстояло именно Маргарите, поскольку так решило начальство.

— Перст судьбы, — подумала Рита, узнав о командировке. — Именно то, что мне сейчас нужно: сменить обстановку”.

— Куда ехать-то? — спросила она, втайне надеясь на какую-нибудь экзотическую страну или, на худой конец, европейский курорт.

Именно в таких местах проводило отпуск подавляющее большинство их клиентов, поскольку страховое агентство было не из дешевых.

— В Литву, — ответил начальник. — За границу, но недалеко, ночь в поезде — и ты на месте.

— Что, прямо в санатории? — не удержалась и съязвила Маргарита.

— Нет, в Вильнюсе, — пропустило колкость мимо ушей начальство. — Там тебя встретят и отвезут на курорт, километров сто пятьдесят южнее. Называется Друскининкай, слышала о таком месте?

— Может быть, Трускавец?

— Трускавец — это Украина, — снисходительно пояснило начальство. — Плохо у тебя с географией, Маргоша. Ты, вообще-то, в Прибалтике была?

Маргарита покачала головой.

— Родители когда-то отдыхали в Паланге. А я не сподобилась.

— Да, поздновато родилась. Значит, поезжай сейчас в литовское посольство, я договорился, визу тебе сделают прямо сегодня. В порядке исключения, разумеется. А потом вернешься сюда, получишь билет на вечер, документы, командировочные — и вперед. Поезд отходит в семь вечера.

— А собираться когда?

— Параллельно. Сейчас десять утра. Часа в четыре освободишься — и поезжай, собирайся. Между прочим, едешь максимум на три дня, так что много вещей тебе вряд ли понадобится.

Маргарита вздохнула и вышла из кабинета. Ничего экстраординарного не происходило, специфика ее работы заключалась именно в том, что большинство событий возникало спонтанно и непредсказуемо. Придется сегодня покрутиться, зато три дня, как минимум, можно заниматься своими делами.

Приятный сюрприз ждал и после возвращения из посольства: билет удалось достать только в “СВ”. Все равно все расходы — за счет клиентов. Так что без пятнадцати семь Маргарита в полной боевой готовности была уже на Белорусском вокзале, возле своего вагона номер один, и общалась с приветливыми, улыбаемыми проводницами, прекрасно говорившими по-русски.

С соседом по купе ей тоже повезло: пожилой, молчаливый литовец довольно быстро улегся спать, вежливо попросив не обращать на него внимания, так как разбудить его довольно проблематично.

В девять утра поезд плавно подкатил к перрону Вильнюсского вокзала. Маргарита выпорхнула из вагона, ощущая какой-то непонятный ей самой душевный подъем. Она огляделась вокруг и тут же заметила спешащего к ней мужчину с табличкой “Эгле” в руках. Ну вот, все в порядке, транспорт в санаторий подан.

— Вы госпожа Маргарита из “Ассы”? — спросил мужчина на отличном русском языке.

— Да.

— А я — Альгимас, ваш сопровождающий. Этим поездом приехали еще двое отдыхающих, вы не возражаете, если они поедут с вами?

— Разумеется, нет, — изумилась Маргарита. — Персональной машины мне никто не обещал, да она мне и не нужна.

— Чудесно. Тогда я сию минуту их приведу, и мы поедем.

Минут через десять обаятельный Альгимас загрузил в новенькие сверкающие “Жигули” немолодую супружескую пару, причем муж сел впереди и тут же затеял беседу с водителем, а его супруга заняла место на заднем сиденье рядом с Маргаритой.

— У вас так мало багажа, — сказала она, подметив, видимо, компактную сумку Маргариты. — Вы местная?

— Нет, я из Москвы. Просто приехала в командировку, а не отдохнуть.

— В командировку — в санаторий?!

Пришлось обстоятельно объяснять, чем занимается медицинская страховая компания “Асса”, почему к пострадавшему отдыхающему едет специальный человек, и так далее, и тому подобное.

Неказистый привокзальный район Вильнюса скоро закончился и по обе стороны гладкого шоссе потянулись хвойные леса, зеленые поляны, озера и маленькие речушки. Наконец за крутым поворотом показался санаторий, и Рита непроизвольно ахнула, затрудняясь подобрать сравнение для этого архитектурного сооружения. Озеро перед ним было великолепным, даже с парой белых лебедей и многочисленными утками. И все это обрамляла темно-зеленая рамка густого леса, который, казалось, не имел конца. И ни единого дымка на горизонте, ни одной фабричной или какой-нибудь еще трубы. Рай земной в одном, отдельно взятом районе.

До обеда Рита успела обсудить основные вопросы с директором, навестить клиента и получить от него все необходимые подписи, составить вместе с ним список необходимых предметов и процедур, за которые придется заплатить дополнительно, и убедилась, что сломанная нога не слишком испортила настроение полнокровному и жизнерадостному пенсионеру.

Ему нравился санаторий, нравился номер, он по-детски радовался тому, что сможет ездить пить целебную воду на специальной коляске усовершенствованного образца. Он даже успел намекнуть Рите, что неплохо было бы посидеть вечером у него в номере, “обмыть” ногу, чтобы скорее зажила, но Маргарита прикинулась недалекой страховой агентшей и от сомнительного предложения виртуозно увернулась. Впрочем, это тоже не испортило клиенту настроение: похоже, он хронически был всем доволен.

А за обедом соседями Риты по столику оказалась... та самая супружеская пара из Москвы. Так что и знакомиться вроде бы не было необходимости, имена назвали еще в Вильнюсе, на вокзале. Алла и Валерий. Оба подтянутые, молодые и чем-то неуловимо похожие друг на друга, как обычно бывает с супругами, долго прожившими вместе. Только Алла больше молчала, а Валерий практически не закрывал рта.

— Это я попросил диетсестру нас вместе посадить, — тут же заявил он. — Мне ведь ни одна женщина ни в чем отказать не может.

— Валера! — привычно простонала жена.

— А что, неправда? Даже ты в свое время не устояла. И вообще...

— Добрый день, — раздался за спиной у Риты мужской голос, довольно приятный баритон. — Я ваш новый сосед.

— А мы тут все на новеньких, — бурно обрадовался Валера. — Тебя как зовут? Меня Валерием кличут, это вот Аллочка, супружница моя, а это — наша Ритуся.

— Вадим, — сдержанно представился новоприбывший и опустил на соседний с Ритой стул. — Сегодня приехал из Москвы.

— Поездом?

— Нет, я привык на машине.

— А мы все тоже москвичи, так что у нас тут как бы маленькое землячество будет, — снова оживился Валера. — Покажем им, как столичные жители отдыхать умеют.

— Боюсь, — ангельским голосом произнесла Рита, — что я вам в этом деле не компания. У меня на все про все максимум два дня.

— Как это? — изумилась Алла, успевшая, видимо, начисто все забыть.

— Тебе же Рита сказала, что она в командировке, — напомнил ей Валера.

— В командировке в санатории? — с неподдельным интересом осведомился Вадим.

И Маргарита наконец повернула к нему голову. А, повернувшись, ощутила так называемый "укол интуиции", то есть состояние, которое длится буквально несколько секунд, и при котором достаточно одного, весьма поверхностного взгляда, брошенного на представителя противоположного пола, чтобы оценить его по достоинству. Более того, почувствовать — да или нет. Возможны ли отношения с этим человеком, и какие именно.

Правда, чаще всего интуиция сообщает: не то. Но в данном случае такого сигнала не поступило, и Маргарита машинально приняла то, что иногда называют "охотничьей стойкой". Поясню для тех, кто не знает: голос становится чуть ниже и мягче, взгляд — загадочнее, движения — грациознее.

Главное тут — не пересолить, иначе раскинутые невидимые сети сразу окажутся четко видны во всей своей грубой реальности. И все кончится, не начавшись. Не исключено, конечно, что и сетей не заметят, но и продолжения не будет. В данном случае Рите показалось, что какие-то токи все же пробежали...

"Посмотрим, что будет за ужином, — подумала она. — Я его заинтересовала, это точно. Только... Только времени у меня даже на банальный курортный роман нет. Правда, он из Москвы, но, может быть, женат, с кучей детей или вообще от женщин бегаёт, любитесь ими на расстоянии. Вариантов масса, а времени — ноль. Доживем до ужина..."

Но до ужина она, можно сказать, не дожидаясь. После обеда побродила немного вокруг корпуса, полюбовалась на лебедей, вернулась в номер, выпила чашку чая, немного поработала с документами и почувствовала, что сейчас заснет прямо за столом. Никогда в жизни Маргарита не ложилась днем спать, а тут решила прилечь. И открыла глаза, когда дорожный будильник показывал семь часов.

То есть время ужина? Ах, если бы! За окном было яркое летнее утро и, судя по всему, Маргарита проспала, не раздеваясь, не умываясь и вообще не совершая своих привычных ритуалов, часов четырнадцать. Заметьте, без снотворных, без успокоительного чая или транквилизирующей ванны, даже без банальной таблетки валерьянки.

Воздух, густо настоянный на хвое, летних травах и озерной свежести, валил наповал, как тройная доза уноктина, только голова была легкой, а настроение — великолепным.

Рита чуть было не пропустила время завтрака, и в столовую влетела вихрем, совершенно забыв и про вчерашнего кавалера, и про традиционные приемчики обольщения. У Валерия и Аллы, которые уже сидели за столом, даже слегка округлились

глаза, настолько не похожа была сегодняшняя спортивная девчонка на вчерашнюю бизнес-леди.

— Куда вы пропали, Ритуса? — возопил Валерий. — Мы думали, вас похитили местные лесные братья. Или водяные утащили в озеро.

— Ну и фантазия у вас, Валерий, — усмехнулась Рита, с волчьим аппетитом накидываясь на какие-то творожники. — Просто проспала. Здешний воздух...

— Доброе утро! — раздалось за ее спиной. — А я был уверен, что вы отправились ужинать в город.

— Доброе утро, Вадим, — ответила, полуобернувшись, Рита. — Почему такой вариант?

— Ну, вам скучно стало в нашем обществе...

Рита бросила на него внимательный взгляд. Лет тридцать, от силы, жгучий брюнет с карими глазами, смуглый, прямо латинос какой-то. Брюнеты ее никогда особо не привлекали, или просто не встречались достойные личности этой масти, но она тут же вспомнила дурацкое Милкино новогоднее гадание. И короля треф, прилипшего к ее бубновой даме.

Ну и что? Совпало. Все равно она завтра уезжает, больше время тянуть нельзя. Сегодня попросит посодействовать ей с билетом, закончит канцелярские дела и пойдет в город, посмотреть, что из себя представляет это место на самом деле.

— Как ваш подопечный? — спросила Алла. — Забираете его в Москву?

— Наоборот. Он категорически не желает уезжать, ему все тут нравится, и он уже договорился с сыном о продлении путевки.

— А как же сломанная нога?

— По-моему, ему это не слишком мешает. Дома-то никто импортную инвалидную коляску не предоставит и лечиться по-своему не даст. А тут он — кум королю, закуски, то есть еду, прямо в палату приносит, а партнеров по преферансу он, кажется, нашел.

— А в каком он номере живет? — живо заинтересовался Валерий, но супруга пресекала его любопытство в корне.

— И не вздумай. Будешь там сутками пропадать, а я что, одна останусь? Так мы не договаривались. В Москве наиграешься.

— Вот так, Вадик, — скорчил скорбную мину Валерий, — женатый человек — все равно что пожизненно заключенный. Шаг влево, шаг вправо — и пуля между глаз.

— Валера!

— А что, Валера? Правильно Вадик делает, что не женится. Вольный стрелок, сам себе хозяин. Ритуса, а вы замужем?

— Почему вас это интересует? — осторожно осведомилась Рита.

— А я любопытный очень. Вот смотрю на красивую женщину, и мне все про нее интересно: как она живет, есть ли у нее муж, дети, собака, где работает...

— Мужчины вас не интересуют?

— Тоже интересуют. Мне все люди интересны. Вот про Вадика, например, я уже знаю, что он молодой-холостой, юрист-международник, в санаторий приехал спину лечить после неудачного отдыха в горах...

— Вы альпинист? — с интересом спросила Рита у Вадима, который сидел молча и чувствовал себя, судя по всему, не слишком уютно.

— Боже упаси! Просто сдуру за компанию решил покататься на горных лыжах. Вот спину и повредил.

— Почему же сдуру?

— Не мое это. Я море люблю, путешествия, только не экстремальные, комфорт. А тут дал слабинку, поддался на уговоры.

— Небось, барышня уговорила, — хитро усмехнулся Валерий.

По лицу Вадима было заметно, что сосед попал в яблочко, и что это вообще крайне неприятная тема для обсуждения. Рита допила кофе и решительно встала.

— Ну, мне пора. Пойду делами заниматься. А то еще хочется город посмотреть...

И, не дожидаясь реакции соседки, выпорхнула из-за стола. Неженатый — это, конечно, хорошо, но подруга там, судя по всему, имеется. И вообще, если уж выпал случай отдохнуть и выбросить все глупости из головы, то грех этим не воспользоваться. Работа почти выполнена, командировка оказалась удачной во всех отношениях, а все остальное...

Остального и в Москве — навалом.

Свою программу Рита выполнила. Договорилась о билете и о машине до Вильнюса. Подписала все необходимые страховочные документы. Навестила своего подопечного и убедилась, что он вполне доволен жизнью. А когда в своем номере подвела предварительный отчет о командировке, то поняла, что осталось еще некоторое количество сэкономленных денег, на которые можно доставить себе несколько мелких радостей.

Сам городок Друскининкай был километрах в двух от санатория — по здешним меркам — далеко, поэтому возле главного входа всегда дежурила парочка такси. Рита умилилась местным порядкам и решила, что прекрасно доберется своим ходом. И очень быстро убедилась в том, что приняла правильное решение: шагать по вымощенным плитками дорожкам совершенно не трудно, напротив, легко и сладостно, а удивительно тихий, чистый и не слишком многолюдный городок действует на издерганные нервы не просто целительно — волшеббно-исцеляюще.

Более того, дома, как на юге, утопали в зелени. В садах и на лужайках перед домами росло великое множество всевозможных цветов, кустарников и фруктовых деревьев. Река Неман защищала город от холодного северного ветра, благодаря крутому левому берегу. И аллея, петляющая по парку над этой рекой, с каждым шагом вводила Риту все дальше от современности, цивилизации, суеты.

Она сообразила, что пропустила обед, только тогда, когда заметила небольшое уютное кафе на открытом воздухе, и тут же поняла, что, во-первых, прилично устала, а во-вторых, изрядно проголодалась. И решила, что вполне может перекусить здесь, рядом с рекой, в окружении цветущих кустов. Благо, две трети столиков пустовало и...

— Маргарита!

Голос был смутно знакомый. Рита взглянула и увидела... Вадима, который приветливо махал ей рукой из-за самого дальнего столика облюбованного ею кафе. Н-да, трюфевый король никак не хотел оставить бубновую даму. Или он за ней следил? Да нет, глупости, он же не производит впечатление одержимого, да и она — не роковая красотка, влет разбивающая мужские сердца.

— Решили пропустить обед? Или заблудились? — спросил Вадим, галантно отодвигая для нее кресло.

— Так получилось, — уклончиво ответила Рита. — Да и не хочу закреплять вредные привычки.

— Это какие же?

— Принимать пищу три раза в день. А особенно каждый день обедать. Это не мой режим.

— У вас что, специальный режим питания? Дробный или двукратный?

— Трехразовый. Понедельник, среда и пятница. В остальные дни я обхожусь кофе с сигаретами.

С чувством юмора у мужика все было в порядке: Вадим веселился долго и со вкусом. А отсмеявшись, проговорил:

— Кстати, я вчера нашел это кафе и обнаружил, что тут варят потрясающий кофе. Рекомендую. И еще — штрудель, не хуже, чем в Вене. Если, конечно, вы не собирались тут обедать по-настоящему.

— Не собиралась. Хотела именно перекусить. Честно говоря, санаторская пища меня не слишком манит.

— Как и всякого нормального человека, — пожал плечами Вадим. — Если с пищеварением все в порядке, то... Ладно, это скучная тема. Хотите, я вам город покажу после кафе?

— А вы разве тут бывали раньше?

— Нет. Но у меня привычка: читать все, что касается нового места, куда я попадаю. Путевку я заказывал два месяца назад, времени на чтение было достаточно.

— И где же вы брали книги?

— Книжки? Я все брал в интернете. Быстро, удобно, самое важное можно сохранить в особой папочке и взять с собой.

— Не поняла. Каким образом?

— В ноутбуке, естественно. Я уже так привык каждый день в интернет лазить, что даже в отпуске делаю то же самое.

— А что можно посмотреть в этом городке? — спросила Рита, с наслаждением впиваясь зубами в действительно отменный штрудель. Кофе, кстати, тоже был выше всяких похвал.

— Костел тринадцатого века, православная церковь конца века девятнадцатого, сплошь деревянная, бело-голубая. Музей Чюрлениса. Парк со скульптурами. И старую часть города, которая с позапрошлого века почти не изменилась. Всего на пару часов.

— Принимается, — кивнула Маргарита. — С делами я почти покончила, осталась мелочь, на вечер.

— Жаль, что вы завтра уезжаете.

— Мне тоже. Но кто же знал, что здесь так хорошо? Может быть, осенью соберусь, приеду сюда отдохнуть. Говорят, тут грибов — видимо-невидимо...

— Любите собирать грибы?

— Терпеть не могу.

— Тогда зачем вам это?

— А так, для экзотики. Вроде морских ракушек. Да и по здешним лесам, по-моему, ходить приятнее, чем по подмосковным.

Они уже допили кофе, расплатились и неторопливо шли по направлению к костелу, красные башенки которого выглядывали из-за густых деревьев. Маргарита отметила, что Вадим даже не сделал попытки заплатить за нее, но пока не поняла: нравится ей такой стиль поведения или нет. А впрочем, какая разница, завтра вечером она уже будет в поезде, а он останется здесь.

— Жаль, что вы заняты сегодня вечером, — сказал Вадим, когда они, обойдя практически все достопримечательности, повернули к санаторию. — Хотел пригласить вас на концерт.

— Как-нибудь в другой раз, — мило улыбнулась Маргарита.

На концерт, потом проводить до номера, потом выпить вместе по чашечке чая... Знаем, плавали.

— Хотите, я отвезу вас завтра в Вильнюс к поезду? Или пораньше, посмотрим город.

— Спасибо, меня повезет директор, у него какие-то дела в главном офисе.

— Снова жаль. А в Москве я вас могу найти?

— Вот моя визитка, — протянула ему Маргарита гляцевый кусочек картона. — Если будут какие-то вопросы... Нам еще далеко до санатория?

— Вы устали?

— Есть немного.

Вадим сделал шаг к дороге и поднял руку. Буквально через минуту рядом с ними затормозило такси.

— В санаторий "Эгле", пожалуйста, — сказал Вадим, усадив Риту и усевшись сам. — Между прочим, Маргарита, я совсем забыл о времени, мы уже опаздываем на ужин.

— Но теперь-то не опоздаем?

— Теперь, конечно, нет.

Ровно через пять минут такси остановилось у входа в санаторий. И за проезд платил Вадим. Что ж, возможно, она не будет возражать, если он отыщет ее в Москве.

Когда-нибудь, попозже. Если его желание к тому времени не пройдет. Вполне может и не позвонить.

Глава третья. Дела семейные

Москва встретила Маргариту холодным дождем и отключенным отоплением. Контраст с оставленным солнечным краем, где пахло не выхлопными газами, а соснами и озерной водой, и где людей на улицах было почти незаметно, родной город показался, скажем так, не слишком родным. Да и быстро выставшая квартира в панельном доме уютом не дышала. Хорошо, что хоть горячую воду не вырубili на очередную таинственную профилактику.

Рита включила оба настенных обогревателя в комнате и пол в кухне, полила начинавшие было никнуть цветы и с наслаждением окунулась в горячую ванну. В одной руке — чашка кофе, в другой — сигарета, отчет о командировке написан в поезде на обратном пути... Впереди — почти целый день сладкого блаженства, который можно посвятить наведению порядка в собственном внутреннем мире. Давненько Маргарита не устраивала там генеральную уборку.

Большая инспекция показала, что про Романа можно думать, уже не опасаясь неприятных укулов изнутри. А главное — можно не думать. Этот этап закончен окончательно и бесповоротно.

К одиннадцати часам вечера Рита вдруг почувствовала, что еще чуть-чуть, и она уснет прямо в кресле перед телевизором, где демонстрировался какой-то суперкрутой триллер. Подивившись этому обстоятельству, она почти мгновенно разобрала постель и легла спать, уже в последнюю секунду поставив будильник на семь часов. И — провалилась в глубокий, безмятежный сон.

Открыв глаза, Рита им не поверила. Будильник показывал шесть часов тридцать минут утра, причем организм явно был выспавшимся и добирать законные полчаса не желал ни в какую. Пришлось вставать.

Чуть ли не впервые в самостоятельной жизни Рита собиралась на работу неспешно и вдумчиво, не обжигалась кофе, не искала судорожно подходящую пару колготок, спокойно накладывала легкий макияж. А закончив все это, поняла, что вполне может не мчаться, сломя голову, за переполненным автобусом, чтобы трястись в нем десять минут до метро, а имеет реальную возможность прогуляться неспешным шагом по еще относительно свежему воздуху.

Она явилась на работу чуть ли не раньше всех, причем не запыхавшаяся, как всегда, а вполне свежая и довольная собой и жизнью.

— Ритка, ты что, на курорте была? — ахнула одна из сослуживиц. — А говорили, в командировку поехала.

— Правильно говорили, — улыбнулась Рита, раскладывая необходимые для работы бумаги на столе и включая компьютер. — Только клиент отдыхал на курорте. Вот и мне парочка дней досталась.

— На Средиземном? Или в Испании?

— Все равно не угадаешь.

— Неужели на Канары смоталась?

Рита расхохоталась от всей души.

— Всего-навсего, в ближнем зарубежье, как теперь говорят. В Литве. Но там все, как у больших: таможня, проверка паспортов, виза. Правда, русский знают все, и знают прекрасно. Точнее, не забыли еще.

— В Литв-е-ее, — разочарованно протянула вторая сослуживица. — Я когда-то с родителями отдыхала в Паланге. Те же Сочи, только холодно. И народу — тьма.

— Это ты в Советском Союзе отдыхала, — авторитетно заявила Рита. — А я — в молодом независимом государстве. И не в Паланге, а на юге, в Друскининкае. Там такой воздух, такие пейзажи — сказка. И тепло, между прочим, не то, что в Москве.

— В Прибалтике-то, — хмыкнула первая собеседница. — Что-то не верится.

— Купи путевку и съезди, не пожалеешь. Купаться можно в озере, кофе там варят обалденный, а народу почти нет. Во всяком случае, гулять можно в любом месте почти в полном одиночестве.

— Так ты там гуляла или работала?

— Гуляла... после работы. С удовольствием осталась бы на пару недель.

— Что-нибудь купила?

Рита покачала головой.

— Во-первых, некогда было, во-вторых, мне ничего сейчас не нужно. Да и покупать нужно делать все-таки не в глухой провинции, мне кажется. Хотя янтаря там, конечно, полно, и дешевого, но я к нему как-то ровно дышу. Точнее — мне не нравится. Не мой камень.

— С кем-нибудь познакомилась?

— С целой кучей народа, — лаконично ответила Рита и потянулась к зазвонившему телефону.

Разминка закончилась, начинался новый рабочий день. Да и не собиралась Рита в деталях рассказывать коллегам о том, как провела эти три дня. Подруг, как таковых, на работе у нее не было, "служебных романов" она не признавала принципиально, поэтому с коллегами мужского пола держалась ровно-отстраненно. Да и работа требовала внимания и полной самоотдачи, иначе беседовать придется уже с шефом, причем на гораздо менее приятные темы.

После обеда ее затребовал к себе с отчетом шеф и, вместо холодного одобрения или, сохрани Бог, выволочки доложил, что получил факс от директора санатория, что Ритиной работой там чрезвычайно довольны, а агентство, которое она представляла, вызвало вообще самый живой интерес. И было бы неплохо продумать какие-то формы взаимовыгодного сотрудничества...

— В общем, очень, очень неплохо съездили, Маргарита Николаевна. Я уже распорядился выписать вам премию. И попрошу набросать примерный план основных направлений сотрудничества. Вы были на месте, знаете обстановку. Трех дней хватит?

— Без отрыва от основной работы? — уточнила Маргарита.

— Естественно. Это входит в ваши обязанности.

— Понятно, — покладисто согласилась Маргарита. — Думаю, управлюсь.

Вечером Рита отправилась навестить родителей. Делала она это не слишком часто, родители ее были людьми еще сравнительно молодыми, допенсионного возраста, причем оба — врачи-хирурги, и оба в течение последних пяти лет работали в дорогой частной больнице. Это — дежурства, экстренные вызовы, и вообще совсем другая жизнь.

Поэтому приходилось выбирать время для встреч. Естественно, дни рождения и всякие памятные даты всегда отмечались совместно, даже если из-за работы приходилось торжество переносить на один-два дня. Но после командировок или поездок в отпуск Рита обычно родителей навещала: темы для разговоров находились значительно легче и не концентрировались на неустроенной личной жизни дочери и ее неправильном питании.

Дверь открыла мама, и Рита в который раз подивилась умению этой женщины выглядеть чуть ли не ровесницей собственной дочери. При этом Марина Геннадьевна салоны красоты не признавала вообще, стрижку всегда делала одного и того же фасона в одной и той же парикмахерской, а косметикой пользовалась по минимуму. О маникюре вообще понятия не имела, что естественно при ее работе. Зато каждую свободную минуту старалась чем-нибудь занять, а всем видам транспорта предпочитала пешие прогулки.

— Все цветешь, мамуля? — чмокнула ее Рита в щеку, вручая традиционный вафельный торт. — Завидую белой завистью.

— А ты не завидуй. Лучше перестань курить, спать до полудня и кое-как питаться. Тоже будешь цвести. Хотя... Сейчас тебе бесполезно об этом говорить, маленькая ты еще. Мой руки, будем чай пить.

— А где папа?

— Папу, к сожалению, полчаса назад вызвали на сложный случай. ДТП.

— Будет мозаику собирать?

— По-видимому. Тем более, что пострадавшая — твоя ровесница. Каждый раз радуюсь, что тебе не приходится в голову завести машину.

— Мамуленька, — засмеялась Рита, — мне не в голову не приходит ее завести, меня просто пугает перспектива ее заводить, прогревать, делать профилактику, менять колеса... Ленивая я очень. Хотя иногда в автобусе готова плюнуть на лень и купить хоть "Запорожец".

— Лучше пешком ходи, — посоветовала Марина Геннадьевна, разливая чай. — Очень тонизирует.

— Знаю.

— Читала, что ли?

— Нет, сегодня шла пешком до метро. Проснулась за полчаса до будильника.

— Что ты сказала?

— Я сказала, — с наслаждением повторила Рита, — что проснулась за полчаса до звонка будильника. Потому что легла спать вчера в одиннадцать и сразу заснула.

— Ты здорова? — недоуменно приподняла брови Марина Геннадьевна.

— Надеюсь. Просто мне в командировке понравился такой ритм жизни.

— Ты что, месяц в командировке пробыла? По-моему, от силы неделю.

— Если быть точной, три дня. Но мне хватило, чтобы завести новые привычки.

— А не нового ухажера? — иронически прищурилась мать. — Кстати, что-то я давно ничего про Романа не слышу.

— Сейчас услышишь, — пообещала Рита. — И про Романа, и про командировку, причем и то, и другое одинаково интересно. С моей точки зрения.

Рассказ о присланном с "курьером" пакете Марину Геннадьевну действительно рассмешил. Она не слишком закидывалась на мимолетных увлечениях дочери, поскольку надеялась, что здравый смысл, а главное, интуиция, помогут Рите избежать

серьезных потрясений в личной жизни. А там и кого-нибудь подходящего встретит, какие ее годы!

— Но в командировке ты кого-то встретила? — спросила Марина Геннадьевна, наделенная ничуть не менее острой интуицией, чем ее дочь.

— Массу людей, — безмятежно ответила Маргарита. — Соседи за столиком, дирекция санатория, отдыхающие в городке. Кстати, для вас с папой там — идеальное место отдыха. Пешие прогулки, велосипеды напрокат, плавание, рациональное питание, фантастический свежий воздух.

— Но там же, наверное, все по-литовски? Что будет по вечерам читать отец? Он без этого не заснет, ты знаешь.

— Проверено. Прекрасный подбор книг на русском языке в библиотеке. Именно то "легкое чтение", которое он обожает.

— Надо подумать, — пробормотала Марина Геннадьевна. — Из-за границы из отпуска так просто не выдернешь... я возьму вязание... остальное, кажется, подходит. Доченька, перебрось нам материалы про этот санаторий. Очень может быть, очень... Если твоей отец не найдет более подходящий вариант.

— Он купится на лодки и велосипеды, — безапелляционно отозвалась Рита. — Прикинь: европейский городок плюс пейзажная идиллия. И никаких автомобильных гудков. А если правильно спланировать маршруты походов, можно людей вообще не увидеть.

— Как я понимаю, одной тебе там отдыхать было бы скучно, — полувопросительно произнесла Марина Геннадьевна.

— Правильно понимаешь. Но я пока не знаю, какие у моего руководства планы в отношении моей загруженности, и когда мне дадут отпуск. Так что на меня не ориентируйтесь.

"Еще не хватало отпуск с родителями проводить! — внутренне усмехнулась Маргарита. — Могу себе представить эту идиллию. Последний раз мы вместе ездили... дай Бог памяти... одиннадцать лет тому назад в Керчь. Точнее, под Керчь..."

— У нас недавно выписался пациент, поехал, кажется, именно в этот санаторий долечиваться, — продолжала мама. — Надо будет ему позвонить, когда он вернется, и поспрашивать о подробностях.

— Вы что, подружились?

— Скорее, хорошо познакомились. Они с отцом во время его дежурств в шахматы играли, оба фанаты-любители. Ну и обменялись визитными карточками, а сейчас я вспомнила, что он собирался в Литву и, кажется, в "Эгле".

— Конечно, позвони, — равнодушно сказала Рита. — Если он там полный срок пробудет, он наверняка вам массу интересного расскажет. Тоже жертва ДТП?

— Нет, у него какая-то спортивная травма. Отец точно знает, я с этим пациентом мало общалась. Не мой профиль.

В общем, несмотря на отсутствие отца, "родительский день" прошел спокойно, и по дороге домой Рита, как всегда, подумала, что родителям крупно повезло: у них одна профессия, одни привычки, и даже папина страсть к игре в шахматы вполне компенсируется маминой любовью к вязанию. У них общие друзья, схожие вкусы в литературе и кино, оба одинаково хорошо готовят и не делают проблемы из того, кто купит хлеб, а кто пропылесосит квартиру. Они, как говорится, нашли друг друга.

И уже поздно вечером, закончив наброски докладной записки, Рита, расслабленно вытянувшись в ванной, подумала, что если не встретит такую же "половинку", то лучше останется одна. Старых дев сейчас не бывает, бывают свободные женщины.

И кто сказал, что это — плохо?

Окончание следует.

"На мне стоит ярлык супер-неистового", — считает актер. Для прикола Кейдж расставляет по дому клетки с ящерицами, аквариумы с осьминогами, черепа и дохлых мышей. Для исполнения ролей он готов съесть таракана, изучить иностранный язык, посещать тренажерные залы, чтобы накачать мускулы, и научиться играть на мандолине.

Кейдж — один из самых интеллектуальных актеров Голливуда. Он пишет стихи, рассказы, сценарии. Упорным, кропотливым трудом Ник поднялся на голливудский Олимп, но не возгордился. Теперь он может покупать дома, машины, самолеты и даже острова. Сейчас у него четыре дома и один из Багамских островов.

Благодаря славе и премиям (в частности, "Оскар" за роль в фильме "Покидая Лас-Вегас") он может выбирать самые интересные роли и импровизировать на съемочной площадке. В последние годы Николас сам стал снимать и продюсировать фильмы, а в свободное время любит промчаться на дикой скорости на одном из своих автомобилей. Никто не ожидал, что слабенький мальчик сделает такую блестящую карьеру.

Печальное детство хилого Ника

7 августа 1964 года в семье писателя Аугуста Коппола и хореографа Джой Вогельзаг родился сын Николас Ким Коппола. Он был до того слаб, что не мог брать материнскую грудь и его подкармливали соевым молоком. У Николаса два брата — Марк и Кристофер. В семье не все было благополучно: мать Ника из-за депрессии часто попадала в психиатрические клиники. Под воздействием электрошока потеряла память.

Свободное время Ник проводил за чтением книг и слушанием пластинок своего дедушки, музыканта Кармине Коппола. Отдыхал душой летом, когда его отправляли к знаменитому дяде

Фрэнсису Копполе в Сан-Франциско. Там его приезде с нетерпением ждали двоюродные брат и сестра — Рой и София, в прошлом году получившая "Оскара" за режиссуру фильма "Трудности перевода". Однажды Ник притащил в комнату Роя петарды, хлопушки, патроны и все это поджег. Добродушный дядя быстро отремонтировал комнату после пожара.

В школе хилого Ника часто били. В 1976 году, когда ему было 12 лет, родители развелись, и дети остались с отцом. Временно они жили у дяди Фрэнсиса в Сан-Франциско. Аугуст Коппола воспитывал детей на классической литературе, музыке и фильмах.

Одноклассники приезжали в школу на роскошных автомобилях, а Ник — на автобусе. В 15 лет он решил стать актером. Он поступил на летние курсы актерского мастерства в Сан-Франциско, а вернувшись в Лос-Анджелес, бросил ненавистную школу и отправился в Голливуд.

Как Ник стал Кейджем

В Голливуде Николас поначалу занимался чтением закадровых реплик во время прослушивания и проб. Его дебютом стала роль в фильме "Безумные дни в отеле Риджмонт" в 1982 году. Большую часть его роли сократили, и опечаленный Ник принялся продавать поп-корн в кинотеатре. В 1983 году он снялся в картине Марты Кулидж "Девушка из долины". Участвуя в кастинге этого фильма, Николас решил изменить свою фамилию из-за мировой известности дяди Фрэнсиса. "Я назвался Кейджем, потому что не хотел, чтобы фамилия моего дяди влияла на выбор режиссера". Назвал он себя так в честь своего любимца — героя американских комиксов Люка Кейджа.

Для того, чтобы сняться в фильме Алана Паркера "Птичка", Нику пришлось выбить два передних зуба. После неудачных проб к картине "Изгой" Николас хотел пойти в торговый флот. "Уйду в море, — решил он, — стану матро-

Эксцентрик из клана Коппопы

Семейный клан Коппопы — самый мощный в Голливуде. Его родоначальник Кармине Коппола — бедный итальянский эмигрант, ставший первой флейтой в оркестре Артуро Тосканини. Знаменитый актер Николас Кейдж изменил свою фамилию, чтобы добиться признания самому, а не из-за славы своего знаменитого дяди — режиссера Фрэнсиса Форда Коппопы. Только близкие знают, что его эксцентрические выходки — это бравада ради спасения от бульварной прессы.

сом и писателем". Но в это время дядя Фрэнсис взял его на съемки фильма "Бойцовая рыбка". Это его первая серьезная работа в кино. Продюсеры знали непредсказуемость Кейджа: он мог сыграть или великолепно, или ужасно. Великий дядя дал ему сыграть главную роль 40-летнего мужчины в фильме "Пегги Сью вышла замуж", а он так кричался перед камерой, что картина из романтической фантазии превратилась в фарс. Дядя Фрэнсис вынужден был устроить ужин для съемочной группы, требовавшей удалить Ника. Сам Кейдж остался доволен своей работой, но дядя решил больше не приглашать его играть в своих фильмах.

Шер выбрала Николаса своим партнером по фильму "Очарованные лунной", потому что, по ее мнению, "грустные глаза Кейджа свидетельствуют о том, что он постоянно погружен в свои мысли". В фильме Дэвида Линча "Дикие сердцем" он сыграл роль Сейлора в духе Элвиса Пресли. "Я всегда придерживался системы Станиславского, — заявил он, — считавшего, что нельзя заниматься имитацией игры другого исполнителя, но решил, что надо придумать что-нибудь новое". Ему помогла войти в роль куртка из змеиной кожи. Работа у Линча сделала Кейджа мировой знаменитостью. У своего брата Кристофера Коппола он снялся в фильмах "Западня" и "Смертельное падение".

Похождения молодого Кейджа

20-летний Ник, познакомившись с актрисой Джени Райт, встречался с ней два года. После Джени настала очередь Умы Турман. Первая помолвка у Кейджа была с моделью Кристен Занг. Потом последовали романы с моделями и актрисами Лори Эллисон, Сарой Джессикой Паркер и многими другими.

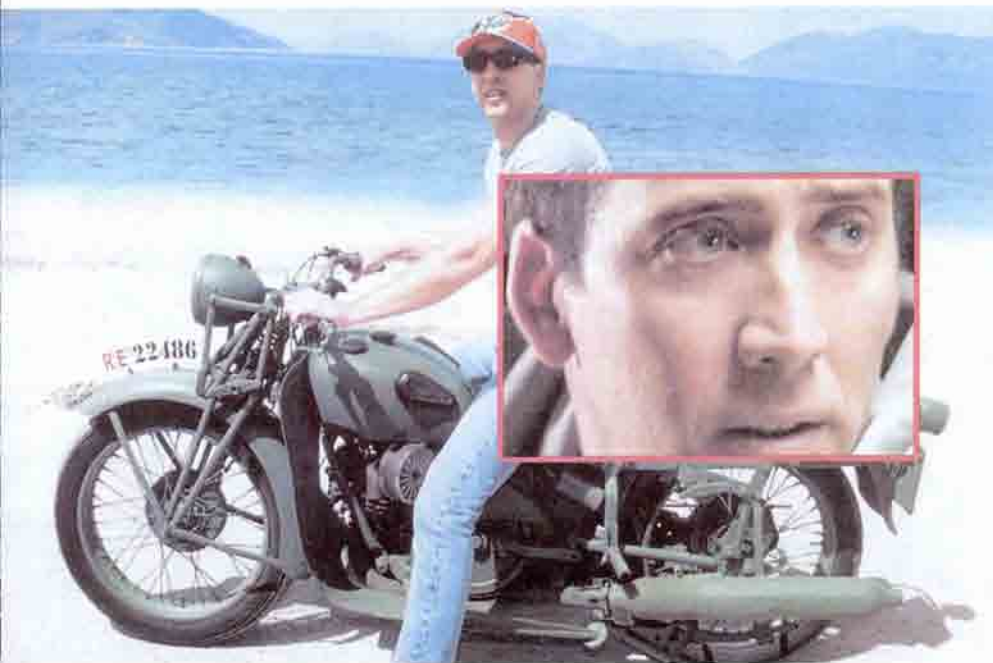
Все думали, что уж модель и актриса Кристин Фултон (играла эпизодические роли в "Дракуле Брэма Стокера", "Глазах змеи") приведет Ника к алтарю. Но все закончилось рождением сына Уэстона.

После чего Кейдж бросил курить и стал осторожнее водить машину.

Когда он играл в боевике "Без лица", то хотел взять с собой Уэстона, но потом решил, что мальчику не надо находиться там, где стреляют даже холостыми патронами. Вскоре Кейдж расстался с Кристин, а Уэстон жил попеременно то у папы, то у мамы. Кристин не помогло и то, что она три года старательно копировала манеры Николаса.

Николас долго присматривался к понравившимся девушкам, прежде чем на что либо решиться. Но в 1987 году, влюбившись с первого взгляда в Патрисию Аркетт, сразу сделал ей предложение. Тогда Патрисия, младшая сестра известной актрисы Розанны Аркетт, только начинала свою карьеру. Она выросла в коммуне и в 19 лет стала матерью-одиночкой. Когда ее сыну Энцо исполнился месяц, она порвала с его отцом. Наслышанная о крутом нраве Кейджа, Патрисия тут же придумала три невыполнимых желания, и Николас, как сказочный персонаж, их исполнил.

"Ты подаришь мне черную орхидею, автограф Элинджера и фигуру Большого Боба с вывески ресторана на другой стороне улицы". Патрисия знала, что черных орхидей не бывает. Николас вышел из положения, покрасив бурую орхидею в черный цвет. Всем известно, что писатель Элинджер 40 лет живет отшельником в своем поместье и автографов никому не дает. На острове, где обитал 70-летний писатель, Кейджу удалось "пообщаться" лишь с домофоном. Получив отказ, он опустил в почтовый ящик несколько тысяч бумажек, на каждой из которых была его роспись и записка: "Когда я стану знаменитым, — писал он, — вы продадите эти автографы, сейчас же мне нужен всего один — ваш автограф, чтобы невеста согласилась выйти за меня замуж". Через час Николас получил желанный автограф классика. Потрясенная Патрисия помчалась к ресторану, но огромная толпа не позволила ей подъехать к нему. Посреди улицы сто-

ял подъемный кран, а Николас руководил операцией по снятию Большого Боба. "Ник! — закричала Пэт, — остановись! Я выйду за тебя замуж!"

Влюбленная пара решила отправиться на Кубу, но из-за обычной социалистической безалаберности заказанные билеты не были готовы, и Ник закатил в аэропорту огромный скандал. Патрисия, увидев, как он страшен в гневе, отменила свадьбу. "В течение восьми следующих лет, — вспоминает Кейдж, — мы виделись всего четыре раза". В 1995 году Патрисия сама позвонила Нику и спросила, когда он на ней женится. "Да хоть сейчас!" — ответил барышне хулиган. Их церемония бракосочетания 6 апреля 1995 года длилась десять минут. Патрисия знала, в чем появиться на помолвке: на ней была одежда из черного винила, а торт на столе — любимого Николасом пурпурного цвета. Кейдж, ставший знаменитым и богатым, смог дать жене и ее сыну Энцо достойное существование, которого он был лишен в детстве.

От "Оскара" до "Мандолины..."

После фильмов "Очарованные луной" и "Дикое сердцем" Кейдж медленно, но неуклонно завоевывал репутацию талантливого и разностороннего актера. Он учуял интересный материал в независимой, малобюджетной драме "Покидая Лас-Вегас" и не прогадал: за роль алкоголика в картине Майка Фиггиса он получил премию "Оскар" в 1995 году. Чтобы войти в роль, Ник месяц посещал ирландские бары, упиваясь пивом.

В 1997 году он в фильме Джона Ву неожиданно запел в сцене, когда Джон Траволта приставил пистолет к его голове. Такой неожиданный "ход" понравился режиссеру. В 1998 году на Аллее звезд в Голливуде появилась "звезда" Кейджа.

От роли в рождественской картине "Семьянин" Кейдж отказывался пять раз. В этой романтической комедии ставится извечный вопрос: "Что лучше — быть богатым или счастливым"? Чтобы сыграть роль в мелодраме "Мандолина капитана Корелли" Николас научился иг-

рать на этом музыкальном инструменте. "Я каждый вечер, как бы поздно ни вернулся, — вспоминает он, — пару часов разучивал песни, которые исполнял мой герой". Режиссер Мэдден так охарактеризовал актера: "Ник страстен и упорен, соблазнитель, обаятелен и романтичен. У него хорошее чувство юмора. К каждой сцене он подходит по-особому".

Разлучница Пенелопа

Кейдж настаивал, чтобы на роль Пенелопы взяли его жену Патрисию. Он покорно приходил на пробы с очередной кандидаткой, пока Мэдден не сказал ему: "Ник, познакомься — это Пенелопа Крус". Съемки проходили на острове Кефаллония, о котором Байрон сказал: "Если я поэт, я обязан этим воздуху Греции". Кефаллония входила в состав царства Одиссея. Теперь же перед Николасом стояла испанская Пенелопа.

Когда проба закончилась, Мэдден сказал: "Ник, ты был великолепен. Пенелопа, — вы свободны". "Кто она?" — спросил Кейдж. "Решай быстрее, — ответил Мэдден, — через месяц у нее будет куча предложений от лучших продюсеров". В течение четырех месяцев съемок Ник и Пе не расставались, а Мэдден радовался рождению чуда: пленка запечатлевала любовь двух незаурядных людей.

Когда Кейдж вернулся домой, то сразу же объявил Патрисию о разводе. В мае 2001 года они развелись "из-за постоянной занятости на съемках", а Ник ожидал приезда Пенелопы из Мадрида. В аэропорту ее ждал роскошный лимузин, но она заявила, что не ездит в лимузинах, и пошла к стоянке такси. В Голливуде Крус слывет разбивательницей семей: после расставания с Кейджем она разбила еще одну знаменитую супружескую пару: Том Круз после съемок с ней в фильме "Ванильное небо" развелся с Николь Кидман.

Выходки Кейджа

Кейдж и во взрослой жизни продолжил свои эксцентричные выходки, нача-

тые в детстве у дяди Фрэнсиса. В 1991 году его обвинили в разрушении арендованной им квартиры. В судебном иске упомянули выбитые двери, проломленные стены и затопленный подвал.

Однажды во время авиарейса Николас подошел к микрофону и от имени командира экипажа объявил, что самолет

потерял управление. "Через минуту, — вспоминает хулиган, — вышел капитан и сказал, что это — не смешно. В аэропорту меня арестовали и долго допрашивали".

На съемках фильма "Коттон-клуб" Кейдж врвался в автомобиль уличного продавца, чтобы довести себя до состояния гнева, дабы лучше исполнить роль гангстера. При взрыве автомобиля пострадали уличные постройки, что вызвало негодование местных жителей.

На съемках фильма "Поцелуй вампира" Николасу в одной из сцен предстояло съесть сырое яйцо и он спросил у режиссера: "А почему бы не таракана?" Он боялся насекомых и таким образом хо-

Так, в картине "Скала" в сцене, где его герой сидит дома и ждет невесту, он решил раздеться. "Парень после своих подвигов, — заявил Ник режиссеру Майлу Бью, — сидит посреди комнаты с гитарой и бокалом вина. При этом на нем только кое-что из белья".

Николас любит честное кино, а цинизм ненавидит во всех проявлениях. "Когда я, — вспоминает он, — с Джеффом Левином основал продюсерскую фирму, то ориентировался на подлинную страсть и рыцарство". Он находит в каждом своем герое трагические стороны, усложняя характер. "Иначе скучно", — считает Ник. В картине Ридли Скотта "Человек-спичка" Кейдж сыграл роль шизофреника-преступника. "В его нервных тиках, в фобиях и ритуалах много интересного".

Образ жизни

"Для меня, — сказал Кейдж, — главное — семья и работа". Рождество он предпочитает проводить дома с друзьями, устраивая веселые вечеринки. Пить ему не надо, потому что и без алкоголя полон энергии. Единственное, что Николас себе позволяет — бокал красного вина. Он дружит с Джимом Кэрри, Чарли Шином и Томом Кэйтсом. Ну и, конечно, Кейдж общается со всем кланом Копполы, в особенности с кузиной Софи и братом Кристофером.

Как известно, аура у каждого человека окрашена по-разному. В 1998 году Кейдж считал себя седым. "Я чувствую, — сказал актер, — что я не черный и не белый. Серый — это цвет седины сродни середине между инь и янь. Восемь лет назад я воспринимал себя пурпурным, как смесь синего и красного цвета. Красный для меня всегда был очень гневным, а синий — слишком печальным. Серый же сейчас больше подходит". Слова Кейджа звучат, как музыка цвета и света.

До женитьбы на Патрисии Аркетт он жил в замке, обставленном, по его словам, в манере "горячей неоготики". Согласно легенде, он принадлежал вампи-

тел расстаться с фобией, но после этого страх у него не прошел, зато долго снились кошмары.

Неистовый Кейдж живет страстями, а кино играет в его жизни терапевтическую роль. "Благодаря кино, — уверяет он, — я не свихнулся и не попал к психиатру". Николас любит импровизировать.

ру. Замок с башнями, стрельчатыми арками, лепным фасадом, красно-коричневыми стенами, скульптурами химер находится на вершине одного из голливудских холмов. На стенах замка развешаны картины художников-авангардистов, а с потолка свисает огромное "чучело" пчелы-убийцы. В спальне Николаса стоит кукла Пинноккио в человеческий рост.

Обычный человек не может чувствовать себя комфортно в такой обстановке, а Кейджу нравится. Внешний вид хозяина соответствует интерьеру. Он любит одежду из черной змеиной кожи и гордится своей татуировкой — ящерицей, "ползущей" по спине. Николас стремится модно одеваться. Одним из первых стал носить однотонные рубашки и галстуки. На людях обычно щеголяет в темных очках и с сигарой в зубах. Его нельзя назвать красивцем: угловатая фигура, вытянутое лицо и голубые навывкате глаза. Поэтому в списке привлекательных мужчин "Кому за 40" Кейдж занял лишь седьмое место.

Ник так утомился от всеобщего внимания, что для уединения купил один из Багамских островов. Островной брокер Фархад Влади нашел для него остров площадью 500 акров (200 га). Красивый с богатой фауной. В свободное от съемок время Кейдж любит пройтись на закате по мокрому песку собственного пляжа. Тогда на его лице появляется улыбка безмятежности.

Коллекционер и не только...

Кейдж по недвижимости сравнился со своим дядей Фрэнсисом. Решив, что одного дома ему мало, он приобрел квартиру-пентхаус в центре Лос-Анджелеса и виллу в английском стиле в его пригороде. Чтобы общаться с семьей дяди, Николас купил викторианский особняк в Сан-Франциско.

Кейдж обожает мрачные интерьеры, оформленные в духе фильмов ужасов. "Я в детстве посмотрел фильм Жана Кото "Красавица и Чудовище" и с тех пор хотел пожить в замке Чудовища", — при-

знался Николас. Но главным увлечением Кейджа является коллекционирование редких моделей автомобилей. На аукционе он приобрел "ламборджини", принадлежавший шаху Ирана, за 500 тысяч долларов. Николас не любит посягательства на свою собственность, но в то же время легко с ней расстается. Когда угнали и утопили его любимый черный "порше", он продал еще три "порше", два "ламборджини", два "ягуара", два "бугатти", "корветт", "роллс-ройс", "феррари" и "форд-пикап".

У Кейджа — одна из лучших коллекций комиксов. "У древних греков, — считает он, — была своя мифология, а у нас своя — Микки-Маус и Бэтмен, Супермен и кока-кола — это наша слава". Библиотека комиксов занимает в особняке актера отдельную комнату. Он также коллекционирует мотоциклы, но катается на них меньше, чем в юности.

Казалось бы, для обычного человека достаточно игры в кинофильмах и коллекционирования, но Кейдж старается быть обычным человеком, хотя ему не всегда это удается. Коммерческий успех позволил ему снимать фильмы, первым из которых стала картина с шокирующим сюжетом "Сынок". На деньги Николаса в 2000 году поставлен фильм "Тень вампира". Он вместе с Джеффом Левином основал продюсерскую фирму.

"Если бы моя актерская карьера не удалась, — сказал Кейдж, — то я бы стал моряком или писателем". Он любит море и океан, и потому купил остров. Как и все звезды, Николас занимается и рекламным бизнесом. Ролик, в котором Николас играет японскими машинками "пачинко" (разновидность китайского пинболла), пользовался большой популярностью в Японии. Для этого Кейдж выучил по-японски фразу "Мне нравится пачинко!"

Зоопарк

В Валентинов день Ник подарил Патрисии Аркетт собачку породы дашхандж. Назвали ее Даша, потому что Па-

трисия любит имя Дашенька и сокращенное от него Даша. По особняку актера носилась китайская голая собачка. "Нет волос, нет шерсти — отлично для аллергиков", — с видом знатока резюмировал Кейдж.

Но главной страстью Николаса являются рептилии, гады и рыбы. "Маль-

чим образом положительно влияли на его карьеру.

В шести огромных аквариумах плещутся рыбки, среди которых легко заметить акул длиной полтора фута. "Они просто красавицы, — восхищается Николас. — И у них все хорошо с окружением и средой. Они не выглядят не-

чикам нравятся рептилии", — заявил хозяин дома. Мальчиками тогда были его сын Уэстон и сын Патрисии — Энцо. Гости шархались, увидев в доме полутораметрового варана по кличке Доктор Шин. В 2003 году Кейдж купил двух кобр и огромную клетку для них. Он любил залезать к ним в гости и разговаривать. "Когда я смотрю в глаза змей, — считает Ник, — я постигаю всю мудрость и всю обманчивость этого мира". В разное время в доме обитали две пятнистые ящерицы, редкий розовый осьминог и небольшой собачоголовый колумбийский удав. Неординарные пристрастия актера стран-

ными". Он не дает им имена. "Почти все животные, — считает Кейдж, — ничего плохого о нас не думают, поэтому не стоит придумывать им имена, все равно ничего не изменится". Правда, кобр он все же назвал Моби и Шеба.

Слава, деньги, эмоции

"Если бы я реагировал на странные истории обо мне в Сети или в обычной прессе, — считает Кейдж, — я давно бы уже сошел с ума. Но я решил просто не замечать этого. Я уже больше 20 лет работаю в кино и привык к плохим рецензиям и отказам. Многие хотят сказать о

знаменитом человеке какую-нибудь гадость”.

Один из охранников дома Кейджа умудрился вынести из дома актера 530 бутылок марочного алкоголя, несколько дорогих часов и часть коллекции комиксов. Кейджу пришлось приходиться на слушание дела охранника. “Чем больше у тебя денег, тем чаще приходится чувствовать себя идиотом”, — высказался он по этому поводу. Целая комиссия экспертов подсчитывала убытки актера, но он больше всего сокрушался о потере комиксов.

Самым близким другом детства Ника была мать. Танцовщица и хореограф, она изъяснялась стихами и делилась с сыном причудами своей фантазии. Он очень переживал, когда мать поместили в психиатрическую клинику. Теперь Ник мог видеться с ней только по воскресеньям. “Я был лишен, — вспоминает он, — женского общества. Долгое время женщины представлялись мне таинственными существами”. От матери Кейдж унаследовал сентиментальность. “Я не умею скрывать свои чувства и часто плачу, — признался он. — Если держать переживания в себе, они загнаивают и разлагаются, что приводит к депрессии”.

Помимо быстрой езды, страстью Николаса является вода, море, океан. “Я люблю рыбачить, кататься на лодке, а физическую форму поддерживаю ежедневными пробежками. Восемь миль бегом каждое утро, немного еды, — заявил Кейдж, — так и держусь”.

Своего отца, профессора литературы Аугусто Копполу Николас считает жертвой прессы и собственных интервью. “Отец, — заявил он, — научил меня ценить и понимать подлинную красоту и, хотя мы росли в бедности, отец привил нам чувство вкуса”. Кейдж подарил на Рождество отцу “бентли”, припарковал его около дома и обвязал красной ленточкой. “Папе машина пришла по душе, — признался с удовлетворением Николас. — Мы оба эмоциональны, только у него талант писателя, а у меня — актера”.

Корейская Золушка

В 2003 году Кейдж увлекся кабаллой. Как и Мадонна, Барбра Стрейзанд и Деми Мур, он стал посещать курсы голливудского Кабалла-центра. “Хорошо, что я продал свои коллекции и авто, — заявил Ник. — Я перестал поклоняться старым идолам и двинулся вперед!” Но, как скоро выяснилось, он двинулся не к мудростям кабаллы, а к следующему роману.

14 февраля 2004 году друзья привели Кейджа в ресторан суши “Авеню”. Это посещение повлияло на будущую жизнь актера: столик обслуживала симпатичная кореянка Элис Ким. Николас влюбился с первого взгляда. Так корейская Золушка нашла своего принца. Через два месяца после встречи 39-летний Кейдж и 20-летняя Ким объявили о помолвке. Элис совсем еще недавно жила вместе с родителями, так как у нее не было средств для покупки квартиры. Она мечтала получить хорошее образование, но и не думала, что кто-либо из голливудских звезд обратит на нее внимание.

Николас прокатил Элис на собственном реактивном самолете до Чикаго и после нескольких романтических ужинов сделал ей предложение. Безмятный пальчик Элис украсило колечко с россыпью бриллиантов и крупными изумрудами. Кейдж хотел купить ресторан, которым бы Элис руководила, но она до того скромна, что хотела продолжать работать официанткой и хвастаться своими романтическими достижениями. “Наглые папарацци, — сказал ей Ник, — тут же нахлынут в ресторан, где продает суши жена звезды Голливуда”.

Сейчас влюбленная пара ожидает рождения первенца. Хотя эксцентричность Кейджа с годами увеличивается, он считает себя нормальным человеком. “Мне кажется странным, что многие считают меня странным”, — так скаламбурил неунывающий Кейдж...

МОЛДОВИЯ

бульвар

137-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

Евгения БЕЛОКУРСКАЯ

Творцы с образованием

Если вы думаете, что для того, чтобы стать художником, нужен лишь данный свыше талант, а также кисти и холст, то вы заблуждаетесь. Как ни крути, а учиться все равно придется, равно как и любой другой профессии, если вы, конечно, собираетесь сделать творчество именно профессией, а не рисовать или лепить после напряженного трудового дня в офисе.

Естественным образом встает вопрос: "А где учиться-то?" Заведений, где готовят профессиональных художников и скульпторов, в Москве немало. Одно из них — Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова. Или в просторечии "Суриковка". Есть еще

"Строгановка" — университет имени Строганова. Между институтом и университетом постоянно идет негласная борьба — "суриковцев" обвиняют в устаревших взглядах и академичности, "строгановцев" — в излишне промышленном подходе к искусству, дескать, там готовят ремесленников, а не творцов. Но это так, заметки на полях. Вечный спор судить не нам, а истина, как всегда, где-то посередине...

Вернемся все же к институту. Большое старое здание в Товарищеском переулке, что на Таганке, трудно не заметить. Если попытаться заглянуть в окна (правда, они довольно высоко), можно увидеть мольберты, незаконченные скульптуры, а если повезет,

то и работающего студента. Вид человека, когда он творит — зрелище поистине завораживающее... Именно сюда, на Таганку, летом тянутся толпы абитуриентов, еще не представляя, через какие испытания им предстоит пройти. Сказать, что поступить в Суриковку сложно, значит, не сказать ничего. Для начала нужно пройти комиссию по допуску к экзамену — показать самостоятельные работы в соответствии с требованиями каждого конкретного факультета. Когда пройден первый круг, ни в коем случае нельзя расслабляться, ведь теперь предстоит самое главное — вступительные экзамены, которые длятся целый месяц. Каждый экзамен сдают в течение нескольких дней — ведь это или рисунок, или композиция... Затем комиссия смотрит на результат ваших трудов и выносит вердикт: учиться вам тут или не учиться. Большинство нынешних студентов поступили сюда далеко не с первого раза — слишком уж суров отбор...

Но, допустим, вы работали до седьмого пота и все-таки поступили. Что ждет за эти-

ми каменными стенами? Кстати, каменные стены только недавно "обросли" евроремонтом и засияли. А до этого времени регулярно не бывало то света, то тепла, а порой на четвертом этаже сквозь не залатанную крышу лились струи дождя. Студенты называли это "Солярис"...

В институте 5 факультетов: живописи, графики, скульптуры, архитектуры, а также истории и теории изобразительного искусства. На каждом факультете существуют персональные мастерские. Мне всегда было интересно, а как называются профессии, которые получают учащиеся художественных вузов. Теперь знаю: тут готовят художников-живописцев, художников театра, художников-графиков, художников-скульпторов, архитекторов-художников, искусствоведов. Всего учится 435 студентов, из них только 95 — бесплатно. Преподавателей тоже немало — 110 человек, среди них есть и доктор наук, и кандидаты, и профессора. Ректором на данный момент является Анатолий Андреевич Бичуков — народный художник России, профессор, Секретарь Сою-

за художников России. Свое нынешнее название институт носит совсем недолго, но история его начинается почти полтора столетия назад — в 1843 году, когда было основано Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Тем, кто, прорвавшись сквозь все заслоны, все-таки поступил, придется нелегко. Чтобы картина получилась высшего качества, нужно максимально использовать световой день, ведь при искусственном освещении живопись получается ядовито-желтой. Поэтому работать студенты начинают за рассветом и заканчивают с заходом солнца. Но и темное время суток не пропадает зря — можно изучать анатомию, слушать лекции по истории искусства...

Здесь чтят традиции. Стремятся дать учащимся всестороннее образование — они должны хорошо уметь писать с натуры, по воображению, по памяти, от себя... Это непросто, но студенты не жалуется — здесь практически нет "случайных" людей — сюда идут по призванию.

Когда идешь по институту, кажется, что тут ничего нет — пустые коридоры, особая, "творческая" тишина, но это обманчивое впечатление. Жизнь кипит. Только кипит она в мастерских — здесь часами неподвижно стоят модели, выстраиваются натюрморты, бесформенная глина превращается в античную голову... Во время же сессии институт и вовсе напоминает улей — кому-то надо срочно сколотить подрамник, кому-то — выровнять стену для будущей мозаики, кто-то готовит театральные декорации. И кажется, что ты попал в огромный цех, где все стучит, визжит и скрипит...

Если вы думаете, что после всей этой толкотни с экзаменами сможете устало смахнуть пот со лба и отправиться отдыхать, не тут-то было. То есть отдыхать вы, конечно, поедете, только это будет отдых в старинном русском городе, пейзажи которого вы будете писать. Да, работа продолжается и летом, но студентам это только в радость — вернуться осенью, полные новых замыслов и готовых картин.

Честно скажу — я всегда думала, что люди творческие — художники, скульпто-

ры — немного не от мира сего, что их жизненный "компас" показывает не строго на север, а слегка в сторону. Отчасти это, конечно, так. Мыслят студенты "творческих" вузов все же иначе. Они видят мир как-то по-своему. Может быть, уже нарисованным или вылепленным... Или не целиком, а какую-то его часть, но зато именно эту часть видят ярко и четко. Но, с другой стороны, это совершенно нормальные люди, которым не чужды простые человеческие желания, например, заработать деньги. Занятие это в принципе непростое, а творческим людям приходится еще тяжелее. И связано это напрямую с тем, что позволить себе купить картину или скульптуру просто для того, чтобы украсить свой дом, может далеко не каждый россиянин. А на Западе мы уже не в моде. Так что с продажей довольно сложно, хотя, конечно, работы продаются и иногда даже за вполне приличные деньги. Это что касается заработков. Но творцы — люди амбициозные, им интересно, чтобы картину видел не только ее владелец в своем загородном доме на каком-то там шоссе, но и "простые смертные". А где последнее это сделать? Разумеется, только в выставочном зале или художественной галерее. Значит, надо выставляться. Но, как говорят сами студенты, всегда есть выбор: можно все работы продать, но тогда не из чего устраивать выставку. А ежели не продавать, то останешься без денег. Дилемма, однако! И это еще только в том благоприятном случае, если твое творчество пришлось кому-то по душе, а то ведь такого ценителя и не найдешь... И тем не менее выход есть, и пользуется им большинство. "Для прокорма" занимаются дизайном — с дипломом художественного института на эту работу берут с удовольствием, а свободное время посвящают живописи — глядишь, и на выставку накопится, можно участвовать во всевозможных конкурсах, а там, если повезет, кто-то оценит картины да и купит их...

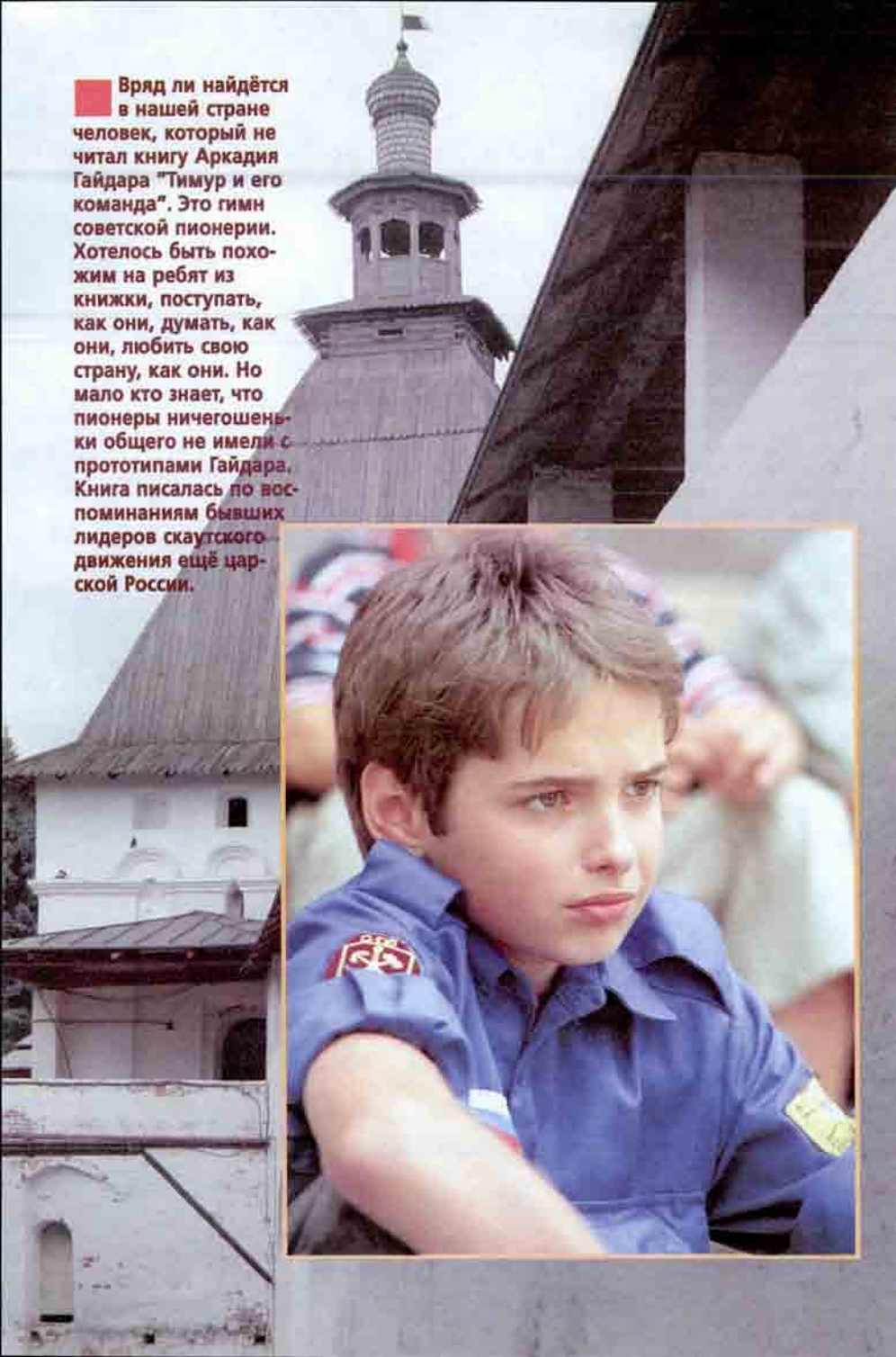
Как и в любом вузе, здесь есть свои бытовые и организационные проблемы. У Суриковского института есть свои помощники в их решении. Своеобразным "покровите-

лем" вуза является Зураб Церетели, президент Российской академии художеств и известный скульптор. Правда, к решению творческих задач руководство института его пока не привлекает. Может, оно и к лучшему, а то неизвестно, как подействует мастер на неокрепшие и тонко чувствующие души юных художников...

Скажу вам честно — иногда я радуюсь, что природа не наделила меня талантом в области рисования или музыки. Как представишь — таскать тяжелые подрамники, стоять весь день у мольберта или не вылезать из-за рояля... И мучиться, мучиться, мучиться поиском чего-то такого, что еще не было написано, нарисовано, вылеплено за всю историю человечества... Кажется, что это тяжело. Но посмотрев на лица людей, которым это действительно "в кайф", начинаешь думать: "Хм, да ведь совсем легко!" И создается впечатление, что из-под кисти сама собой рождается картина, а глина становится античной статуей...

Вряд ли найдётся в нашей стране человек, который не читал книгу Аркадия Гайдара "Тимур и его команда". Это гимн советской пионерии. Хотелось быть похожим на ребят из книжки, поступать, как они, думать, как они, любить свою страну, как они. Но мало кто знает, что пионеры ничегошеньки общего не имели с прототипами Гайдара. Книга писалась по воспоминаниям бывших лидеров скаутского движения ещё царской России.

Правнуки Тимура, или От скаута к следопыту

Дела давно минувших дней...

На момент революции в России насчитывалось более пятидесяти тысяч скаутов. Нужно сказать, что организация была настолько крепка и сплоченна, что молодая Советская власть боялась её, считая скаутов реальной угрозой новому строю. Может быть, зря боялась, чем ее дети смогли так напугать? История уже об этом один раз умолчала, и разговаривать её теперь совсем не представляется возможным. Факт в том, что скаутов разгоняли, преследовали, расстреливали. Кто успел, эмигрировал и продолжил своё дело уже за границей.

Что любопытно, сейчас модно говорить, что Россия — отсталая страна, что до нас всё доходит, как до жирафов... Однако скаутизм пришёл к нам очень быстро. И если английский полковник Баден-Поуэлл, вернувшись с англо-бурской войны, в 1907 году провёл первый в мире скаутский лагерь, то уже 30 апреля 1909 года лейб-гвардии капитан Олег Иванович Пантюхов организовал нечто похожее в Павловске, что под Санкт-Петербургом. Движение получило благословение императора и стало расти. Более того, мы можем гордиться первым в мире святым русским скаутом... Цесаревич Алексей состоял в Царско-сельском скаутском отряде.

Потом произошли всем известные события 1917 года, гражданская война, голод и разруха. Понятное дело — не до воспитания молодёжи — живым бы остаться. Но как только лихие ветры поутихли, Советская власть стала задумываться о том, что было бы неплохо воспитать новое поколение молодёжи, которое с молоком матери (прошу прощения, наставника) воссёт пар-

тийно-коммунистическую мораль. Что характерно, и название им придумали соответствующее: "Юные коммунисты". Детей планировалось из семьи забирать. В общем, должны были получиться этикие янычары с идеологическим уклоном. Но! Кто этим занимался? Бывшие военные. Кто составлял распорядок дня? Вряд ли другие люди. В итоге хождение строем, распевание революционных песен и изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, к великому изумлению руководителей проекта, не встретило ни капли энтузиазма со стороны подрастающего поколения...

Выводы сделали оперативно и придумали пионеррию. Очень неплохую организацию (особенно по сравнению с "Юными коммунистами"), где уровень политизированности был на вполне приемлемом уровне. И всё бы хорошо, если бы не очередное "но". После не менее всем широко известных событий начала девяностых пионеров не стало. Их, конечно, уже никто не преследовал и тем более не расстреливал — сами разбежались.

Получилось, вроде бы, неплохо. Везде свобода слова и самоопределения. Никто никому ничего не навязывает... Однако лишённая опеки молодёжь восприняла свободу слова исключительно как повод для признания единственно возможным языком общения русский мат, а свободу самоопределения — как вседозволенность. В итоге, хотели — как лучше, а получилось даже хуже, чем всегда.

К корням

В последнее время вновь намечается некий ренессанс. В том смысле, что про молодёжь снова вспомнили. Вспомнили, что, как это ни удивительно, из пятнадцатилетних ти-

нейджеров со временем получают взрослые люди, которые потом идут на работу, занимают различные посты и даже принимают участие в управлении страной... Это в идеале. Из потерянного поколения девяностых уже вряд ли что получится.

Сегодня молодёжные отделения имеет любая, уважающая себя партия, начиная с коммунистов и единокроссов, и заканчивая либеральными демократами. Но всё это не то. Даже на пионерку похоже очень отдалённо. Выходит, все традиции потеряны? Не тут-то было. Выход есть всегда, и пришёл он со стороны, о существовании которой некоторые вообще начали забывать. 6 декабря 1990 года при благословении и поддержке Русской Православной Церкви родилось Братство Православных Следопытов...

Пусть никого не пугает название организации, здесь нет ничего общего с церковно-приходскими школами, ни с духовными семинариями. Нет. Самые главные слова — "братство" и "следопыты". Следопытом может стать любой человек, это не обязательно должен быть ребёнок из сильно верующей семьи. Программа абсолютно открыта. К кандидатам предъявляют всего два требования: наличие некоего минимума нравственных принципов и аналогичный минимум поведенческой культуры — не пить, не курить, матом не ругаться. Отношения в коллективе строятся исключительно на доверии и отсутствии ограничений со стороны старших. А са-

мое большое наказание для скаута — исключение из организации.

Что касается православного аспекта, то проблем не возникает. Ребята сразу видят, что священник в рясе — сначала такой же живой человек, как они, а потом уже всё остальное. Тем более, что возраст наставников редко когда превышает 30 лет. А собственно обучение? Оно носит исключительно духовно-нравственный, историко-этнографический и православно-познавательный характер. Все — на добровольной основе, из-под палки никто ничего не делает.

Главный офис в Москве находится на территории Крутицкого Патриаршего подворья. Правда, офисом в полном смысле этого слова данное помещение назвать сложно. Конечно, здесь есть секретарь, несмолкающие телефоны, компьютеры... но это только задний план. Первым делом в глаза бросаются десятки, сотни фотографий, которыми обклеены все стены. Стенгазеты, плакаты, стенды — вся история движения за пятнадцать лет. Но всё же самое ценное — фотографии с походов. Даже не они сами, а те эмоции и те лица, которые на них запечатлены. Одухотворённые, радостные, лучезарные и счастливые.

Конечно, занятия проводятся и на подворье. Но это получается скаутинг в городских условиях с очевидным преобладанием теоретической составляющей. Хотя руководители проекта умудряются удивить своих воспитанников и в городской черте. Так, в этом году по вековым деревьям подворья протянули канатную альпинистскую трассу, по которой мальчишки и девчонки с упоением лазали. Но это, как говорится, цветочки. Самые спелые и вкусные ягодки — различного рода походы и поездки.

Вон из города!

Ведь что должен уметь настоящий следопыт? Выжить в лесу и ориентироваться там не хуже Маугли, сделать непромокаемый шалаш из веток, вырыть в снегу берлогу, наподобие медвежьей, в которой в самый лютый мороз не замёрзнешь. Знать все съедобные грибы-ягоды, уметь готовить пищу в полевых условиях, навести переправу через реку, имея только топор и пятьдесят метров верёвки, изготовить из подручных средств компас — вот

минимальный запас навыков и умений настоящего следопыта. Разве можно этому научить в теории? Нет, только руками, только на собственном опыте, под руководством опытных наставников.

Каждый год ребята выезжают в окрестности Керчи. Я специально не говорю "в Керчь", потому что организаторы постоянно стараются максимально разнообразить программу. Вот и получается, что места каждый год разные. Кроме всего прочего, в Крыму следопыты занимаются раскопками на местах древних городов и поселений.

Выезжают и под Рузу. Занимаются альпинизмом, сплавом на лодках по реке, разбивают палаточные лагеря, наводят переправы, учатся науке выживания. Как говорят ор-

ганизаторы, погода ещё ни разу помешать не смогла. Ребятам лишь бы дали в руки топор, палатку, разрешили развести костёр и не мешали всем этим заниматься. Есть и трудные лагеря. Это обычное мероприятие, с тем лишь отличием, что следопыты во время пребывания, как могут, помогают в восстановлении какой-нибудь церкви или монастыря.

На самом деле, программа намного обширней, скажу лишь, что мероприятия и выезды идут в формате "non stop". Подмосковье, Питер, Золотое кольцо России, курсы повышения квалификации для руководителей, всемирный слёт скаутов в Таиланде (есть и такой).

Как занесло тебя сюда?

Когда движение только зарождалось, первых детей находили в близлежащих школах, потом появилась информация в различных средствах массовой информации. Теперь люди сами ищут способы сделать своих детей юными следопытами. Встречаются и вполне курьёзные случаи.

Андрей, следопыт со стажем:

— Привела мама, ещё в 2000 году. Один мой знакомый, он уже был здесь, очень неудачно сломал ногу, перед самым отъездом на Чёрное море, а путёвки оплачены, деньги, понятное дело, не вернуть. Наши родители были знакомы, вот и предложили поехать мне. Я и поехал. Завлекло, решил и дальше ездить. Теперь сам своих друзей-товарищей привожу. Пока всем нравится.

Вещь в себе

В следопытов торжественно посвящают. Отряды разделены на мужские и женские. Есть своя внутренняя иерархия со званиями и знаками отличия, своя форма. Поверх синей рубашки повязывается галстук цветов российского флага. И если с галстуком всё предельно понятно, то выбор "титульного" цвета формы объясняется довольно оригинально. Это цвет неба, цвет Богородицы.

Для получения каждого очередного звания (а их приличное количество: новик, кадет, младший кадет, старший кадет, следопыт, ровер, мастер) нужно либо пробывать в следопытах определённое время, либо пройти испытание.

Антон, 15-летний следопыт:

— Запомнилось испытание под названием "Три орлиных пера" нынешним летом в лагере под Джубгой, на Черном море. Мы ушли в поход в Голубую лагуну и испытывали волю: ночевать под открытым небом, во время ночевки не есть и не разговаривать. Мальчикам разрешили взять с собой только коврик, девочкам — спальный мешок. Воспоминания остались потрясающие.

Цена вопроса?

К слову о деньгах. Руководители проекта стараются сделать цены на выездные лагеря как можно более доступными. Отчасти это получается за счёт того, что организация — некоммерческая, и прибыль в её деятельность не закладывается, отчасти за счёт помощи спонсоров. В этом году случились накладки, и за путёвки пришлось платить больше, но, слава Богу, не много. Так, поездка в Керчь обошлась в 8000 рублей с человека, в Рузу — 6000. Кроме того, родители — постоянных членов братства следопытов платят ежегодный взнос: от 50 до 150 рублей, в зависимости от достатка семьи.

Вместо эпилога

Братство насчитывает сегодня две с половиной тысячи членов по всей России, из них в Москве — четыре сотни человек. И это только активных членов. В каждой епархии появляется свой отряд юных следопытов. География более чем обширна: Тверь, Тула, Кемерово, Красноярский край...

Сам собой возник вопрос, как же это, всё сами, своими силами, можно сказать, с нуля.

Отец Михаил, один из кураторов проекта:

— Конечно, трудно. Ребят учим, и сами до сих пор вместе с ними чему-то новому учимся. Уже пятнадцать лет. А как подумаешь, сколько уже сделано, ведь начиналось всё в Москве с маленькой творческой лаборатории... Сейчас вот над своим сайтом работаем.

Остаётся только пожелать удачи этим мужественным, целеустремлённым людям, которые практически на голом энтузиазме пытаются не дать нашим молодым ребятам навсегда потеряться в бетонных джунглях городов и не испортить свою жизнь, самовоспитываясь на "героях" нашего телевидения, таких как Бивис и Бадхед.

Кирилл СОРОКИН

Вечно молодой

Издревле человек стремился продлить свою жизнь, резонно полагая, что за наш короткий век всегда остаются вещи, которые ты не успеешь сделать. Все предпосылки для этого есть. В многочисленных трудах наших предков можно найти почти сказочные свидетельства весьма продолжительной, по современным меркам, жизни

некоторых богатырей, героев, магов. Да и XX век оставил нам несколько рекордсменов: Ширали Муслимов, проживший с 1805 по 1973 год; крестьянка Ло Масен из деревушки Бама, недавно разменявшая 135 лет. В общем, ученые вцепились в эту проблему мертвой хваткой. Что из этого получилось на сей день, судите сами.

"Алхимики" наших дней

Первый прорыв в достижении бессмертия совершили американцы Райт и Шей. Они нашли фермент, который отвечает за старение клеток. Теломераза (так он называется) позволяет клеткам не заканчивать свое постоянное деление, обеспечивая, таким образом, вечное обновление тканей. То есть, если периодически вводить этот фермент в каждую клетку, то организм может жить бесконечно долго. Но опыты показали, что существует некий механизм (пока неизвестный), который при беспрепятственном делении клеток превращает их в раковые. Что ж, этот путь пока оказался закрыт.

Однако ученые не опустили руки. Итальянские — предложили к использованию гормон роста и мелатонин. Мелатонин продлевает все жизненные циклы организма, гормон роста дает общеукрепляющий эффект. Так мыши (бедные наши вечные помощники) прожили вдвое дольше.

Американский геронтолог Денкла изобрел и обосновал теорию, которая гласит, что старение организма происходит на гормональном уровне, а источник его находится в мозге человека. Поэтому, когда подопытным животным удалили гипофиз, эксперимент удался. Денкла высказал предположение, что после достижения половой зрелости гипофиз выделяет специальный гормон, который и заставляет стареть организм.

Другие ученые пытались снизить температуру тела человека, ведь чем она ниже, тем медленнее идет физиологический процесс. Считается, что при снижении температуры тела на 2 градуса организм проживет до двухсот лет, а на 4 — 700 лет!!!

Весьма любопытный способ предложил биолог Сурен Аракелян. Он разработал метод физиологически полезного голодания. Благодаря ему он считает, что уже в ближайшее время можно продлить жизнь до 120 лет, а в будущем — до 500. Его метод прост: при физиологически полезном голодании из клеток выводится натрий, а вместо него из межклеточного пространства в клетку попадает калий. При замене натрия калием в организме происходит своего рода глобальная чистка.

Аракелян пробует свой метод с 1965 года (родился он в 1926). Он голодает первого, второго, третьего числа каждого месяца, одну неделю раз в три месяца, две недели — раз в полгода и месяц — раз в году. При этом он пьет только воду с добавлением антистрессового препарата плюс некоторые очистительные физиологические процедуры. В повседневном питании (кстати, двухразовом) биолог рекомендует 50 граммов изюма или 2 сырые морковки, либо один апельсин, яблоко, либо 100 грамм свежей капусты или 50 граммов гороха, фасоли, чечевицы, или 100 граммов пшеничных зерен, гречневой (перловой) крупы. Убедительная просьба, без рекомендации врачей не употреблять такое питание.

Список подобных диет и других изысков ученых можно продолжать долго, однако самым реальным на данный момент способом продолжения жизни ушедшим дальше тотального использования грызунов, являются криокамеры. Всего за 120 тысяч долларов в США и Европе (за все тело и 50 тысяч за голову) можно получить индульгенцию от смерти до тех пор, пока врачи не научатся лечить те или иные недуги. При этом большие надежды возлагают на нанотехнологию. При постепенной разморозке человека в его организм будут вводиться нанороботы, которые исправят поврежденные при заморозке или болезнью клетки. В итоге, общество получит не больного и стареющего человека, а здорового и молодого. По нынешним прикидкам, процесс размораживания займет около трех месяцев.

Е-человек

Необычайно быстрое развитие компьютерной технологии и особенно микрочипов, позволяющих на одном квадратном сантиметре размещать сотни тысяч электронных элементов, открыло перед человечеством совершенно другой метод решения проблемы бессмертия отдельного индивидуума. Этот путь основан не на сохранении хрупких биологических молекул, а в переходе на искусственные полупроводниковые чипы, устойчивые при больших колебаниях температур, которые не нуждаются в пище, кисло-

роде, сохраняются тысячи лет. И, что очень важно, информация из них легко может быть переписана в другой чип и храниться в нескольких экземплярах.

Поэтому они предлагают перейти на микрочиповую основу мозга. Создать человеку искусственное туловище, практически вечное, устойчивое к переменам условий окружающей среды и т.п. Кроме того, появится возможность создавать и менять свой облик по своему желанию. Александр Болонкин считает, что если бы средства тратились не на медицину, а на развитие такой теории, то уже сейчас был бы возможен подобный рынок.

Ученый считает, что переход от Homo sapiens к Е-человеку (так их называют) возможен уже через пару десятилетий, а спустя еще некоторое время бессмертие станет доступно любому жителю Земли.

В общем, райская картина. Каждый житель планеты сможет получить какие угодно знания, причем за несколько секунд стать спецом в той или иной области. Биологическое размножение, видимо, будет дорогим способом продления себя в истории, проще всего просто копировать свое "я", создавая нового индивида. По этой причине число биологических людей уменьшится, скорее всего, их изолируют от основного общества, или они сами изолируются от него (старообрядцы своего рода).

В качестве органов чувств Е-существа могут использовать весь арсенал высокочувствительных приборов, созданных цивилизацией, то есть не только видимый свет и звук, но радиолокацию, инфракрасные, ультрафиолетовые, рентгеновские и гамма-лучи, ультра- и инфразвуки, звуколокацию, анализаторы окружающей среды и т.п. Информацию обо всем они могут получать мгновенно по радио, спутниковой или кабельной сети.

Более того, поскольку Е-существа (как и человек) есть не что иное как информация, записанная в его мозге, а перезапись этой информации из чипа в чип не представляет (в отличие от человека) никакого труда и может происходить по радио, кабельной сети или при помощи остронаправленного ла-

зерного луча, то перемещение Е-сущест в как на Земле, так и в космосе может происходить без их физического перемещения, путем перезаписи содержимого их мозга в чипы мозга, находящегося на Луне, Марсе или Юпитере.

Е-существа будут обладать возможностью внетелесного перемещения с гигантской, световой скоростью — максимально возможной в физическом мире. Это действительно будет бестелесная душа, которая сможет перемещаться из тела в тело, точнее, из чипа в чип. Распространение Е-сущест в (Е-цивилизации) сначала в солнечной системе, потом в нашей галактике, а затем и во Вселенной начнется быстро. Для этого даже нет необходимости посылать большие космические корабли с крупным экипажем, как это изображается в фантастических романах. Достаточно забросить в ту или иную точку космического пространства приемник, который бы принимал информацию и воспроизводил Е-существа. Тогда скорость роста Е-общества на данной планете будет зависеть только от скорости производства чипов и роботов и скорости передачи информации для записи в новые чипы. Очевидно, что размножение таких Е-сущест в будет происходить в геометрической прогрессии и ограничиваться только природными ресурсами (полезными ископаемыми) данной планеты.

Луч света путешествует до других галактик миллионы лет, поэтому такая в полном смысле слова бестелесная душа может существовать миллионы лет в виде электромагнитного поля и при помощи приемника реализовываться (воскрешаться!) в виде Е-существа. Или же и без приемника, ибо электромагнитные колебания высоких энергий рождают материальные частицы, а их энергия (частота колебаний) возрастает при приближении к сильному гравитационному полю, например, около "черной дыры". Но поскольку Е-существу нетрудно будет сделать молекулу ДНК, это значит, что, оставаясь в космосе, он может занести биологическую жизнь на любую подходящую планету и управлять, развивать (усложнять) ее в нужном ему направлении, например, создать человека...

Денис ЛОГИНОВ

Департамент нежности

Как и во всех порядочных королевствах, в Королевстве Бельгийском есть свои маленькие странности. Городок Кройбек по всем понятиям — глубинка. Конечно, глубинка не пыльная, не заброшенная. Да и покосившихся срубов не увидеть. Все дома — кирпич под черепицей и цветы на окнах, как в журналах. Городок рассекает трасса, по которой катят вполне пристойные машины и яркие грузовики. Все практически как и везде в старой и доброй Европе. Но отличие все-таки есть. На самом въезде в Кройбек через дорогу висит плакат: "Пожалуйста, рулите осторожнее! Вы въезжаете в город, в котором живут милые люди!"

Кое-что об этом необычном "нежном" месте уже довелось читать, и поэтому знакомство с такой явно "нештатной" городской ситуацией решил начать прямо с капитанского мостика — мэрии, городского совета. "Добро пожаловать, милые люди!" — эту надпись я нашел уже на двери бургомистра. Здесь же, на всякий случай, еще одна табличка: "Извините, если меня нет на месте.

Звоните по моему мобильному телефону". И тут же указан номер мобильного.

И никакой строгой секретарши, помощников, референтов, ни томящихся в очереди посетителей к бургомистру Антуану Денерту.

Сам бургомистр оказался не лишеным удивительного сходства с классиком исторического материализма. Тепло поздоровался, на секунду оторвавшись от бумаг, достал откуда-то из-за бороды мобильник, предупредил, что опоздает на полчаса по случаю приезда корреспондента московского журнала, налил из термоса две чашечки кофе и действительно за полчаса ответил на все интересующие меня вопросы.

Оказалось, что Антуан Денерт вообще любит всячески ломать привычные бюрократические традиции. И уточняет, что он по должности своей не бургомистр, потому что "Bourgomester" это в переводе "Хозяин города". А он предпочитает называть себя "Bourgodiner", то есть "Служитель города".

Укором всем прочим бюрократам звучит и основная политика городского Совета — политика "Милые люди". А несколько лет

назад Денерт учредил в Совете еще и специальный "Департамент нежности". С начальником, штатом сотрудников, регулярными отчетами и книгой отзывов и предложений. Используя всю мощь наглядной агитации и личным примером, работники горсовета призывают горожан побольше обниматься и целоваться, искать в знакомых и незнакомцах друга, а не врага.

Надо честно признаться, что никаких таких особых проявлений нежности на улицах я не увидел. Может быть, потому, что днем здесь довольно пустынно — все на работе. Правда, на поручне моста через городской канал, свесив до земли свой очаровательный хвост, сидел павлин, а в распахнутом окне дома на центральной улице на подоконнике холеный черный кот в розовом ошейнике неспешно приканчивал из стеклянной чашечки розовый йогурт.

Имея в виду, что в Бельгии не за горами выборы, логично было предположить, что весь этот "нежный пиар" — просто элемент предвыборной агитации. Да и служащие горсовета намекали на серьезные политические амбиции Антуана Денерта. Оказалось, что сам Денерт своих желаний подняться по политической лестнице не скрывает.

— Да, да! Это действительно моя мечта — стать министром! Причем обязательно военным министром, чтобы преобразовать министерство обороны в министерство нежности. Нежность не меньшее оружие, чем сила. В конце концов, можно у человека отнять бумажник, а можно его очаровать и он вам сам отдаст деньги!

Говорят, что Денерт очень нежно умеет уговаривать местные компании раскошелиться на нужды города. А в понятие нежности включает не только объятия и поцелуи, но и чистые улицы, удобный общественный транспорт. Может, еще и поэтому горожане избирают Антуана Денерта бургомистром вот уже 20 лет.

Интересно было узнать, что образование "Департамента нежности" вовсе не случайно совпало с началом американской войны в Ираке.

— Нежность, — говорит Денерт, — можно внедрять не только у нас, но и в других

странах. Иракской войны можно было избежать. Нужно было просто очаровать Саддама. Шармом можно достичь куда большего, чем угрозами.

Чуть позже, прогуливаясь по улицам Кройбека, я несколько раз видел Денерта. То выходящим из страховой конторы, то покупающим букет в цветочном магазинчике, а то и просто беседующим с пенсионерами, посещающими в такой тихий для торговли час городской универсам. В конце концов, увидев не сходявшее с моего лица удивление, Денерт предложил мне на его небольшом "фольксвагене" проехать, как он говорит, в небольшой рай. Опять же для "милых людей" — жителей его городка.

Прощальная "пытка нежностью" оказалась самой чувствительной. Бургомистр показал мне замок, откупленный местной общиной у разорившихся аристократов. Зеленые холмы спадали к переливающимся на солнце ручьям. Прямо из чистой воды обширного озера поднимались средневековые кирпичные стены с завитыми башенками. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что замок нуждается в очень серьезном ремонте, который, кстати, идет полным ходом. Оказалось, деньги для реставрации нашлись быстро, когда Денерт отвел последний этаж под Академию изящных искусств. А культура в Бельгии, как и во всяком уважающем себя королевстве, финансируется не по остаточному принципу.

Просторные нижние помещения — теперь залы для торжеств и выставок.

Когда мы с ним вошли в светлую гостиную с хрустальными светильниками и старинными книгами в темных шкафах, Денерт нажал какую-то кнопку и завел до боли знакомую мелодию. По историческому великолепию лились мощные звуки российского гимна, показалось даже, что это еще тот первый, советский вариант. Антуан тоже внимательно слушал, стоя перед своим скульптурным портретом. Они торжественно смотрели друг на друга — Денерт бронзовый и Денерт настоящий, живой. Ему, как видно, очень хотелось сделать приятное гостю из Москвы. Тоже своеобразное проявление нежности.

Не упустить свой шанс

Она одна из самых красивых и экстравагантных молодых актрис в "La' Theatre". В ней есть стиль, класс. Она легко перевоплощается и играет как тургеневских барышень, так и истинных женщи-вамп. Хрупкая, пластичная, утонченная — Инна Милорадова настоящая находка для хореографов-постановщиков, у Инны нет ни одного спектакля, где бы она ни танцевала! Искрометный темперамент, лучистая энергетика, кошачья грациозность, огромные, удивляющиеся глаза, эта актриса, несмотря на молодость, из тех, кто затягивает и погружает в океан сценических страстей.

— *Инна, когда впервые вы соприкоснулись с творчеством, как родилась любовь к драматическому театру?*

— В детстве училась в Московском хореографическом училище Большого театра и мечтала стать балериной, но однажды случилось так, что медкомиссия не разрешила продолжить обучение, и это была страшная трагедия. Чтобы хоть как-то отвлечь от произошедшего, мама водила меня на драматические спектакли, но все равно я хотела танцевать. Однажды узнала, что при театре Вячеслава Спесивцева набирают танцевальные классы, и стала там заниматься. Потом, осознав, что мне необходимо играть на сцене, посещала студию замечательного педагога — Татьяны Михайловны Прялкиной. Надо отдать ей должное — мы, ее ученики, все с первого раза тогда поступили в театральные вузы. Я училась в школе-студии МХАТ у замечательных педагогов старой школы. По окончании, сразу же сделала выбор в пользу антрепризы. Вадим Дубровицкий пригласил меня на небольшую роль в свой мюзикл "Театр города Глупова" по М. Е. Салтыкову-Щедрину. Играли там питерские актеры, а премьера состоялась на сцене театра Ленком в Москве, затем в С.-Петербурге в театре имени Комиссаржевской. Мюзикл тщательно ставился, переделывался в течение двух лет, в результате получился грандиозный спектакль с балетом, хором, джазовым коллективом, потрясающими декорациями. Тогда еще антреприза считалась большой редкостью. Содержать же такой спектакль, не имея постоянной сцены, было очень сложно — он распался, к сожалению. Но Вадим продолжал ставить, а я продолжала у него играть. Также работала с Л. Пчелкиным, он ставил на телевидении спектакль "Дни Турбиных"; сыграла Елену Тальберг.

"Романа" с государственным театром у меня не случилось, хорошо это или плохо — не знаю. У каждого своя актерская судьба. По-разному складывалась жизнь у моих друзей-актеров, но у многих, определившихся в государственных театрах, творческая биография "ушла в никуда". Сейчас артист имеет возможность выбирать, где

играть, в какой труппе, с каким режиссером — это замечательно, и это право выбора дает антреприза.

— *Некоторые скептически относятся к антрепризе...*

— Я вижу в антрепризе все только положительное — не нахожу ни одного отрицательного момента. Как мне кажется, театр изначально может быть только антрепризным. Но следует четко разделять — что такое халтура и что такое честная профессиональная творческая работа. Халтура — это когда, скажем так, на сцену вышли два актера с невыученным текстом и парой стульев, и их основная цель — собрать бешеные деньги, и их ничего не интересует, кроме финансов. Я говорю об истинном творческом процессе, когда собирается группа единомышленников-профессионалов. В антрепризе каждый актер сам выбирает режиссера, партнера, материал, и если все аспекты совпадают, только тогда он начинает играть в спектакле. В антрепризе я сама выбираю свою судьбу, а не главный режиссер, который, что скажет, с тем ты и обязан согласиться. Если режиссер стационарного театра может поставить любой спектакль, не задумываясь о его дальнейшей жизни (все равно, мол, на дотации), то режиссер антрепризы не имеет права на ошибку — спектакль должен оправдать себя и творчески, и финансово, он должен нравиться публике. А следовательно, быть хорошим. Антреприза предполагает, что актеру за работу постоянно платят, а значит, он может отдаться ей полностью. "Отодвинуть" на время какие-то другие проекты, потому что сейчас ему есть на что жить. Играть в антрепризе — огромная ответственность. Коллектив актеров нашего "La" Театра" это понимает и работает с полной отдачей.

— *Как сейчас, в наше сложное время, актеры драматических театров "выживают"?*

— Снимаются в кино, сериалах, работают на ТВ. Время непростое, но много интересной работы. Каждый выбирает то, что ему важно. Сейчас для меня главное — работать и совершенствоваться на профессиональной сцене.

— В спектаклях вы самая молодая и играете со “звездами”. Ольга Волкова, Владимир Стеклов, Владимир Долинский, Елена Сафонова, Валентин Смирнитский, Андрей Ильин, Александр Семчев, Марина Могилевская... Как вы “вливались” в такую мощную команду?

— Поначалу был шок. Восемь звезд и одна я... Но так хотелось играть, я так радовалась, когда меня пригласили в “Слухи” в 2001 году. Но в день первой репетиции, помню, как подхожу к зданию Дома киноактера, где она проводилась, у меня подкашивались ноги — не хотелось уже ничего. Увидела бегущего на репетицию Стеклова, резко повернула в обратную сторону и головой врезалась в дерево. Собрав волю в кулак, я все-таки зашла в репетиционный зал и даже со всеми поздоровалась. И все... больше ничего не помню. Но чем человек более значим, чем талантливей, тем он проще, естественнее и менее амбициозен в жизни. Мои партнеры, все без исключения, из породы этих людей. Мне стало легко, я почувствовала, что меня поймут и дадут шанс, если что-то не

так, исправить положение. Но в своей боязни и неуверенности я была не одинока... Мой любимый партнер, удивительный, тонкий, умный, талантливый Ефим Шифрин играл в “Слухах” Глена — моего мужа, и нервничал и переживал не менее моего, теперь уже не вспомню, кто кого успокаивал... Спасибо ему огромное — только я знаю, как он меня поддержал!!!

— Для вас имеет значение, какая публика в зале?

— Иногда провинциальный зритель намного требовательнее столичного. Ответственность всегда огромная. Публика везде разная, бывает, что сначала недоверчива, а потом вся твоя. Перед гастролями в Киев нам говорили, что публика там жесткая и требовательная. Наш “La’ Театр” имел большой успех в Киеве, принимали с восторгом. Вообще, зритель везде разный, кто-то идет смотреть пьесу, кто-то работу режиссера, кто-то приходит из-за состава актеров.

— Расскажите о творческих планах.

— Много проектов, но я человек немного суеверный и пока называть ничего не

буду. Хочется много работать... В кино сейчас приглашают, но скажу только, что моими партнерами будут К.Хабенский, А. Домогоаров, А. Краско. Главное — честно делать свое дело, а все остальное обязательно придет.

— Чем увлекаетесь в свободное время?

— Люблю ходить в театр. Смотрю спектакли друзей, стараюсь не пропускать новое. Театр сейчас очень разный, интересный. Появляются режиссеры с новым почерком, стилем. Сейчас в театрах все только начинается. Театр жив и будет жить.

— У вас есть идеал в профессии, кто нравился из актеров?

— Талантливых, ярких актеров великое множество. Я безмерно люблю всех своих партнеров по сцене. Мне посчастливилось видеть игру Смоктуновского, Евстигнеева, Богатырева... Моя школьная, экранная "любовь" — Олег Даль. Нравится Алиса Фрейндлих, Анна Маньяни, Фаина Раневская... — да разве всех перечислишь!

— Какие качества должны быть у актера?

— Есть профессиональные вещи, без которых актер не может быть актером — дисциплинированность и мастерство. Актер должен знать текст, обязан выполнять "рисунок" и задачу, поставленную режиссером. Бывают творческие споры, но если бы каждый актер начал "режиссировать" спектакль по-своему изнутри, то постановка бы рухнула. Есть режиссер, и если с ним работаешь, то соответствуй и соблюдай его требования. На первом курсе, когда я поступила в школу-студию МХАТ, Иван Михайлович Тарханов сказал нам, студентам: "Дети мои, запомните, плохой человек не может быть хорошим артистом". Это я помню всегда. Если в актере есть низкие, подлые качества, то они обязательно потом проявятся. С такими качествами невозможен творческий рост, на каком-то этапе зависть начнет глотать и сжирать, кто-то захлебнется от самолюбования, и тогда в профессии он "останавливается" навсегда... ■

Беседовала **Елена ВОРОБЬЕВА.**

Не плачь, девчонка, пройдут дожди...

Екатерина ПОСТНИКОВА

■ Для начала, хочу предложить вам своего рода тест. Ответьте честно, способны ли вы на два года расстаться с дорогим для вас человеком без всякой надежды его в этот срок увидеть? Причем расстаться спокойно, без истерик, мужественно настроившись на долгое верное ожидание?

Ага, вижу первые результаты. Отцы погрузились в ностальгические воспоминания о своей "срочной", мамы тихо всплакнули, молодые люди (кто не служил) горячо закивали, остальные (кто служил) попросили не задавать дурацкие вопросы, половина девушек твердо и даже с надрывом сказала "Да!", другая половина иронически хмыкнула.

Да, это нелегко и не каждому по силам — ждать. Особенно сложно смириться с разлукой юным и влюбленным. Как же так, все было хорошо, и вдруг?.. А юности свойственно идти на риск ради достижения цели. Нас насильно разлучают, а мы им назло будем вместе, вот увидите!

История первая. "Ошибка резидента"

Кирилл и Таня начали встречаться еще в школе. Они были примерно одного возраста, хотя разделяли их два класса. В раннем детстве парень переболел воспалением легких и пошел из-за этого в школу с восьмью лет. Девушку же "продвинутые" родители записали учиться уже в шесть. Поэтому, когда шестнадцатилетняя Таня получила аттестат и поступила в техникум, шестнадцатилетний Кирилл "отбарабанил" еще только восьмилетку.

Молодые люди продолжали общаться и решили пожениться, как только Кирилл вернется из армии. Его призвали осенью, в восемнадцать с половиной, дав возможность отдохнуть целое лето после выпускных экзаменов. К тому времени Таня (она училась на продавца) перешла уже на третий курс техникума. До диплома ей оставалось 10 месяцев.

Кириллу повезло, он попал в часть, расположенную всего в полусотне километров от родного города. Сначала тяготы военной службы как-то отвлекали его от мыслей о любимой девушке, но уже через полгода, когда он привык быть солдатом, тоска навалилась с новой силой. Таня, конечно, приезжала, но нечасто: кроме учебы, она подрабатывала в книжном магазине. Общались, в основном, письмами. Каково же было удивление Кирилла, когда однажды, теплым летним утром, он увидел свою девушку на дорожке у штаба! Она спокойно шла по части и делала вид, что не замечает обалдевшего от удивления друга. Поравнявшись с ним, она шепнула: "Я буду здесь работать. Ты меня — не знаешь! Иначе не возьмут".

Девушку взяли продавцом в войсковой магазин. Чтобы "отшить" сослуживцев, Кириллу пришлось заново "познакомиться" с новой продавщицей, "заинтересоваться" ею, а Таня, в свою очередь, "прониклась симпатией" к Кириллу. И началась у влюбленных райская жизнь! Правда, видется они могли только днем, на глазах у толпы народа, но зато каждый день, а не раз в две недели, как раньше. Таня привозила другу подарки и гостинцы от родителей, передавала письма от друзей, в общем, значительно облегчала ему службу. Это был целый шпионский роман с секретными знаками, записками, тайными встречами... Увы, кончилось это для Кирилла печально. Он отслужил и уехал домой, а Таня осталась в части — уже как жена одного из офицеров штаба. Девушка была слишком домашней, не привыкла к изобилию мужчин и просто не устояла перед ухаживаниями молодого симпатичного капитана.

История вторая. "Солдат Джейн"

Да, девушки — иногда народ непостоянный. Другое дело — законные жены. Представьте, и такие бывают у "срочников", осо-

бенно у тех, кого призвали чуть позже срока. Так произошло и у Алексея с Женей, они расписались за три месяца до его ухода в армию, и молодая жена осталась дома верно ждать мужа.

Ждать — это тяжело. Особенно когда в голове роятся радужные перспективы семейной жизни. А получается, ты вроде жена, а мужа у тебя на целых два года забрали. В общем, через несколько месяцев Женя не выдержала и решила мужа навестить. И не просто навестить, а сделать ему настоящий сюрприз. Она остановилась у дальней родственницы неподалеку от места службы мужа, купила в магазине "Полигон" пятнистое "хэбэ" и берцы, переделалась и...

...Часть, где служил Алексей, была большая, народу много, поэтому заместитель командира по воспитательной работе далеко не сразу обратил внимание на странную парочку солдат, все время сидящую на траве в дальнем конце территории. В принципе, это не запрещалось, но зачем двум нормальным парням вот так уединяться каждый день на целые часы? И однажды он парочку, что называется, застукнул. К ужасу подполковника, молодые люди как раз в этот момент целовались.

По словам самого замполита, с ним чуть не сделалось дурно, когда он увидел эту картинку. Алексея он знал как хорошего бойца, женатого человека, совершенно не склонного к подобного рода отношениям, а тут вдруг — такое... Ситуацию усугубило и то, что второй солдатик (замполит не успел его рассмотреть) резво вскочил, прыжками унесся к забору, протиснулся между отстающими плитами и был таков. Попробуйте представить, что пришлось вынести несчастному Леше, который боялся выдать супругу, а потому просто тупо молчал в ответ на все вопросы командиров, начальников, психолога части... Спасла его, конечно, Женя. Мучимая тревогой и совестью, она пришла с повинной, показала камуфляж и объяснила, что Алексей, безусловно, не "голубой".

Ох, эти жены! Чего только ни придумают! Рассказывали, одна так скучала по мужу, ушедшему охранять границы России, что экстренно родила ему тройню, и молодого отца сразу демобилизовали. Правда, сам муж, уез-

жая из части домой, с такой грустью оглядывался на здание штаба, что командир решил на всякий случай запереться в кабинете, чтобы избежать душераздирающих сцен.

Но далеко не всегда, конечно, воссоединиться с любимым так просто.

Например, в одной из частей в Тульской области солдат "срочник" приспособил для общения с любимой письменный станок для перемотки киноплёнок. Девушка жила совсем рядом, через дорогу от части, и первое время влюбленные просто кидали записки через забор, а переговаривались в щель между плитами. Но наступила зима, подойти к забору стало трудно, и парень решил усовершенствовать переписку.

Станок, состоящий из двух металлических катушек, валялся в клубе уже лет двадцать. Наш герой выменял его у доброго киномеханика на пару пачек сигарет, одну катушку привинтил на подоконник "релейки", где работал (3 этаж), а вторую — своей девушке на балкон (тоже 3 этаж). Между катушками натянули трос с обычными бельевыми прищепками. И всё — почта заработала. Правда, существовала она недолго: застукали. Но сама идея!

Впрочем, оставим юных и влюбленных. Они всегда найдут способ встретиться, и никакая армия им не помеха. Поговорим о тех, кто знает и любит каждого защитника Родины с пеленок — то есть о родителях.

История третья. "Отпуск — или смерть"

Был случай, солдату в часть пришла срочная телеграмма: "Мама тяжело больна. Немедленно приезжай". Парень, ни жив ни мертв от страха, прибежал к командиру роты и показал зловещую бумагу. Естественно, его сразу же отпустили в отпуск по семейным обстоятельствам аж на целую неделю, и встревоженный сын помчался в соседний город спасать маму. Правда, по приезду он обнаружил, что родительница пребывает в добром здравии, а телеграмму дал папа, чтобы не надрываться в одиночестве на постройке дачного домика. На радостях, что с мамой все в порядке, солдат весело включился в строительство. Неделя пролетела, как один день.

Прошло два месяца, и снова телеграмма: "Срочно приезжай, маме стало хуже!" Опять повторилась прежняя история: пере-

пуганные глаза, дрожащие руки, сжимающие листок со страшными словами, срочное совещание у командира и — отпуск по семейным обстоятельствам еще на неделю. На этот раз оказалось, что пора делать ремонт в квартире.

В общем, с помощью "больной мамы" парень побывал дома целых пять раз. А на шестой случилась непредвиденная накладдка: стоило солдату вернуться в часть после очередного "лечения", роковая телеграмма пришла снова. Это не дешло ни в какие ворота, и молодой человек, на которого уже стало с подозрением коситься командование, послал отцу ответ: "Папа, имей совесть". А мать оказалась действительно больна, причем очень серьезно, провела почти десять суток в реанимации. Сын об этом не узнал, ведь не мог же отец написать ему: "Сынок, на этот раз она правда заболела"...

Родители солдат — народ изобретательный. Хочется иногда порадовать свою кровиночку, передать гостинчик, послать денег, но останавливают пресловутые "деды" — вдруг все отберут? В некоторых частях старослужащие в самом деле отбирают посылки. Тут и включается знаменитая российская смекалка.

Одна мамаша все время присылала сыну батоны дешевой ливерной колбасы. "Дедушки", ясное дело, на сей деликатес не зарились и с отвращением швыряли его "духу" вместе с упаковкой. А зря, потому что ловкая мама работала на мясокомбинате, именно на той машине, которая набивает колбасный фарш в оболочку, и использовала аппаратуру в личных целях. В каждом присланном батоне, глубоко внутри, находилась запаянная в полиэтилен пятисотрублевая бумажка. Поди догадайся! А парень всегда был при деньгах, да и колбасу эту он любил.

Другому солдату мать присылала деньги в пластиковых бутылках с невероятно кислым домашним облепиховым вареньем. Чтобы добраться до сюрприза, нужно было выдавить емкость почти до дна, на что ни у кого, кроме самого солдата, не хватало терпения.

Деньги часто передают в бесполезных для "дедов" и даже бессмысленных вещах, в некусной еде, в неинтересных технических книгах (аккуратно подклеивают под обложку), в

сентиментальных открыточках (якобы от девушки), в цветастых семейных трусах (вшивают в резинку), в баночках с мазью Вишневого, в пачках вермишели "Ролтон", в дешевых авторучках, в одноразовых зажигалках, в кусках мыла.

Особая статья — сотовые телефоны. Официально солдатам их иметь не разрешается, а канал связи с внешним миром иметь хочется, вот и крутится народ, как может. Аппараты прячут в каптерках, наволочках, матрасах, огнетушителях, электрощитках... в общем, везде, где только можно. А после отбоя, спрятавшись под одеялом и отключив сигнал, обмениваются смс-ками со своими дамами сердца.

Был, правда, случай, когда молодому офицеру приказали срочно изъять все мобильники в подразделении. Сколько мог, он отобрал и запер в сейфе, но один или два телефона от его бдительного ока ускользнули. Что же он сделал? Лейтенант немного подумал, попросился ответственным по роте и принялся прогуливать по спальному помещению с крошечным карманным радиоприемником. Зачем? Дело в том, что если в момент приема или передачи сообщения рядом с сотовым телефоном находится радио, в наушниках возникают так называемые "лошадки", то есть звук, чем-то напоминающий стук копыт скачущих лошадей. И именно с помощью вот такого примитивного "детектора" офицер моментально отловил последние неуценные мобильники.

Впрочем, мы отвлеклись.

Вопрос контакта с внешним миром стоит для любого солдата очень остро. Если постоянной любимой девушки у него нет, любое увольнение или самоволка используется для знакомства. Неважно, с кем, ведь "на безрыбье и рак — рыба". Кстати, девушки, которые знакомятся с солдатами в расчете на что-то серьезное, допускают ошибку: "серьезное" тут бывает едва ли в одном случае на тысячу. В основном, подруга нужна для того, чтобы просто было к кому пойти, особенно зимой.

Если на первом году службы встречи ограничиваются одним — двумя часами, то "деды" иногда исчезают из части и на всю ночь. Вы спросите: а если внезапная проверка наличия личного состава? Отвечаю: все отработано.

В одной подмосковной части два подразделения располагались в разных подъездах казармы, но через стенку, и соединялись "пожарной" дверью. Эта дверь, по идее, была заперта и опечатана армейской пластилиновой печатью. Но на деле замок давно вскрыли, шнурок печати аккуратно обрезали и закрепили так, что в закрытом состоянии дверь не внушала никаких подозрений. Открыть ее при этом не составляло труда, причем печать оставалась целой.

"Дедушки" из этих подразделений ходили в ночные самоволки по очереди. Допустим, сегодня уходят пять человек из одного, завтра — пять из другого. Итак, ночь. Кто-то стоит на "фишке" у окна и неотрывно смотрит на штаб. Оттуда выходит группа офицеров и движется к подъезду номер 1. В этом подразделении все на месте, а в соседнем как раз "недостача". Происходит проверка, подсчет по головам спящих бойцов, все сходится, комиссия удаляется. Чтобы попасть к соседям, офицерам надо спуститься с третьего этажа, выйти на улицу, пройти двадцать метров вдоль фасада здания, зайти в соседний подъезд и подняться на третий этаж. Этого времени с лихвой хватает, чтобы пятеро солдат просто открыли дверь, перешли в другое подразделение и легли на пустующие койки. Вот и все. А доскональные проверки, так сказать, "в лицо" происходят крайне редко, чем народ и пользуется.

Контакт с внешним миром необходим, чтобы хоть как-то скрасить годы службы и приблизить долгожданный "дембель". Но вы ошибетесь, если подумаете, что "дембеля" страстно ждут только солдаты. Офицеры и прапорщики ждут этого счастливого события иногда даже с большим трепетом и нетерпением. Они представляют свой последний служебный день в ярких красках, мечтают о нем, видят его во сне.

Ведь служба рано или поздно заканчивается, и перед человеком встает задача — уйти на "гражданку" красиво, чтобы и самому не обидно было, и люди твой уход запомнили.

Так что в следующем, декабрьском номере вы прочтете последний мой рассказ об армии, точнее о том, как из армии увольняются.

Екатерина МАКАРОВА

Волшебное слово "нет",

ИЛИ

Как избежать "гражданского брака"

Предупреждение: этот материал НЕ предназначен для тех, кто:

1. Не собирается вступать в брак вообще.
2. Еще не выбрал себе спутника жизни и хочет вступить в брак "лишь бы с кем".
3. Хочет вступить в брак, выбрал себе спутника жизни, но не уверен, что этому спутнику нужна настоящая семья.
4. Просто "на всякий случай" изучает техники влияния на людей.

В статье НЕ содержится информации о том, как заставить человека пойти с вами в загс, если человек этого категорически не хочет. Моя задача — возможно, помочь тем людям (главным образом, девушкам), которые на пути к созданию настоящей семьи делают

многo одинаковых и весьма распространенных ошибок. Иными словами, я хочу дать возможность другим поучиться на моих (и не только) промахах.

...Ну, что ж, формальности соблюдены, пора и к делу переходить.

О том, что такое пресловутый "гражданский брак" и нужен ли он вообще, у нас спорят давно. И в печати, и в интернете, и в большинстве компаний, где собираются граждане обо-его пола. Поэтому вопрос о целесообразности "нештапованных" союзов я, пожалуй, опущу. Кому-то они нужны, кому-то — нет, а кто-то и страдает, ведь у каждого своя мера вещей.

Среди моих знакомых есть девушка 23 лет от роду, для которой поход под венец сродни

походу на гильотину, и это не напускное, она и впрямь не хочет замуж. Почему? Не знаю. Она и сама не знает. Но многие девушки и женщины замуж все-таки хотят, причем официально, а не "просто так". А вот сильная половина человечества от штампа в паспорте усиленно отбивается. Почему? Тоже — не знаю.

За всю мою карьеру так называемой "свахи" мне удалось выдать замуж семь женщин, младшей из которых было 19 лет, а старшей — 37. Скажете: маловато, чтобы делать выводы? Отвечу: как раз нет. В написании этой статьи мне гораздо больше пригодился опыт не тех семи счастливиц, у которых все получилось, а именно тех десятков дам, которые замуж так и не вышли.

Так какие же ошибки они совершили?

ОШИБКА 1. Выбор партнера, не настроенного на семью

Итак, девушка знакомится с молодым человеком. Чаще всего это происходит спонтанно, и нет никакой возможности заранее проанализировать, хочет этот человек на ком-либо жениться или он против брака как такового. Что же делать? Тут работает некий общий принцип: чем мужчина привлекательнее внешне, остроумнее и общительнее и чем больше он "цепляет" за душу при первом знакомстве, тем менее он настроен на брак. Есть исключения, но обычно яркие, "популярные" молодые люди не торопятся себя связывать.

Как это определить? Не стесняйтесь задавать вопросы. Конечно, не стоит прямо спрашивать, нужны ли ему в будущем жена и дети. Но спросить о "будущем вообще" никогда не лишне. Если человек отшучивается, сразу переводит беседу на другую тему или (наоборот) на ваши с ним отношения, начинает рассказывать о своей карьере, опуская "семейный" вопрос, переспрашивает: "А что?" или просто пожимает плечами, задумайтесь. Вы можете также услышать рассуждения о том, что "когда-нибудь", "когда твердо встану на ноги", "заработаю денег" и так далее... — в общем, когда-нибудь он собирается создать семью. А далекое будущее — оно и есть далекое. Тут тоже есть смысл подумать о том, гото-

вы ли вы ждете годами или хотите иметь семью сейчас.

Распросите его о родительской семье. "Штампа в паспорте" больше боятся мужчины, родители которых развелись, когда сыновья уже были в сознательном возрасте. Как ни странно, молодые люди, вообще не знающие своих отцов, гораздо меньше опасаются вступления в брак. В группу риска также попадают те, чьи родители не разведены, живут вместе, но семья неблагополучна, например, отец изменяет матери (и это известно сыну), или между родителями сохраняются стойкие холодные отношения.

Негативную роль в "настройке" сыновей против брака в большей степени играют не матери (как принято считать), а отцы. Именно с отцом идентифицирует себя молодой человек, и именно его (отца) отрицательный пример (в сочетании с шуточками на тему "цепей" и "хомутов") может надолго отвернуть его от семейной жизни.

Опасно иметь дело с очень молодыми мужчинами, которые еще не "нагулялись". Мало подходят для семьи и те, кто совсем недавно развелся и еще не отошел от распавшегося брака. По идее, должны насторожить молодые люди, которые уже вышли из юношеского возраста, но ни разу в законном браке не состояли. Такой мужчина может признаться, что долгое время "жил" с кем-то, но потом расстался, и это — самый плохой признак. Именно те мужчины, которые уже жили в гражданском браке и знают, как легко и удобно его расторгнуть, стремятся и впредь связывать себя лишь таким "браком".

Вы скажете: все это — прописные истины? Возможно. Но почему-то об этих истинах многие забывают, и отсюда вытекает...

ОШИБКА 2. Начало новых отношений с намерением "перевоспитать" партнера

Удается подобное очень редко, особенно если мужчине от роду более 30 лет и он уже хотя бы раз разводился. Тоже прописная истина?

Одна девушка (назовем ее Таня) познакомилась с молодым человеком по имени Вадим в гостях у общих знакомых. Тане к тому

моменту исполнилось 27 лет, Вадиму — 32, и за плечами у него остался неудачный брак и ребенок 8 лет. Буквально через пару месяцев Таня переехала к новому знакомому, надеясь, что нежная забота, вкусные обеды, теплая домашняя обстановка быстрее помогут ему забыть прежнюю семью и создать новую. Еще до переезда Вадим как-то обмолвился, что на "эти грабли" снова ни за что не наступит, но надежда умирает последней, правда?

Прошел год, и Таня, которой уже порядком надоело жить "семейное" гнездышко, живя в нем в качестве неизвестно кого, задала любимому осторожный вопрос: "Вадик, а как мы будем жить дальше?" Вадим пожал плечами: "Надеюсь, что счастливо". "Может, тогда распишемся?" — робко улыбнулась Таня и получила именно тот ответ, который должна была получить: "А зачем? Нам ведь и так хорошо". Все дальнейшие уговоры оказались совершенно бесполезны, поскольку этот мужчина изначально не был настроен на брак, а единственные отношения, которые он оставил для себя возможными, он уже имел и без всяких печатей в паспорте.

Женщины тоже имеют свойство наступать на одни и те же грабли.

ОШИБКА 3. Неправильное обозначение собственных целей

Часто девушки, боясь "отпугнуть" молодых людей, не признаются в желании выйти замуж, а наоборот, всячески подчеркивают "современность" и "свободу" своих взглядов. Мол, я сама ничего такого не хочу, все эти дурацкие штампы мне не нужны, людей должна связывать только любовь и так далее. Почему-то многим дамам кажется, что, чем меньше на словах они будут стремиться к законному браку, тем выше вероятность, что им этот брак кто-то предложит.

Попробуйте перенести подобную логику на что-нибудь другое. Например, вы устраиваетесь на работу и заявляете работодателю: "Я не хочу, чтобы меня принимали в штат фирмы. Мне это не нужно. Я буду работать просто так, чтобы приносить пользу организации, а всякие глупости типа зарплаты, больничного, отпуска меня не интересуют, их придумали люди с остальными взглядами, которые просто

боятся потерять работу". Очень возможно, что на таких условиях вас с готовностью примут. Но разве станет потом работодатель бегать за вами, размазывая трудовым контрактом и умоляя его подписать?

Вы скажете: одно дело работа, другое — любовь. Но я говорю сейчас не о любви, а о браке. Любви могут дарить ежедневно целый вагон, а вот замуж выйти так и не предложат, если на словах вы против этого.

Не надо, конечно, сразу заявлять мужчине: "Хочу замуж!" Но что мешает вам в ответ на предложение "пожить вместе" задать вопрос: "В качестве кого?" Бойтесь его "отпугнуть"? Но простите, если ваш избранник боится такой невинной вещи, как штамп о браке, то как же он поведет себя перед лицом реальной опасности? А если что-то будет угрожать вашей жизни? Может быть, есть смысл "отпугнуть" такого пуливого человека сразу и поискать более смелого?

В идеале, на совместное проживание лучше вообще не соглашаться. Просто ответить "нет", и все. Обиделись? Перестали звонить? Так радуйтесь, это был не ваш человек. Удивился, пытается понять причину отказа? Мягко объясните ему, что воспитаны в других традициях, в вашем кругу это не принято, и родственники, и друзья вас не поймут.

Легче сказать, чем сделать? Как раз наоборот, будет намного легче, если заранее обговорите со своим молодым человеком его и свои взгляды на совместное проживание.

Я отнюдь не развожу демагогию. Автору этой статьи за последние 12 (из 28) лет жизни примерно раз шесть делали предложение молодые люди, с которыми у автора не было не только совместного проживания, но и сексуальных отношений тоже.

ОШИБКА 4. Боязнь наметить сроки

Допустим, вы и сами не против того, чтобы некоторое время пожить вместе и лучше узнать друг друга. Но "некоторое время" — это и есть "некоторое" время, а не годы бессмысленного ожидания. Оптимальный срок — не более трех-четырёх месяцев. Вы успеете изучить своего избранника вдоль и поперек, поговорить с ним обо всем на свете, наметить будущее распределение се-

мейных ролей, перезнакомиться со всеми его родственниками и пересмотреть все семейные фотоальбомы. А потом надо действовать. Или идти подавать заявление, или разбежаться.

На деле выходит иначе.

Еще одна девушка, назовем ее Ира, согласилась пожить со своим другом Алексеем и даже назвала примерный срок: "полгодика", хотя (по ее же признанию) жутко боялась, что через полгода Алексей окажется "еще не готов", и ей придется уходить. Это, кстати, очень частое опасение, которое порой оправдывается. Оправдалось и у Ирины: любимый попросил "дать ему еще немного времени". И еще немного. А потом — еще немного. Она соглашалась, поскольку любила, привыкла, надеялась... В итоге, через два года, поняв, что ждать больше нечего, заплаканная Ира собрала вещи и переехала к маме. А Леша нашел себе новую подружку.

Есть такая очень грубая поговорка: "Назвался клизмой, полезай в ж..." Если срок еще не определен, надо его определить. А определили — больше не менять, как бы ни хотелось пойти на уступки.

ОШИБКА 5. Давление на партнера

Способы давления бывают разные: от угрозы разрыва отношений до внезапной беременности. Иногда помогает. Иногда нет. Но в любом случае, даже если свадьба из-под палки все-таки состоится, на душе останется горькое чувство, что избранник "не хотел", а вы его заставили. Такие мысли способны отравить не только радость самого торжества, но и всю дальнейшую жизнь с этим человеком. Даже если внешне все будет гладко, рискуете никогда не простить ему нежелания стать вашим мужем. Ведь это действительно обидно и унижительно, не спорю.

Вот тут можно привести и мой собственный пример. Я прожила в "гражданском" браке три года, причем два последних — уже по привычке, без всякой надежды. А первый год ВЕСЬ ушел на уговоры. Точнее, не весь, а лишь 11 месяцев, поскольку в течение целого месяца мой любимый САМ предлагал мне выйти за него замуж. Оговорюсь: эти 30 дней были в начале, а, увы, не в конце того ужасно-

го года. Вы спросите: "Он предлагал, а ты что же?" Ответу: "Предлагал. Но ТОЛЬКО на словах". Такое тоже бывает. А когда дошло до дела, моментально сменил "милость на гнев" и начал всячески уходить от темы. Дошло и до откровенного: "НЕ ХОЧУ" и давления с моей стороны. Так что судить могу не понаслышке: давление почти неэффективно.

Сейчас, когда и три года мучений, и тот человек остались в прошлом, а я живу теперь в другом месте и ношу фамилию Мужа (именно так, с большой буквы), рискну сделать и еще один вывод: если мужчина действительно тебя любит, его вообще не надо уговаривать. А уж тем более давить.

ОШИБКА 6. Непроясненный "детский" вопрос

Но предположим, что вам встретился серьезный, ответственный человек, который уже нагулялся, встал на ноги, ему не нужно немного подумать, он готов создать семью сейчас. И именно с вами. Но что-то мешает ему произнести заветные слова, что-то действительно пугает его, но это "что-то" — вовсе не печать в паспорте.

Иногда "чем-то" (точнее, кем-то) становятся дети. Нельзя осуждать или обижаться на это, но очень многие мужчины, которые готовы хоть завтра повести вас в загс, не хотят иметь в браке детей. Причем надо чувствовать разницу между "хочет, но в далеком будущем" и "не хочет вообще".

Мужчина готов поступить честно — то есть жениться на вас. Но и вы в таком случае будьте с ним честны: если спите и видите себя мамой, откажитесь выходить замуж именно за этого человека и поищите другого.

И последнее. Будьте принципиальнее. Может, это звучит смешно, но почему вы цените себя так низко, что добровольно становитесь в положение товара в магазине, который сначала надо потрогать, попробовать, оценить, а уже потом взять? Неужели ваша мама, бабушка, прабабушка тоже жили с кем-то "гражданским" браком прежде, чем стать законной женой?

И времена вовсе не изменились, нам это только кажется.

Старый конь борозды не испортит

Ровно год на страницах нашего бессмертного журнала выходит компьютерная страничка. Своего рода юбилей, и, согласитесь, что-то в этом есть. Компьютер — тема неисчерпаемая, ведь каждый месяц, неделю, день мы слышим о достижениях в сферах IT, High-Tech, Hard Ware, Soft и еще во многих других. Все изменяется настолько быстро, что, не успев привыкнуть к одному, приходится осваивать нечто новое. Консерватизм в этом деле может привести только к печальному финалу — к каменному веку.

К примеру, вряд ли вы сейчас встретите человека с приличным компьютером, юзающего Windows 95. Такие случаи есть, но их следует расценивать как ностальгию или попытку поприкалываться. Все мало-мальски

продвинутые юзеры уже предпочитают Windows XP. Оправданно или нет — решать вам. Но если учесть тот факт, что производители "железок" на данном этапе развития подгоняют драйвера исключительно под XP, и старые варианты OS их почти не интересуют, за исключением разве что Windows 2000. Все чаще встречается приписка в мануалах, что есть "дрова" только для XP.

Огласите весь список, пожалуйста

Сегодняшнюю тему номера посвятим компьютерам вообще. Поговорим о том, как все начиналось, к чему пришло, а также постараемся затронуть значение этого ящика с монитором в нашей жизни. Не все же

упирается в Hard'n'Soft — иногда нужно отвлекаться, чтобы не забывать, что пользователь — человек, персоналка — вещь. В виртуальном мире хорошо, но в реальном все же лучше...

Дурят нашего брата

Персоналка есть у многих, но еще далеко не у всех. Сейчас уже вполне за не очень большую сумму реально купить приличную машину. Но это взгляд свысока, который не учитывает возможностей потенциальных пользователей, проживающих в городах и регионах России, да еще не миллионерах. Не может же человек с зарплатой в 3000 рублей купить полный комплект за 8500 деревянных. Это только подтверждает теорию, что нельзя судить о компьютеризации всей страны только по Москве и Питеру...

Очень радует забота именитых производителей о развивающихся и малоразвитых странах. Это и грустно, и смешно одновременно. Почему? Сейчас все поймете.

К примеру, компания AMD выпустила консоль, одной из главных возможностей которой является выход в интернет. Внутри установлен процессор 366 МГц, 128 МБ оперативной памяти, жесткий диск на 10 Гб, простенькая звуковая карта и модем. Также имеется 4 USB, ну и, естественно, выход на монитор. Возможности этой маленькой коробочки настолько ограничены, что позволяют назвать ее не более, чем "телевизионной приставкой Upgrade". Кстати, производитель совсем не постыдился на различные запреты, так что ждаты, что это будет что-то уровня K6-2 366 МГц — не приходится. В прошивке устройства уже имеется ОС Windows CE 5,0, урезанные MS Excel и Word, Internet Explorer и еще некоторое количество несложных приложений.

Ориентирована девайсина как раз на развивающиеся и малоразвитые страны, где не у всех есть возможность позволить себе полноценный компьютер. Самое интересное начинается с цены. 160-200 американских бабок, в зависимости от жадности распространителя. С монитором же цена возрастет чуть ли не в два раза (в зависимости от модели) и составит от 250 до 300 долларов. Смех в том,

что за эти деньги уже можно приобрести комп начального уровня или хотя бы бывшего в употреблении, что по любому лучше, чем 366 МГц и никаких толковых возможностей. Хотя если кто-то решит собрать персоналку на базе того же K6-2 366 МГц — по деньгам выйдет дешевле, да и по возможностям выигрешней.

Полистаем прейскурант

Чтобы не быть голословным, приведу цены из "прайсов" пары фирм: "CPU 1800 Mhz (процессор не указан), 256 Mb DDR 400, 80 Gb HDD, 64 Mb GeForce4 MX440, DVD/CD-RW, Sb 7.1, ATX 350W" + 17" Монитор — и за это они хотят \$299. Посмотрим на прайс другой фирмы: "CPU AMD Sempron 2200+, 256 MB DDR 400, 40 Gb HDD, 64 MB DDR 3D AGP 8x, CD-ROM 52x, SB 6.1, LAN, ATX 300W + 17" Монитор фирмы Plus (\$75) — в сумме за этот агрегат хотят — 239 вечно зеленых бумажек. А теперь, скажите, ясно это, купите ли вы продукт заботы о малоимущих? Так он еще и в цене возрастет, когда начнет продаваться у нас. Будет интересно посмотреть на это, как бы он не оказался дороже...

Продолжая тему, хочется упомянуть о другом "Народном компьютере", который выпустила индийская компания HCL Infosystems. Эта вещица выглядит повнушительней: CPU 1000 Mhz, 128 MB RAM, 40 Gb HDD + Монитор 15" — здесь тоже просят не слабо — 225 ну очень укуранных ентов за весь комплект, но это у них, а когда он дойдет до нас... А наши продавцы жадные. Из этого вывод: незачем покупать задорого неполноценное, когда можно — полноценное.

Лирическое отступление

Почему я говорю об этих девайсах, да потому, что в плане их реализации фигурировала и Россия. Как говорится, не на тех напали. Наши ребята наверняка поменяют суть и предназначение этих фитюлек, если, конечно, решатся закупать. Думаю, было бы неплохо пустить эти полу-PC'ишки под лозунгом "Мой первый компьютер" и продавать в магазинах игрушек (для богатых) или в Детском мире (не для бедных). Это будет достойная замена Dandy-Subot (телевизион-

ная приставка в виде клавиатуры с возможностью начального программирования, редактирования текста, ну и, конечно же, с возможностью забавляться играми под обычную Dandy)...

Это не критика, ведь нельзя осуждать хорошие идеи и поступки. Ну как же, цены не рассчитали! Да и фиг с ним и, подумаешь, что какой-нибудь африканец получает 15 — 35 долларов в месяц, живет в хижине, к которой даже свет не подведен — ему хорошо: костерок, бананы, кокосы, папайя, пэшн фрукт, кавасава — какой тут интернет, да и компы вообще?!

Цены на эти "приставки", по меркам производителей, вполне оправданны. Если приличный комплект за рубежом начинается чуть ли не от 1000 условных единиц, или с 1500, то цена в 200 — 225 — просто копейки. А еще это говорит о том, что они не знают цены на компьютеры и комплектующие в других странах или выбирают сомнительные источники информации. Лучше бы не выбрасывали старые машины, а раздавали в качестве гуманитарной помощи, тогда бы не пришлось голову ломать над "компьютером для народа"...

Сидит и пусть сидит — мешает, что ли?

Что, где и сколько стоит — это одно. Но вопрос нужности и полезности — совершенно другое. К примеру, одна женщина объяснила так, почему ей непременно нужен компьютер: "Рецепты буду заводить". Но в своей жизни она ни разу не раскрыла ни одной кулинарной книги с целью что-то приготовить. Вывод: девайс будет пылиться, потом случайно сломается, и о нем забудут.

Это был частный случай, но есть более интересные и прозаичные. К примеру, жила-была девушка, техникой никогда не интересовалась, да и вообще, как и многие девушки, была к ней равнодушна — без этого тоже неплохо живется. Появился комп... Через какое-то время телевизор уехал в другую комнату (фильмы можно на персоналке смотреть), еще через некоторое время магнитофон решил поехать навестить старого друга, так с ним и остался

(на жестком диске завелась приличная коллекция музыки). Спустя год после появления машины сделали интернет. Сами ресурсы сети восхищения не вызвали, но вот возможность real-time общения через ICQ затащила, как наркотик... В итоге, из штучки компьютер в восприятии девушки превратился в нечто более стоящее и осязаемое: музыкальный центр, DVD-проигрыватель, средство общения, а также в хорошую копилку огромного количества информации...

Каждый найдет, уже нашел или еще только в поиске значения персоналки в его жизни. Плюс ко всему этот аппарат открывает огромные возможности для творчества и дальнейшего его сохранения, а при желании даже реализации (литература, музыка, сайты, фильмы или ролики, картинки или коллажи и многое другое).

Комп вещь далеко не незаменимая, ведь люди тысячелетиями жили без чего-то подобного. Изначальное его предназначение было далеко не для дома, и вы это знаете (см. "Смена" № 3, 2005). Но как ни странно, он плотней и плотней входит в нашу жизнь. Значение слова "компьютер" из диковинного, недостижимого превратилось в обыденное. Учитывая обилие рекламы, салонов, магазинов, сфер применения, количество пользователей — вполне естественно.

Утопия

А теперь посмотрите на интересный расклад: ребенок (играет в обычные или образовательные игры, рисует, смотрит фильмы и мультфильмы); папа (работает, создает семейный архив — информация на все случаи жизни, фотографии, домашнее видео; показывает, придумывает и, конечно же, обучает сына или дочку интересным, полезным и в дальнейшем нужным вещам); мама... с этим посложней, но она тоже хорошо владеет компьютером (например, увлекается коллекционированием хорошей музыки и фильмов, закачивает книги на КПК и, когда нужно, помогает ребенку с этой "странной и новой игрушкой" в его жизни и еще много всего разного).

Получилась семья из утопии, но кто знает, возможно это уже существует в реальности... Не везде, может, вы об этом даже не знаете, не слышали и не видели.

Старые железки дороже новых

В этой подглавке хочется поругаться или посетовать на сегодняшнее положение дел с комплектующими. Те, кто уже имел опыт сборки всем известного устройства или делает это регулярно, надеюсь, меня поймут.

Для начала вспомним, как оно было... Хотя бы тот огромный интерес, когда еще возились с 486-ми, первыми пентиумами 100 МГц, iP II, Cel 266, 300, 300A etc., а также с AMD K5, K6, K6-2 и K6-3. Какой же экспериментаторский азарт царил, когда iP 100 разгоняли до 166 или 133 и с пеной у рта доказывали другу, что его производительность выросла до неимоверных высот, и Quake I просто летает, ну а Windows так вообще... Вспомните те синенькие, черненькие, беленькие и красные джамперы. Как же было интересно путем их переставления вручную изменять частоту шины и множитель с 1,5 до 3,5 или до 5,5 (у AMD на Super Socket 7), а при включении молиться всем электронным богам: "Стартуй, железяка!" Именно в те времена витал настоящий компьютерный дух.

Разве вы никогда не сталкивались с разговорами о том, что AMD 486DX-5 133 рвет iP100, как Тузик грелку. А такое было... К сожалению, все это в прошлом. Сейчас то, чем мы восхищались — валяется бесхозно, вызывает улыбку при попытке сдать, как б/у, отдается по первой просьбе как ненужный хлам. Старенькие камни, оперативка уже давно перешли в разряд брелков для рюкзаков и сумок...

Интерес тогда вызывало то, что работоспособность комплектующих была превосходная — "что ни воткнешь — все пашет", а не хочет — можно заставить. На крайний случай, если ни один шаманский "рецепт" не помогает — всегда есть мужичок, компьютерщик, который на этом собаку съел — по прозвищу "Борода". Он-то все быст-

ренько перепаяет и даже пару лишних деталей добавит, дабы меньше гудело, шуршало, да и вообще лучше работало.

Пляски с бубном

Сейчас же с комплектующими творится что-то странное. Не все хотят работать или делают это не идеально. Будь то единственный случай — бить тревогу бессмысленно, но это творится чуть ли не всегда, как затевается сборка компа. Чаще всего качеством своей работы смущают материнские платы. Почти каждый третий случай "стартует" не сразу — повертел блок, потрогал пару деталей — запускается. Ничего не прижимал, а начинает работать — что это? — мистика? Порой доходит до курьезов — скручиваешь все по несколько раз, ставишь обратно. После повторения этой процедуры с десятков раз — запускается. Вроде все в порядке, но цирк начинается чуть позже...

Фирмы именитые, салоны солидные — почему же тогда все так плохо? Теперь собранный идеально агрегат можно считать везением, удачей, праздником, наконец.

Представьте ситуацию, когда берете проверенное оборудование, при этом собираете машину другому человеку... Естественно, нахваливаете производительность будущего "творения", а как доходит до дела — сбой за сбоем... Дико неудобно и неприятно!

Кода

"Не так страшен черт, как его малюют!" Если нужен компьютер, но нет денег — походите по знакомым, может, у них завалылось старое железо. У кого процессор, у кого материнская плата и так далее. Конечно, никто не отдаст iP4, но собрать что-то приемлемое, думаю, не составит проблемы.

При сборке новой машины старайтесь внимательно изучать каждый элемент, спрашивайте, советуйтесь со знающими людьми. Будет возможность — пробегитесь по интернетовским форумам. И самое главное — от бракованных деталей никто не застрахован...

Просто Кир

podolak@rambler.ru

Идейный вдохновитель команды и солист — Рома Билык, выпускник строительного колледжа, по образованию — техник, проще говоря, прораб. Он приехал в Москву из Таганрога, где у него была своя группа. Историческая поездка в столицу случилась в 2000 году, а уже через год появилась группа "Звери".

**Все, что касается...
"Зверей"**

Когда Рома Билык сошел с таганрогского поезда на платформу Курского вокзала, в его кармане было 700 рублей, чего, по меркам его родного города, должно было хватить на месяц, а по московским — всего на три дня, и два номера телефона, которые так и не пригодились. Зато в самом начале пригодился опыт работы строителем. Жизнь круто изменилась, когда Рома познакомился с известным рекламным режиссером Александром Войтинским. Он впоследствии стал продюсером и аранжировщиком группы, а также режиссером всех клипов "Зверей".

Осенью 2001, сразу после образования группы, записали основную часть материала для первого альбома "Голод" и приняли решение снимать клип на одну из песен. Музыкантам понравился ими же придуманный сюжет, который, однако, никак не сочетался с выбранной для экранизации песней. Тогда решительный Рома Билык попросил ночь на раздумье и сочинил под готовый сценарий еще одну песню: "Для тебя". В январе 2002 года видео было готово и через считанные дни оказалось в телезфире, где его и заметили представители компании "CD-Land" и немедленно подписали с многообещающей командой контракт на выпуск дебютного CD.

Песня "Для тебя" оказалась в трек-листе сборника "Нашествие. Шаг 11" и в эфире "Нашего Радио", а группа — в списке участников фестиваля "Нашествие-2002" в Раменском.

2004 год — год ошеломительного и внезапного успеха молодого коллектива — начался для "Зверей" с работы в студии над новым, вторым по счету, альбомом.

Пластинка "Районы. Кварталы" — это творчество группы "Звери" в буквальном смысле слова. На первом альбоме "Голод" многие треки сделаны с участием сессионных музыкантов, почти все совместно с продюсером Александром Войтинским, а некоторые и просто вдвоем, без группы вообще.

В случае с "Районы. Кварталы" продюсер уже не вмешивался в процесс создания треков, и практически все композиции записаны окончательно сформировавшейся группой: ударником Михаилом Краевым, гитаристом Максимом Леоновым, басистом

Константином Моисеевым, клавишником Кириллом Антоненко и солистом Ромой Билыком.

3 июня 2005 года, в Москве, в СК "Олимпийский" состоялась церемония вручения 3-ей ежегодной национальной телевизионной премии в области популярной музыки "Муз-ТВ"-2005. На церемонии вручения были объявлены имена лауреатов премии "Муз-ТВ"-2005 в двенадцати номинациях и обладатели почетных наград в двух спецноминациях.

Самой титулованной группой, по результатам всенародного голосования, стала группа "Звери". Зал буквально взорвался, когда узнал, что народные любимцы выиграли все три заявленные номинации: "Лучшее концертное шоу" СК "Олимпийский", "Лучшая рок-группа года" и "Лучший альбом года" — "Районы. Кварталы".

Лауреаты отметили победу прямо на сцене своим живым выступлением. Исполнив композиции "Напитки покрепче" и "Районы. Кварталы", "Звери" в очередной раз доказали, что, несмотря на молодость коллектива, они по праву могут считаться самой титулованной рок-группой страны.

На данный момент группа работает над альбомом своих ремиксов "Звери Миксы".

— *Рома, как ты относишься к тому, что на ваши песни стали делать ремиксы?*

— Это значит, что мы популярны, и это добавляет больше ответственности.

Мы много колесим по стране, и народ часто жалуется, что "Звери" не играют музыку для дискотек. Кончается тем, что "Зверей" все равно крутят, но танцевать удобно не под каждую песню. А что мы могли поделать? Ничего. Мы же не диджеи. Потом вдруг "Триплекс" взял и забабалхал ремикс на песню "Все, что тебя касается". Мы даже ничего не знали, просто я как-то приехал в "CD-Land", а Леша Козин так осторожно протягивает мне диск: "Ром, что ты об этом думаешь?" Я послушал — круто! Ну а потом диджей Никотин сделал на "Южную ночь" ремикс, тоже ядерный. И пошло-поехало: "Напитки" от группы "Мертвая голова", "Районы. Кварталы" опять от Никотина.

Короче, ремиксы просто посыпались, я, наверно, штук сорок прослушал, не

меньше. Голова уже пухнет, кажется, еще немного — и сам за вертушку встану. Стало ясно, что надо собирать из всего этого богатства альбом ремиксов. Вот и собираем. А выбирать оказалось очень трудно — например, есть столько офигенных вариантов песни "Для тебя", что я просто не могу понять, какой лучше — наверное, в альбом войдет сразу несколько версий.

Конечно, не все песни станут танцевальными в буквальном смысле. "Океаны", например, совсем не для танцев. Но вот что "Молнии" можно так раскатать, что получится стопудовая дискотека, этого я никак не ожидал. А получилось реально круто, вставляет не хуже оригинала. Надеюсь, что скоро альбом "Миксы" уже выйдет. В общем, за дискотеки я теперь спокоен: девочки, мальчики — танцуем!

— Ты следишь за музыкальными новинками?

— Слушаю разную музыку. Смотрю, как играют другие, что используют. Воспринимаю как информацию к размышлению.

— Что слушаешь сейчас?

— Группу "Gorillas". А вообще, я просто в восторге от искренней музыки, будь она либо драйвовой, либо медленной.

— Кто были твоими музыкальными кумирами в детстве?

— Ну, не знаю. Обычно, что во дворах играют. Высоцкого, хотя не столько слушал, сколько играл его и свои песни. Пугачеву — не так, чтобы каждый день. Еще нравилась странная группа "Sonic Youth". Знаю много их альбомов, понял, что они прародители "Nirvana".

— Когда ты поешь, то часто закрываешь глаза, песня "О любви", например. Ты думаешь о чем-то?

— Когда пою — ни о чем не думаю, отключаюсь полностью.

— Говорят, вы даете по 30 концертов в месяц. Летом работаете в таком же напряженном графике?

— Не, хватит. На лето мы установили лимит — максимум 15 концертов в месяц. Если больше, то становится совсем тяжело. В стране мало площадок, где можно нормально играть, даже в Москве их нет.

— Как ты перносишь постоянные переезды, перелеты?

— Переносу нормально. Ведь любовь к делу придает мне много сил, энергии и выносливости.

— А в какое время года тяжелее всего работаете? Зимой, летом?

— Зимой тяжелее. Потому что одежды много, кутаешься, потеешь, а летом как-то налегке, попроще немного. И кучу вещей не надо брать с собой. Прихватил одну майку, и все. Едешь без чемоданов. В этом плане легче.

— Рома, многие называют тебя одним из самых стильных музыкантов. Как подходишь к подбору гардероба?

— Я, конечно, смотрю, что надеваю. Я же не дурачок какой-то, который нацепил на себя что-то и побежал. Люблю разные стили. От дворового, рэперского до каких-нибудь черных одежд. То есть от панка и заканчивая классикой. Как когда больше нравится, что прикольнее. Каждый человек, мне кажется, обращает внимание на свою одежду. Все хотят одеваться хорошо, спорить с этим нечего. И если кто-то скажет, что не обращает

внимания на свою одежду, я этому человеку просто не поверю. Не могу сказать, что я модник, но одежда у меня модная. Я одеваю в разных городах и разных странах, чаще всего в Италии и Риме. Гардероб у меня достаточно большой; всегда покупаю то, что нравится.

— В каком возрасте ты мог бы уйти со сцены? Представляешь себя в каком-то другом деле?

— Я не люблю загадывать, так как живу сегодняшним днем, и важно то, что происходит со мной в данный момент. Что-то прогнозировать не собираюсь, да и не люблю.

Если говорить про другое дело, то, скорее всего, хотел бы остаться в музыке, заняться продюсированием, играть в кино. В клипах люблю сниматься.

— Как продвигается работа над фильмом "Дмитрий Донской" с тобой в главной роли?

— Пока никак. Съемки отложены. Мы расставили приоритеты. Пока есть группа "Звери" — большие творческие планы;

запись третьего альбома, непрерывные гастроли.

— Как тебя принимают в родном городе?

— Воспринимают нормально. А некоторые даже и не знают, что я из Таганрога. Но Москву я люблю больше: здесь много людей, и мне это нравится.

— “Звери” принимают участие как в поп-концертах, так и в рок-фестивалях. Так все-таки вы рок- или поп-группа?

— Вообще, я стараюсь не делить музыку на рок, поп, софт, панк, арт, джаз. Я только названия знаю, а что это такое, по-

нятия не имею. Могу отличить джаз от поп-музыки, а так они для меня просто музыканты, просто группа, играют либо плохую, либо хорошую музыку. А что там, какие инструменты играют, меня не волнует абсолютно. Слушателей это тоже не волнует. Либо нравится то, что поет человек, что он хочет сказать, либо нет. И все. “Звери” — группа народная. ■

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ.**

Алена ЗАХАРОВА

Заводной спорт

Летом этого года в Москве прошел чемпионат Европы по чирлидингу. Это — ныне популярное понятие, обозначающее группы поддержки на спортивных соревнованиях и матчах. Вопреки распространенному мнению, чирлидеры — так официально называют девушек из группы поддержки — выходят на площадку не для того, чтобы поддержать игроков. Они танцуют для трибун, чтобы болельщики не скучали, пока игроки получают нагоняй от тренера. У нас в языке нет своего подходящего слова, поэтому приходится довольствоваться англицизмом, а в народе чирлидеры более известны у нас как «девочки, танцующие с мочалками», иногда называемые «зажигалками». В буквальном переводе на русский язык «чирлидер» означает лидер тех, кто кричит на стадионах (cheer — выкрик; leader — лидер).

Придумали эту забаву в 70-е годы XIX века в Принстонском университете, где впервые появилось объединение студентов, организованно поддерживающих свою команду. Однажды перед началом очередного матча по американскому футболу рьяный болельщик Томас Пиблер собрал группу из шести человек, которые, выстроившись вдоль боковой линии лицом к зрителям, принялись подбивать студентов «поболеть за своих как следует».

До 2 ноября 1898 года чирлидеры заводили публику исключительно энтузиазмом и мощной глоткой. Но в тот замечательный вечер некий Джонни Кэмпбелл подпрыгнул перед толпой болельщиков. Выходку Джонни заметили и оценили по достоинству, чирлидеры наконец-то задвигались.

В 20-е годы нового XX века группы поддержки берут на вооружение барабаны и всевозможные акустические приспособления, которые помогают создать необходи-

фото Владимира Чейшвили

мый шумовой фон. Чуть позже — бумажные помпоны (те самые мочалки!) и, что самое важное, к чирлидингу, наконец-то, допускают девушек.

Грянувший в 30-е годы XX века “футбольный бум” способствовал популяризации чирлидерства, а Вторая мировая война его почти тотальной “феминизации”. Женщины заменили мужчин, ушедших на фронт, не только на рабочих местах, но и на спортплощадках. За несколько военных лет чирлидерство становится преимущественно женским занятием, что заметно изменило его эстетику — из мужественного “боления” стало сексуально-танцевальным девичьим “искусством”.

Сегодня из непрофессионально-развлекательного чирлидерство переросло в серьезный спорт и очень прибыльный бизнес, а из своей родины — США — распространилось по всему миру. Как утверждают сами чирлидеры — их во всем мире чуть ли не шесть миллионов.

Чирлидинг — это множество ассоциаций, имеющих свои рейтинги и проводящих турниры разного ранга и уровня, это множество специальных изданий, вроде “American Cheerleader Magazine”, но, главное, чирлидерство — это воплощенная американская мечта. Состоять в группе поддержки в США означает: “быть энергичным, целеустремленным, жизнерадостным и успешным”.

В США чирлидерши образуют целую субкультуру. Они уже давно стали главным объектом вожделения в американском мейнстриме. Про чирлидерш снимают кино и делают игры для мобильных телефонов. Более того, группа поддержки — вообще любимая деталь режиссеров американских молодежных фильмов. Оно и понятно — сексапильные девушки, в коротеньких юбочках и обтягивающих майках, демонстрирующие с экранов чудеса танцевальной акробатики, обязательно привлекут тинейджеров. И даже на престижную работу вас возьмут охотнее, если в списке достижений стоит “участник группы поддержки”.

Престиж чирлидинга в современной Америке столь высок, что во многих школах и колледжах стать чирлидером непросто: этого надо добиться в напряженном соревновании.

Понятно, что конкурс среди желающих попасть в чирлидеры просто гигантский. Хотя формально путь в чирлидеры не заказан никому, но берут только тех, кто обладает отличными внешними данными и отменной физической подготовкой.

Иной раз тренировки чирлидеров отнимают куда больше времени и сил, чем тренировки спортсменов, которых они поддерживают во время соревнований. А в ходе матчей у них бывает куда меньше пауз и передышек, чем у игроков, но, по мнению чирлидеров, их нелегкие труды того стоят. Ведь это отличный шанс получить свои 15 минут славы. Да что уж тут говорить — Джордж Буш сам когда-то был чирлидером, а теперь лидер целой страны.

Сейчас в Америке идут вполне серьезные обсуждения — не включить ли чирлидерство в список олимпийских видов спорта. Основная для этого есть — чирлидерство давно уже

превратилось в явление международного порядка. К американской забаве уже пристрастились жители более чем 30 стран.

В России команды чирлидеров появились в середине 90-х. Считается, что первая профессиональная группа поддержки вышла на российскую площадку в 1995 году, на матче баскетбольного клуба ЦСКА. Группа была создана на базе армейской команды по художественной гимнастике. Выучив десяток танцев назубок, танцовщицы стали привлекать взгляды не только простых болельщиков, но и продюсеров различных программ. Вскоре российских чирлидеров стали приглашать на концерты, бои без правил и телевизионные передачи. Многие девушки уходили в группы подтанцовки эстрадных исполнителей и мюзиклы. Сегодня группа поддержки БК ЦСКА вышла за рамки примитивного "помахивания мочалками" и танцев а-ля варьете, в ее про-

грамме сложные танцевальные постановки, легкий стриптиз, танец с саблями и, как они называют сами, несколько "изюминок", которые, как правило, заимствованы из художественной гимнастики.

На вопрос, почему девушки ушли из спорта и начали сомнительную пока для нас чирлидерскую карьеру, почти все как одна отвечают, что чирлидинг вскоре станет признанным видом спорта, да к тому же еще и престижным. Командная работа, драйв, навсквозь пропитанные энергией и оптимизмом — вот те составляющие, которые девушки признают самыми привлекательными в чирлидинге. При условии, что постоянные тренировки обеспечивают высококлассную физическую подготовку.

Загорелые, улыбочивые, в открытых, ярких костюмах, стремительные, как стайка бабочек, девчонки выбегают на площадку для со-

ревнований и за минуту-другую дают целое представление. Зрители в восторге!

Тренер — или художественный руководитель — русской команды чирлидинга шутит, что иногда зрители приходят специально посмотреть на девчонок с гораздо большей охотой, чем на игру команд. И на самом деле посмотреть есть на что. Все девушки-красавицы — с идеальным загаром, с роскошными прическами и макияжем. Посещать солирный чирлидеры должны в обязательном порядке, а перед играми волосами и лицами девушек занимается профессиональный визажист.

Рваные джинсы, обтягивающие топики, коротенькие юбочки, взлетающие при каждом прыжке, — то, что нужно возбужденным болельщикам. Сверкнут девчонки пампушками, блеснут улыбками и убегают в раздевалку готовиться к следующему номеру. По всей раздевалке разбросаны костюмы. Каждый костюм — новый образ. Шорты и спортивная майка летят в сторону, из груды разноцветных тряпочек извлекается толик со стразами и короткая юбка. Последние "молнии" и застежки затягиваются уже на краешке площадки. Чирлидеры, как пионеры, — всегда готовы!

Соревнования чирлидеров — серьезное заявление на лучшую команду поддержки, плюс это не просто спорт, это еще и психология. Для чирлидера очень важно быть открытым, нести свой запас задорной энергии в зал, потому что только так будет диалог со зрителем. В американской практике вообще принято выбирать лучшую команду поддержки путем зрительских оваций — для кого зал громче кричит и свистит, та команда и побеждает. В судейском протоколе соревнований по чирлидингу определено десять параметров для оценки обязательных программ участников, объединенных по трем основным позициям: артистичность и презентательность, техника выполнения и степень сложности. Есть и свои ограничения — пирамида не должна быть слишком высокой, риск и соблюдения страховочных моментов должны быть взвешены. Судьи к этому относятся очень строго.

Российские девчонки на соревнованиях ни в чем не уступают ни американкам, ни японкам. Смеясь, утверждают, что до покориения высот и признания осталось еще чуть-

чуть потренироваться, а сейчас они присматриваются к соперницам и их технике. Тренер сокрушается, говорит, что зимой в результате неудачного прыжка пострадала одна девушка — упав, сломала ногу. А была одной из лучших "верхушек" — это самая верхняя участница в сложной пирамиде. Теперь она тренируется, но пока на соревнованиях не выступает. На мой вопрос об опасности и частоте подобных травм отмахивается, говоря, что любой спорт связан с риском и случайностями, поэтому никто не застрахован на сто процентов.

Вопреки киношному мифу о том, что у девчонок из группы поддержки то и дело случаются романы с игроками, игроки команд и их группа поддержки иногда даже не знакомы друг с другом. В лучшем случае, только здороваются за пределами площадки. Романы с игроками запрещены международным кодексом чирлидеров. Да, есть и такой. И вообще — изнутри этот спорт оказывается гораздо серьезнее, чем кажется при беглом осмотре. Видя пляшущих и фантастически прыгающих девушек, которые искренне и живо улыбаются трибунам, сложно предположить, что тренируются они по восемь часов в неделю, разучивают сложнейшие как танцевальные па, так и акробатические трюки, которые под силу только самым упорным и целеустремленным. Как рассказывает одна из участниц российской группы чирлидеров, для нее это не просто спорт, это определенный образ жизни. "Мне нравится идти по жизни с таким же зарядом энергии и улыбкой, которая обязательна на выступлении. Мне даже кажется, что чирлидинг — он как-то "выпрямляет" судьбу: откуда взяться стрессам и неприятностям, если я все время улыбаюсь, иду с прямой спиной и с изрядной долей уверенности берусь за все? Они просто ко мне не прилипают". В чем-то это на самом деле правда — чирлидинг в этом плане становится сильным объединяющим фактором. Это не просто команда, а уже почти семья, и те, кто не ушел в подтанцовки и шоу-бизнес, теперь вместе хотят побеждать и заводить публику на играх. При условии, что, с большой долей вероятности, скоро это сможет стать и очень успешной карьерой. Ну что ж, пожелаем удачи!

Алла ПУСТЫНОВА

Обратите
внимание!
Впереди
светофор!

Если исходить из старого доброго принципа, что сани лучше готовить летом, то мы с нашими санями, ой, то есть с шубой, уже опоздали. В России в ноябре, считай, уже зима. Но если немного постараться, то все-таки с гардеробом можно справиться. Тем более, что особо радикальных перемен в современ-

ной моде не наблюдается. Так что мы носим в этом сезоне?

Некоторые не запредельные, а вполне вменяемые демонстрации модной одежды показали, что носим максимально комфортные вещи, и никаких компромиссов в ущерб комфорту себе не позволяем. Теплые, мягкие

свитера с пухом и мохером (но ни в коем случае не колючие) могут быть и маленькими, облегающими, и, наоборот, большими, нарочито грубой вязки, с шалевыми воротниками-резинками. А если маленький мохеровый свитер надеть с яркой вышитой юбкой и добавить к наряду расшитую бисером сумочку, то успех на "пике моды" обеспечен. Можно еще вытащить сумку в стиле бабушкиной "авоськи". Когда-то с такими сетками население поголовно ходило в магазины. Сделаны они были из лески грубого плетения: квадратные, в клеточку, с пластмассовыми ручками. Если, случайно, в вашем доме такая сумка сохранилась — вы можете блистать на любой тусовке. Кстати, спицы есть? Сами свяжем, а леска продается.

Если вдруг в дальнем углу сохранились спортивные сумки из дерматина, которые носили во время Олимпиады 80-го года, с олимпийской символикой, а еще сумки, маркированные знаком качества — пятиугольником, то смело выходите с ними в свет. Советские раритеты в моде у продвинутых. И не думайте, что это такой "прикол". Просто западная мода обратилась к советскому стилю как к творческому источнику, правда, не с таким энтузиазмом, как во времена перестройки. Но зато нашим девушкам сейчас проще быть модными, при условии, что их мамы и бабушки не выбросили "хлам" на помойку.

Вообще, наша "ярмарка тщеславия" из 60-х годов уже переехала в 70-е. Особым свидетельством этого служит ретрообувь в стиле 70-х на платформе с чудными каблучками, с маленькой дырочкой на носике туфель. Руководствуясь описанным выше принципом, можем сказать: дырочку вырежем! Было бы желание. Только не все так просто. Вещи не должны выглядеть "бомжистыми". Все должно быть аккуратно сделано. И это тоже стиль.

Что еще берем из старого времени?

Пальто в старый добрый "рубчик" или теплых песочно-шоколадных оттенков, непременно с большими вместительными карманами. Стеганные, утепленные куртки, полупальто. Наш старый знакомый — пуховик. Но не такой надутый, как воздушный шар, что носили совсем недавно, а что-то вроде "стеганого одеяла". Стеганость, стеганые, возвращаются в моду все больше и больше. Стеганные юбки, жилетики, отдельные детали вроде карманов, воротников и манжет, стеганные сумки и сапожки — похоже, скоро будут встречаться на каждом шагу.

Остались в повседневной носке различные пелерины, теплые пончо, которые надеваются и поверх пальто в холодную погоду и сами по себе. Но особенностью этого сезона является нарядная застежка.

Носим платья, особенно фасона "туника". Шикарными считаются платья, сделанные из обыкновенных больших платков, зашитых по бокам и с прорезью для головы. Та-

кой типичный мешок с тремя дырками, но его можно надеть и на блузку, на водолазку, теплый свитерок. Стильно, модно и элегантно. И в пир, и в мир, как говорится.

Платья можно носить любые: вязанные, сшитые, комбинированные из разных тканей. Твори, пробуй, создавай! Всею зеленым свет. Силуэты прелегающие (при наличии изящной фигуры) или совсем свободные, как "с плеча великана". Зато скроет все недостатки. Эти платья способны согреть в любую стужу и угодить самому привередливому вкусу. Тем более, что стройность силуэта, благодаря длине от макси до миди, не будет стоить больших усилий. А вот мини в холодный сезон лучше не стоит носить. Модельеры просят поверить им: детали — ничто, пропорции — все!

Если бы в моде существовал рейтинг популярных новинок, то в самом его начале являлись бы модели из искусственного меха. Любимой строгий пиджак можно сделать нарядным и модным, если по обшлагам, воротни-

ку, манжетам украсить полосочками любого подходящего по цвету меха. Можно из плоской имитации сотворить меховые юбки, жилеты, сарафаны. Из пышных вариантов не стоит шить, иначе ваши объемы увеличатся на несколько размеров.

Исключительно для любителей одеваться в стиле "не как у всех" возвращается из прошлого фолк-стиль. Всевозможные рюши, воланы, отделка цветной тесьмой. На плечах можно носить опять же шали, но украшенные кистями, бахромой, с вышивкой толстыми цветными нитками. Кстати, такие шали могут заменить уже поднадоевшие толстые кофты.

Хорошо бы, следуя фолк-моду, сменить пуговицы не только на платьях, костюмах, но и на верхней одежде на какие-нибудь нарядные застежки: яркие пуговицы, цветные петли, металлические карабины, цветные шнуры — все будет на месте.

Также очень поддержат народный имидж кружевные и гипюровые платки, накидки, шарфы, которые можно и на бедрах повязать поверх юбки и даже брюк. Из любой простушки можно в такую таинственную красавицу превратиться, — загляденье!

Чулки и колготки носим либо в сеточку, либо ажурные. Это на выход. А в холод на каждый день, конечно, толстые, теплые, можно даже цветные. Похоже, они потихоньку входят к нам уже из 80-х годов. Из них же возвращаются различные аксессуары больших размеров. Всякие пряжки, широкие пояса, большие искусственные цветы, пришпиленные где угодно. Так что смело доставайте с антресолей все то, что родители не решились выбросить лет 15-20 назад, надевайте, носите — не прогадаете.

Но, конечно, не будем забывать и о мужчинах. Их одежда должна соответствовать нашим модным нарядам.

Мужские пиджаки, считают дизайнеры, могут быть "на равных" и двубортными и однорядными. Застегивать на пуговицы не обязательно. Разница в цвете пиджака и брюк уже стала стилем. Предлагаются неожиданные композиции: светло-серый пиджак и брюки слоновой кости, или — салатный верх и терракотовые брюки. Ну и так далее, на ваше усмотрение.

Огромное значение придается галстуку. Вернулись большие узлы, мягкие, широкие. Цвета самые различные. Но вполне можно появиться и без галстука.

В молодежной моде, как обычно, сочетание костюма со спортивными майками, футболками, теннисками. Чаще, чем у взрослых, предлагается отложной воротник, выпущенный поверх лацканов пиджака.

Ну и так же, как в женской моде, носите теплые, пушистые свитера, всякие "дутики", теплые, мягкие пальто, и даже из искусственного меха. Очень сейчас это будет модно.

Современная мода упорно предлагает нам яркие краски. Но в России, достаточно большая часть которой находится в северной области, яркость приживается с трудом. Во всех сезонах наши граждане предпочитают ходить в черной и серой одежде, выбирают черную и серую обувь, такие же перчатки, сумки и так далее. Но дизайнеры все-таки стараются расцветить нашу жизнь и вводят яркие цветовые детали. Самый хитрый ход — яркая подкладка к верхней одежде и в обуви. Представляете, снимаете туфли или даже сапоги, а там не черная, серая или белесая полоса, а красное чудо. Будьте уверены, особенно зимой хорошее настроение обеспечено.

И вот тут пора вспомнить и о том, что в Новый год мы войдем под знаком Огненной Собаки. Конечно, при условии, что мы следуем восточным традициям, хотя бы для развлечения. А новогодний наряд надо готовить, так же, как и сани, — заранее.

Знающие люди говорят, что Огненная Собака любит все яркое, оттенки хорошо знакомого нам светофора — красный, желтый, можно еще и зеленый.

Красный может быть темнее или светлее, холоднее или теплее, но творческие продвинутые дизайнеры одежды предлагают алые костюмы даже деловым женщинам, а уж молодежи просто положено ярко одеваться. Поэтому смело надевайте красные революционные брюки, трикотажные вещи, куртки, жакеты и даже пальто, которые своим жизне-радостным видом согреть не только тело, но и душу в нашей серой зимней слякоти.

В желтом или оранжевом цвете даже в самую лютую стужу будем вспоминать о лете,

солнечных пляжах, цветочках-лютиках. В общем, в желтом — вперед за оптимизмом. Конечно, мало кто рискнет надеть в спячку и мокрый снег лимонно-желтое пальто, но уж желтые и оранжевые куртки и сумки окажутся весьма кстати. И ярко-желтые брючки, лучше укороченные, подойдут, и платья для дискотеки, и блузки из желтого типюра — в общем, везде, где вы снимете верхнюю одежду и окажетесь в солнечных оттенках, вам обеспечен успех.

Знаете, зеленый сейчас становится таким модным, что дизайнеры взялись даже мех перекрашивать во все его оттенки. Он не так агрессивен по сравнению с красным и желтым, но сохраняет ту же жизнерадостность. В новых коллекциях показывает много оттенков всех оттенков зеленого. Между прочим, народ сам, видимо, того не зная, начал готовиться к Тоду Собаки: еще летом, на улицах появилось много ног в зеленой обуви. Привильно ли это, я не знаю, но давайте, товарищи!

Евгения ГОРДИЕНКО

Карлсон, который ест на крыше

Знаете, что общего у Карлсона, Альфреда Нобеля и шведского короля Карла Густава? Ответ прост до неприличия — всего лишь то, что они шведы. И ели шведскую еду. А почему же ее не ешь, если она такая вкусная и сытная? Бывшие викинги, хоть и приобрели современный лоск и покрылись налетом цивилизации, свою кухню отдавать интервентам не намерены. А вот шлемов с рогами викинги не носили. Это историческая ошибка, чтоб вы знали.

Шведы вообще страшно близки по духу нам, русским. Например, самая популярная закуска у них — соленая селедка, с нее принято начинать трапезу. Про самый популярный напиток вы, наверное, и сами догадаетесь —

что у нас там к селедочке идет? То-то же. А еще шведы большие любители кофе — пьют его почти столько же, сколько и соседи финны, а те вообще стоят в мире на первом месте по потреблению этого напитка.

Кстати, ставший всемирно известным "шведский стол", который теперь встретишь в каждом турецком и египетском отеле, по-шведски звучит как "Смергосбург". История этого стола такова: в давние времена, когда шведы собирали по какому-либо поводу у себя гостей, то думали, естественно, прежде всего, о том, как бы накормить всех. А гости, надо отметить, прибывали издалека, из разных селений, разбросанных по просторам этой большой и мало населенной страны. Чтобы

не заставляя их долго ждать, подавали блюда, способные сохраняться несколько дней: соленую сельдь, салаты из картофеля и вареных овощей, сваренные вкрутую яйца, холодное мясо и, конечно, бутерброды.

А помните мясные тефтельки, которые жарила мама Малыша из сказки Астрид Линдгрен? Именно из таких тефтелек Карлсон строил башню, а потом с удовольствием ее уплетал...

Вы уже поняли, что шведская кухня — обильная, сытная и вкусная. Теперь подходим к самому, с моей точки зрения, интересному. А самое интересное для меня — законченной сладкожке — разумеется, десерт. Вернемся к Карлсону — помните знаменитое "Деньги дерешь, а корицу жалеешь?" Так вот, настоящие шведские фру корицу жалеть не склонны — иначе не получится настоящих шведских плюшек с корицей, которые готовила фрекен Бок...Предлагаю далеко от Вазастана, где жила семья Свантесонов, не уходить и приготовить традиционный шведский обед — мясные тефтельки с брусничным соусом и плюшки с корицей. Назовем это дело "Обед у Карлсона".

Итак, чтобы приготовить 50 тефтелек...Стоп, не пугайтесь, это не так много, как кажется. Во-первых, они страшно вкусные. Во-вторых, это вам не русские котлеты величиной с ладонь, а ма-а-а-ленькие тефтельки, диаметром не больше 3 сантиметров. И в-третьих, вы всегда сможете поделить с Карлсоном. Так вот, понадобится 600 гр. фарша. Лучше всего, если в нем будет 70 процентов говядины и 30 процентов свинины. Шведы готовят тефтельки уже много веков, так что я склонна верить их пропорциям. В стакане молока замочим полстакана панировочных сухарей. Мелко порежем луковицу, обжарим ее в масле и дадим остыть. Горячая луковица — она недобрая, а тефтельки должны иметь хороший характер. Теперь смешаем с фаршем замоченные сухари, лук, яйцо, посолим и поперчим. Мокрыми руками делаем шарики величиной с грецкий орех и складываем их в тарелку, смазанную растительным маслом. Теперь растапливаем на сковороде жир и выкладываем в нее порцию тефтелек. Для этого надо только наклонить тарелку над сковородой — они соскольз-

нут сами. Такие вот самостоятельные. Теперь жарим их, время от времени встряхивая сковороду, чтобы тефтельки стали румяными со всех сторон. Перед тем, как жарить следующую порцию, жир надо слить, а сковороду вымыть. Чтобы тефтельки были по-настоящему шведскими, к ним нужен брусничный соус. Для чего нужно в сковороду (чистой!) разогреть 2 столовые ложки оливкового масла, бросить туда мелко нарезанную луковицу и обжаривать ее минут пять. Потом добавить туда 450 грамм вымытой брусники, 3 столовые ложки меда, тертую цедру и сок одного апельсина. Накрыть крышкой и тушить минут 20. Потом надо дать ему остыть от всего пережитого. Как ни странно, из этого сочетания продуктов получается очень вкусный соус к тефтелям.

Поели? Теперь можно взяться и за десерт. Если у вас под рукой нет фрекен Бок, придется печь плюшки с корицей самостоятельно. Для этого надо взять 25 грамм свежих дрожжей и растворить их в 500 мл. теплого молока, добавить 150 гр. сахара, 1 ч.л. соли, столовую ложку кардамона (пряность такая) и 1 яйцо. Просеять туда же 450 гр. муки. Все перемешать, добавить еще 450 грамм муки (шведы малыми масштабами не едят) и 150 грамм размягченного масла. Еще раз все тщательно замесить и поставить в теплое место подходить на 30-40 минут. Вот вы и сделали дрожжевое тесто (а сами и не заметили, до того просто это вышло). Теперь сделаем начинку — смешаем 3 столовые ложки с горкой корицы (мы ее не жалеем, в отличие от фрекен Бок), 3 столовые ложки сахара и 1 чайную ложку ванильного сахара.

Вернемся к тесту. Его нужно разделить на 2 части и каждую раскатать в прямоугольник 40x50 см. Намазать прямоугольники мягким маслом и посыпать каждый половиной начинки. Свернуть рулетом и нарезать на кусочки толщиной 3-4 см. На выстеленный бумагой противень выложить плюшки швом вниз, намазать взбитым яйцом и выпекать при температуре 200 градусов около 15 минут...Плюшки получаются румяные и очень ароматные...

...Их так вкусно макать в свежесваренный кофе, когда за окном шумит ветерок и чай-то пропеллер...

Пишите Анке!

***

Я выписываю ваш журнал не менее двадцати лет. Однако последнее время задумываюсь о целесообразности дальнейшего приобретения "Смены". Такие мысли не посещали меня даже во времена перестроенного лихолетья.

Если рубрики "Издалеку" Любови Русевой и "Наследие веков" всегда содержательны, интересны и выше всяких похвал, то художественные произведения (романы, детективы, зарубежные рассказы) не выдерживают никакой критики, упали до третьесортного уровня. Чего только стоит суицидальный, последний, в юбилейный для вас год, номер, который по количеству смертей уверенно лидирует в сравнении с жёлтой прессой. Удачно иллюстрирует это Владимир Бочаров своими пасквилями "Знахарь" и "Исход" в стиле изречений Вайры Вике-Фрейберга о ветеранах Великой Отечественной войны.

В целом же, журнал становится бесцветным, хотя некоторые материалы студентов, пишущих в "Молодом бульваре", превосходят постоянных авторов. Могу сравнить мёртвые статьи Владимира Кислова, напоминающие рефераты первокурсников по точным наукам, с Кириллом Подольяком, например, с его публикациями "Деньги есть, талант не нужен", "Сколько стоит звезду построить?" и с его достойным компьютерным ликбезом. Продолжая сравнительный анализ, хочу отметить неумелый, навязчивый рекламный ход в статье Елены Логуной в первом номере этого года и, как противопоставление, "Спросите меня как?" Полины Швартиной в мартовском выпуске журнала.

К "лучу света в тёмном царстве" можно отнести заметки о разных видах спорта. Своевременно заменили оперативно испи-

савшегося Бертрана Вьедливого на кратко, но ёмко пишущего, с неожиданными философскими выводами Ника Сигарищенко. Безусловно, хорошо, что в "Смене" пишут об учебных заведениях, но стиль выбран не слишком удачно. Нудно. Восхищает уверенность Полины Теслер в том, что она из номера в номер может писать обо всём: хип-хоп, девушки-кадеты, курортные романы, мода, бейсбол, горные лыжи.

Витийствования Марины Фетисовой о том, кто и что сегодня читает, терпимы, не более. Но, на мой взгляд, фразы вроде "Он "вкусно" пишет, говорят о Гоголе..." недопустимы в применении к тем титанам русской, мировой литературы, о чтении которых пытается рассуждать автор.

Опусы Екатерины Постниковой, с небудительной претензией на знание армейских устоев и периодически просыпающимся робким чувством юмора, можно отнести к печатному наполнителю, которым последнюю пару лет изобилует журнал.

Что творится с редакцией? Жаль, если ваш творческий поиск трансформируется в медленную гибель издательства с огромной историей и традициями.

Барадьянец Сергей Григорьевич, Москва

Уважаемый Сергей Григорьевич, не спешите отказываться от нашего журнала. Уже в следующем году "Смена" предстанет перед вами изменённой, и у вас останется гораздо меньше поводов для критики.

***

Уважаемая редакция! Во втором номере вашего журнала за этот год была опубликована статья Кирилла Подольяка в руб-

рике "Молодой бульвар" под названием "Смертельная музыка". Эта статья вызвала во мне категорическое несогласие и неприятие некоторых моментов. А также я позволила себе сделать вывод о том, что данный автор не до конца понимает темы, которые освещает, и делает неверные выводы. Очень хочется, чтобы вы дали этому автору возможность познакомиться с моей точкой зрения на его статью, изложенную ниже.

Уважаемый Кирилл Подоляк! Ваша статья "Смертельная музыка" не смогла меня оставить равнодушной, особенно часть, посвященная рок-музыке. Да, скажу я вам, неприятно, когда тебя называют "психически неуравновешенным и просто больным человеком". Я в течение 6 лет ежедневно слушаю хард рок, хэви метал, дэт, блэк, готику. За свои 23 года я никогда не пробовала курить. Я не пью вообще никакого алкоголя, даже в праздники. Почти на одни пятерки закончила техникум и университет культуры, причем не так как многие, а своими силами, ни за один экзамен не давала взятку. Четыре года работаю в детской библиотеке, у меня есть жених, тоже непьющий и со всех сторон положительный, серьезный парень. Мы оба металлисты. Слушаем и про "кровь" и про "смерть"...

Видимо, ваше знакомство с современным металлом ограничилось группой "Бурзум" — отнюдь не лучшим представителем. Там нет музыки — там шум. Рок — это музыка, освещающая противоречия, неустроенность, темную сторону жизни. Там мало места веселости и позитиву, тут вы правы, НО. Есть такие группы, что ни песня — произведение искусства! А какие голоса — Басков позавидует! А какие строки — про-

сто крылатые слова! Рок, если слушать действительно хорошие группы вдумчиво и с умом, может сформировать богатый духовный мир личности, воспитать музыкальный вкус. Кровь, смерть, бунт — все это есть в роке и у хороших групп, и у средних, кто спорит! Просто не надо заикливаться на этом. Мне вот все это не надо, я и пропускаю мимо ушей. Думаете, мне не обидно за рок, что куча идиотов выбрала именно его для своего идиотского самовыражения? Из-за них и пошло мнение о роке, как о музыке для примитивных и ограниченных людей.

Не надо крайностей! Кто склонен к самоубийству, тот все равно к нему придет, так или иначе. Уважаемый Кирилл! Не плюйте в рок! Он не так плох и разрушителен. Все зависит от того, кто этот рок слушает.

Елена, 23 года, библиотекарь

Елена, ваша критика абсолютно безосновательна. Создается впечатление, что вы читали какое-то другое издание, а письмо прислали нам по ошибке. Кирилл Подоляк ни в коей мере не пытался в своём материале ни очернить, ни унижить ни рок вообще, ни тем более его поклонников. Суть материала состояла в том, что некоторые представители данного музыкального течения своими "музыкальными" произведениями способны сознательно или несознательно разрушать человеческую психику. И "такой хоккей нам не нужен". Всего лишь предостережение, рекомендация, и никаких намёков на рок вообще. ■

*Письма читала заслуженный почтарь
России Анка Самочетчица.
SmenaMB@yandex.ru*

Пишите Анке!

СТЕЛС боевик-фантастика

Стелс ("Stealth")

Режиссер: Роб Коэн

Год выхода: 2005, USA

В главных ролях: Три человека и самолет

Перед нами очередной штамповочный фильм. Начало интересное, интригующее, а дальше все предсказуемо. На военно-морской базе решили испытать искусственный интеллект, а самое главное — возможность замены человека машиной. В общем-то, неплохая идея — а что зря людей гробить. Но не тут-то было... Кибер-разум нахватался совсем не мирных идей... Наверное, американцам нравится смотреть картины про "негодяев", жаждущих разрушения "вселенной". Все будет хорошо — добро победит зло. Но после просмотра остается впечатление, что что-то подобное уже видели, только спецэффекты были не такими "крутыми". Фильм зрелищный, есть даже линия любви, глубоким смыслом не наделен. Особенно понравится фанатам самолет Стелс.

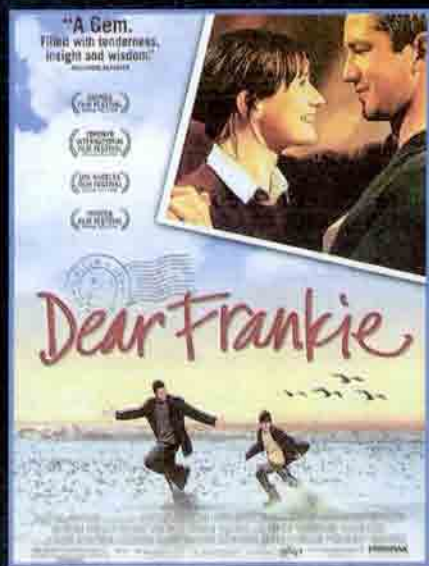
ОСТРОВ триллер

Режиссер: Майкл Бэй

Год выхода: 2005, USA

В главных ролях: Парень и Девушка

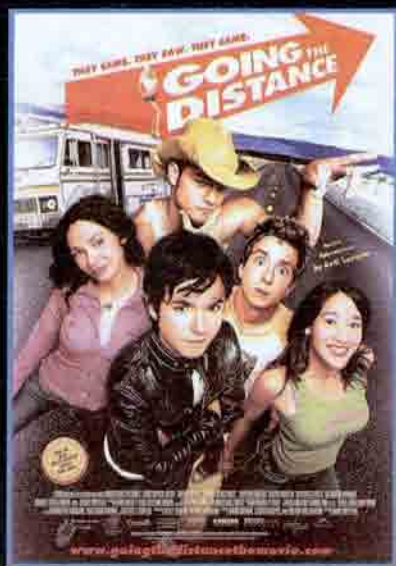
Идеи Герберта Уэллса и Джорджа Оруэлла живы, и, судя по всему, — бессмертны. Это прекрасно видно по этому фильму. Помнится, картин с таким названием существует несколько, ну да ладно. Суть в том, что есть остров, на котором живут клоны, где для них специально создан утопичный мирок. Их предназначение — "детали" для "настоящих" людей-двойников. Не будь интриги — не было бы фильма. Главный герой открывает для себя, что все, чем он живет — фикция. Естественно, решается на побег, но не один, а с симпатичной подружкой по несчастью. План беглецов прост — убить "двойников" и занять их место под солнцем. А получится ли — увидите сами... Фильм производит неизгладимое впечатление, поэтому слабонервным смотреть не рекомендуется.

ДОРОГОЙ ФРЭНКИ мелодрама

Режиссер: Шона Ауэрбах
 Производитель: Где-то рядом, 2004, Великобритания
 В главных ролях: Джек МакЭлхоун, Жерар Батлер

Серьезные фильмы — редкие гости на наших телеэкранах. Данный фильм предназначен для настоящих ценителей искусства кино. История, показанная в картине — очень грустная, чувствительных людей возьмет за душу и вызовет потоки слез. Речь в фильме идет о матери-одиночке, у которой подрастает сын. Отношения с "мужем" не сложились — но ребенок страдать от этого не должен. Чтобы не портить детство чаду, мать пишет ему письма от имени отца-мореплователя... В один прекрасный день выясняется, что корабль отца на днях прибывает в их город. Что же делать? Естественно, чтобы не разрушить мечты и не выдать обман — найти человека, который умело сыграет роль папы мальчика. Красивая и плаксивая история, но она того стоит.

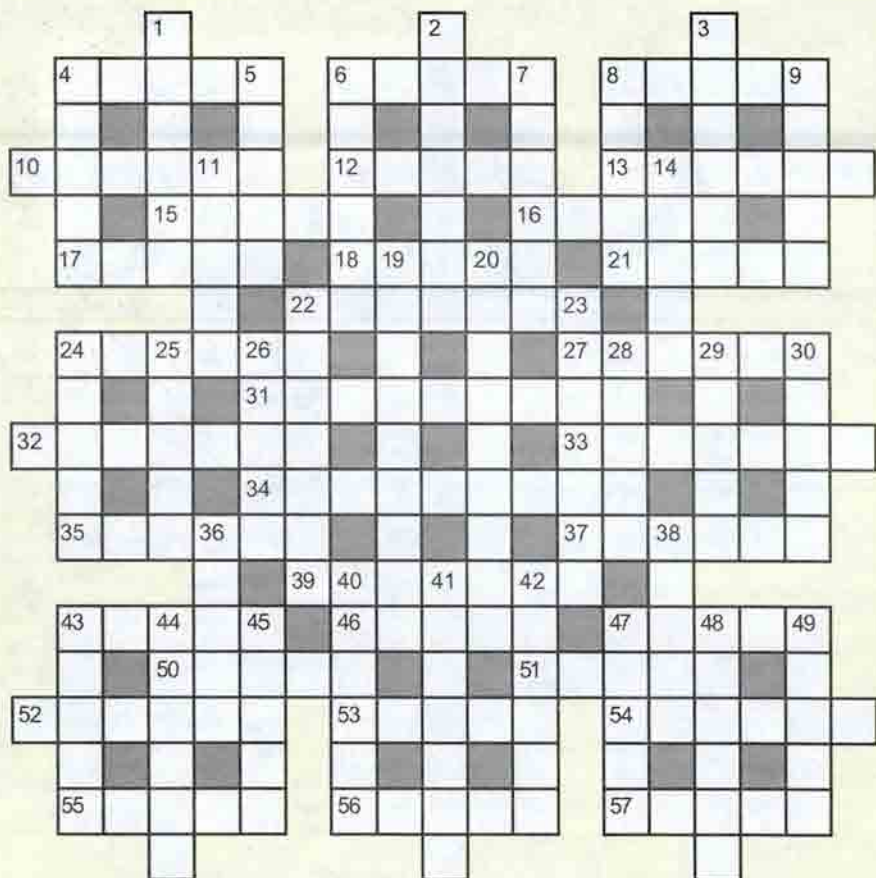

ДЕРЖИСЬ ДО КОНЦА комедия

Режиссер: Марк Гриффитс
 Производитель: Догадитесь сами, 2004, USA
 В главных ролях: Какая разница — все равно неизвестные.

"Этот человек — идиот" — сказала голова робота из космической саги "Лекс". С этого можно начать обзор данного фильма. На то она и комедия, чтобы высмеивать, утрировать наши ошибки, ведь не взглянув со стороны — не поймешь. Главному герою Нику светило хорошее будущее — престижная работа, прекрасная жена. Но в одночасье все меняется: будущая жена сбегает к музыкальному продюсеру и переезжает в другой город, что рушит все планы парня. Ой, ставь точку, забудь, найди другую. А он отправляется в Торонто, чтобы вернуть возлюбленную. Вот тут все и начинается. Друзья, родители понимают, что ничего хорошего из этого не выйдет и всячески стараются помешать сыну \ другу...

Анжелика

КРОССВОРД

По горизонтали. 4. Лейтенант, в чьих детях побывал Остап Бендер. 6. Чужой человек, приглашенный на руководящую должность. 8. "В жаркое лето и в зиму метьную" (стилистическая фигура). 10. Духовный обморок. 12. Способ советской торговли, при котором вместе с дефицитом можно было продать даже прошлогодний снег. 13. Время получить путевку в жизнь. 15. Любимая птица М. Пришвина. 16. Русская мера несгибаемости. 17. Римский "песок", теперь посыпаемый опилками. 18. Газетно-литературный жанр. 21. Не было ни гроша, да вдруг... 22. Человек лопающий в народный речи. 24. Пулемет. 27. Известная в свое время футбольная команда Молдавии. 31. Банкир-надомник. 32. Козьма-сатирик, созданный, чтобы высмеивать, по догадке П. Флоренского, славянофилов. 33. Гнилой интеллигент в глазах здорового пролетария. 34. Герой восточной литературы на ишаке. 35. Рахат Лукумыч. 37. Условие, заставляющее поломать голову. 39. Пове-

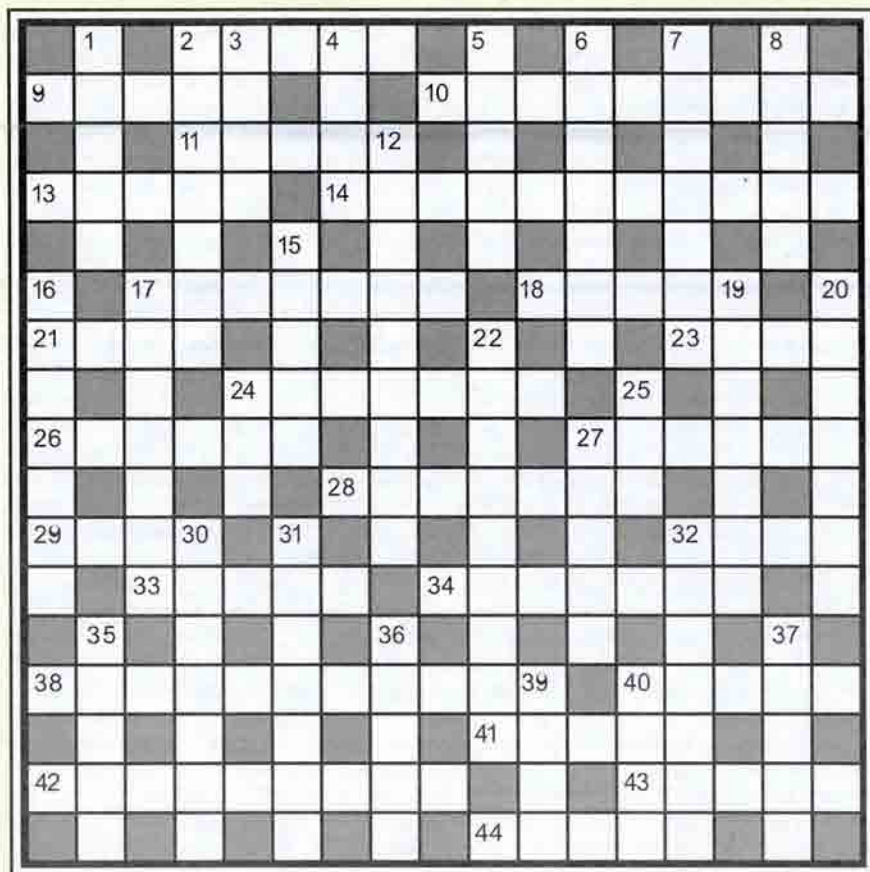
дение простеца, метящего в аристократы. 43. Личная штукатурка. 46. Компаньоны беников в уплетании вареников. 47. Дьявол мусульманский. 50. Прибавление семейства у длинноухих. 51. Цепной сторож корабля. 52. Жадина, жадюга, жидомор, жила, жмот, сквалыга, скопидом, скряга, скупец, скупердяй (еще один синоним). 53. Питерский партнер Брокгауза по выпуску Энциклопедического словаря. 54. М. Вламинк, А. Дерен, Р. Дюфи, А. Марке, А. Матисс или Ж. Руо как "дикий" художник. 55. Собрание музыкальных труб. 56. У забулдыги ... определяет сознание. 57. Французский город на Средиземном море, "лучезарное небо" над которым, как со щемящей болью написал Георгий Иванов, "навсегда стало небом родным".

По вертикали. 1. Каждый из объектов в советском стиле "барокко". 2. Название яванского макака по морскому животному — его пище. 3. Слон до облысения. 4. Разрез у пиджака. 5. Тавро у монгольских скотоводов во времена Чингисхана. 6. Французский художник XVIII века, изображавший придворных дам безупречными красавицами, как античных богинь и муз. 7. Греческий герой, поступивший с авгиевыми конюшнями согласно поговорке: сила есть — ума не надо. 8. Пятачок в компании Степашки. 9. Газ, которого несметно много в вечной мерзлоте Сибири. 11. Глаза у скульптур З. Церетели. 14. Герой сказки Сельмы Лагерлеф, совершивший путешествие с дикими гусями. 19. Английский писатель, чьи "Играющие старики" поняли, что "Неведение отца Брауна" может привести его в "Перелетный кабак", где "Вино, вода и песни". 20. Наш шпион. 22. Историческая область во Франции, по которой раньше называли оливковое масло. 23. Вера в существование душ и духов. 24. Старуха, живущая тем, что другим жить не дает. 25. Игра, где джек-пот — сокращение от Джека-потрошителя. 26. Пуля ей, как об стенку горох. 28. "Черная доска", пробуждающая светлые чувства. 29. "А он не ест ни меда, ни вкусных желудей, ну ничего, чем кормят порядочных людей!" (герой стихотворения Винни Пуха). 30. В "Мойдодыре" К. Чуковского они тоже умываются. 36. Австрийский педиатр, чья "реакция" помогает выявить туберкулез. 38. Антипод зла, отвечающий, по Л. Фейербаху, "эгоизму всех людей". 40. Советский тенор, заложивший немало людей. Когда эски стали возвращаться из ГУЛАГа, однажды за кулисами в Большом театре женщина плюнула ему в лицо. Поэтому, нет ли, но вскоре он умер. 41. Частота дыхания или сокращений сердца по научной сути. 42. Стечение гласных внутри слова или предложения. 43. Котельная черт знает где. 44. Одна, а на все четыре стороны. 45. Герой романов Ж. Верна "С Земли на Луну" и "Вокруг Луны". 47. Советский архитектор, основной автор проекта умпомрачительного большевистского Дворца Советов для Москвы. 48. Царица зверей. 49. Предмет первого в жизни человека обмана. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 1. Фиалка. 5. ...зрение. 10. Скрижаль. 11. Антигона. 14. Рвач. 15. Иммуитет. 16. Вязь. 19. Глиста... 20. Фрахт. 21. Жалоба. 24. Круглоголовка. 25. Независимость. 28. Прогиб. 29. Шалаш. 30. Долото. 34. Ритм. 35. Меченосец. 36. Весы. 39. Экспромт. 40. Луизиана. 41. Галкин. 42. Анатом.

По вертикали. 2. Иордания. 3. Лыжи. 4. Апломб. 5. Зенкер. 6. Ефим. 7. Изолятор. 8. Острог. 9. Мальва. 12. Пуэрториканец. 13. Синхронизатор. 17. Вторжение. 18. Баскетбол. 22. Ягуар. 23. Хохот. 26. Поэтесса. 27. ...модерато... 28. Пируэт. 31. Обычай. 32. Герман. 33. Цезура. 37. Юрок. 38. Узда.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 2. Птица из одноименного стихотворения Н. Гумилева, презиравшая его в детстве. 9. Выписанный из Германии за большие деньги инженер, удивляющийся, что он ничего не делает, а зарплату получает ("Золотой теленок"). 10. Худший вид свободы, несущий в конце концов всеобщее уничтожение. 11. Бородатый лишайник — источник антибиотиков. 13. Немецкий композитор, говоривший: "Народная песня — мой идеал". 14. Охотник с одной из прирученных хищных птиц. 17. Каждый из 1100 жертв зверской расправы, на чьих костях в прямом смысле стоит Эйфелева башня. 18. Эрос, по вымыслу Платона, — сын бедности и богатства. Бедность — Пеня. А богатство? 21. Дорийский портовый город с самой известной в античности школой врачей. 23. Гадательные карты цыганского происхождения. 24. Русский писатель, точно заметивший, что "человек человеку бревно". 26. Бросаемый в воздух женщинами убор в "Горе от ума". 27. Американский

летчик, рекордсмен мира в убийстве: от сброшенной им на Хиросиму бомбы погибли 140 тысяч человек. 28. 50 килограммов в Венгрии и Германии. 29. Камышовый кот, похожий на большую домашнюю кошку. 32. Тип декора фарфоровых изделий (блюды и тарелки) в виде плетенки, изобретенный в 1730-х годах художником И. Кендлером в городе Майсен. 33. Дворец в исламской архитектуре. 34. Самовлюбленность. 38. Каждый из персонажей "Тайной вечери" по отношению — в той или иной степени — к Леонардо да Винчи. 40. "Жидкость совсем особенная" (Гете в "Фаусте"). 41. Прирученная птица, сидевшая рядом с Жераром де Нервалем, когда он покончил с собой. 42. Среда, "плоскость содержания и безличность духа" (Иванов-Разумник). 43. Театральный деятель, открывший в 1904 году частный оперный театр в Москве. 44. Каждый из разбитых шлемов своих товарищей Гасконом Слепым в балладе А.К. Толстого.

По вертикали. 1. Место, за какое Андрей Андреич ухватил налима в рассказе А. Чехова. 2. "Смарагдос" Плиния Старшего нынче. 3. Кентавр, пытавшийся наставить рога Гераклу, а затем и погубивший его. 4. Слоновая пальма. 5. Живописец, чью картину "Иван Грозный у тела убитого им сына" в известной степени через 20 лет использовал И. Репин. 6. Английский завоеватель Ирландии. 7. Строитель маяка в Александрии — одного из семи чудес света. 8. Цветок (водяной), какой древние египтяне считали первым живым существом на земле. 12. Аполлоний Тианский как прорицатель, прозорливец. 15. Представитель самого малочисленного народа России. 16. Одна из сочинительниц гнусного письма царю Салтану о его жене и новорожденном. 17. Русская поэтесса, повторявшая: "Когда любишь человека, видишь его таким, каким его задумал Бог". 19. Доисламская религия арабов с культом небесных светил. 20. Предводитель хора в древнегреческой трагедии. 22. Заглавный герой ходульной пьесы М. Горького. 24. Известная семья немецких музыкантов, в основном, скрипачей. 25. Немецкий купец, известный заметками о путешествии в Москву на рубеже XVI-XVII веков. 27. Живописец римской школы, испытавший сильное влияние Рубенса и венецианцев. 30. Транспорт мощностью в одну ногу. 31. Каждый из спортсменов, чей первый чемпионат мира прошел в 1933 году в Праге. 32. Сын, вылакавший папину водку и наливший вместо нее воду. 35. Народ, чья идеология, по Н. Бердяеву, породила расизм. 36. Дешевая литература для убийства дорогого времени. 37. Ювелирный камень, "пироксен Оверни" у французов. 39. Партия, родная для философа и публициста Болингброка. 40. Партнерша медведя в ярмарочных увеселениях. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 1. Жюри. 4. Карсавина. 9. Гис. 11. Людоед. 12. Мейерхольд. 14. Щедкость. 15. Филистер. 18. Соловей. 19. Отбив. 22. Мотет. 24. Ракия. 25. Кобзарь. 26. Жупан. 29. Диета. 30. Шемая. 31. Простой. 36. Епиходов. 37. Дангулов. 39. Сеттеченто. 40. Эшевен. 41. Зга. 42. Хроноскоп. 43. Гнев.

По вертикали. 1. Жилище. 2. Редедя. 3. ...вид. 5. Алея. 6. Стевин. 7. ...вахмистр. 8. Налетчик. 9. Геродот. 10. Удерж. 13. Отводок. 16. Цензура. 17. Толуш. 18. Сезам. 20. Барий. 21. Витте. 23. Ярослав. 27. Периптер. 28. Наполеон. 29. Долгуша. 32. Челси. 33. Кодекс. 34. Пльвун. 35. Иванов (Вячеслав). 38. Отто. 40. Эрк.

Лена Ленина

Лена Ленина — сибирская красавица, сделавшая блистательную карьеру во Франции. Сегодня Ленина — журналист, телеведущая, известная фотомодель, русский символ на обложках модных журналов. Ее книги с успехом издаются во Франции и уже готовятся к изданию в России.

— Елена, в России выходит ваш первый роман "Perfection. Страсть к совершенству". Что подтолкнуло вас к написанию этой книги?

— Несколько лет, проведенных на Западе, заставили меня сделать очень лестный для русских женщин вывод — они не только самые красивые в мире, но еще и самые сильные. Трудные условия выживания в нашей стране сделали их

стрессоустойчивыми, умными, упорными и трудолюбивыми. И если бы все русские девушки вдруг решили добиться успеха на Западе, то равных им не было бы даже в таких областях, как шоу-бизнес, реклама, кино, эстрада и модельный бизнес, где конкуренция особенно высока. Не говоря уже о бизнесе вообще. И мне показалось, что единственное, чего им не хватает, так это уверенности в том, что успеха достигнуть очень легко, и главное — знания механизмов его достижения. Поэтому я и решила написать эту книгу как учебник бизнеса для девушек и женщин от 7 до 77 лет, так как известно, что богатство и счастье не зависят от возраста.

— В своем романе вы даете советы, как добиться успеха. Вы считаете, что можете давать подобные рекомендации?

— После того, как в апреле этого года престижный французский журнал "Пари Матч" назвал меня самой известной русской во Франции, я возгордилась и решила не жадничать и поделиться с другими тем немногим, что знаю в области достижения успеха.

— Сейчас выходит очень много книг о том, как стать успешной. Чем, по-вашему, "Perfection" отличается от подобной литературы?

— Эта книга отличается от многих книг, написанных на тему успеха, тем, что ее автор хорошо разбирается в особенностях как российского, так и европейского менталитета. А главное, автор дает советы, основанные на практическом опыте. Я практик, а не теоретик.

— До "Perfection" во Франции вышли уже несколько ваших книг. Расскажите подробнее, о чем эти романы?

— В прошлом году в издательстве "Michel Lafon" вышла моя первая книга "Cours, cours, camarade". Это автобиографический роман о сложном периоде жизни России — переходе от социализма к жесткому капитализму и о нелегкой судьбе простой сибирской девчонки, которая хочет добиться успеха на Западе.

В январе следующего года в очень престижном и серьезном издательстве "Grasset" выйдет моя вторая книга на французском языке "Les nouveaux tsars". Это книга о самых крупных предпринимателях нашей страны, о том, как молодые парни, которым иногда нет и тридцати лет, становятся миллиардерами. "Les nouveaux tsars" — роман обо всем, что так интригует западного читателя в мире олигархов.

Также в следующем году планируется к выходу первая серия комиксов "Елена — секретный агент". Во-первых, я решила сыграть на абсурдном стереотипе французов о том, что все русские обязательно являются агентами КГБ, а, во-вторых, мне лестно увековечить мой блондинистый образ в мультиках, и, в-третьих, как это ни странно, я реализую свое право на свободу слова — я уже написала две первые серии о реальных, но страшных событиях в бизнесе. В обычной прессе я бы не осмелилась об этом говорить, а в комиксах все подумают, что это вымысел.

Я уже получила предложения от российских издательств на перевод первых двух книг. В издательстве "Эксмо" в ближайшее время выйдет моя вторая книга "Новые русские цари" о российских олигархах.

— Почему все предыдущие книги вы издавали за рубежом, а "Perfection. Страсть к совершенству" решили выпустить в России?

— Не смогла устоять перед соблазном заключить договор с одним из самых престижных и крупных издательств России — "Эксмо", которое буквально взорвало российский книжный рынок такими авторами, как, например, Александра Маринина и Дарья Донцова. Впоследствии я обязательно адаптирую эту книгу к выходу за рубежом. Но впервые она выйдет именно в России.

— Свою карьеру вы начинали как фотомодель, что подтолкнуло к литературной деятельности?

— Хотя я и начинала свою карьеру как фотомодель и сейчас продолжаю много сниматься для прессы или рекламы, все-таки большую часть своей жизни я проработала как журналист на телевидении. А все журналисты когда-нибудь пробуют себя в литературе. А там уж как повезет. Мне повезло, за мою первую французскую книгу толпы рациональных французов отнесли в кассы свои кровные 18 евро.

— Ваши творческие планы?

— Сегодня я подписала два новых французских контракта написание книг и три новых русских. Кстати, я как ленивый человек всегда сначала заключаю контракт, а потом уже как очень ответственный и трудоспособный его выполняю и перевожу. Параллельно, у меня два рекламных контракта как фотомодели — с производителями тайянского черного жемчуга и французского женского белья "Шарлотт". А также съемки в кино и на телевидении.

